Л И Т Е Р А Т У Р Н Ы Й А Л Ь М А Н А Х

Г Р А Ф И Т

№ 19

Тольятти
2020 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия Денис Липатов (Нижний Новгород)

Георгий Квантришвили (Самара)

Художник номера: Елена Карева

Вёрстка: Сергей Пиденко

Все права принадлежат авторам.

В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Сентябрь 2020 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Янис ГРАНТС …… 6

Виталий ШАТОВКИН …… 10

Анна МАРТЫШИНА …… 14

Игорь СОРОКИН …… 18

ПРОЗА

Андрей ПЕРМЯКОВ ***Главы из книги «Сибирский тракт и другие крупные реки»*** …… 22

ДЕБЮТ В АЛЬМАНАХЕ

Ирина КАБАЧКОВА. ***Стихи.*** …….. 34

Роман СМИРНОВ ***Стихи.*** ……. 41

Сергей ТЕНЯТНИКОВ ***Стихи.*** …… 44

ЗОЛОТОЙ ЗАПАС

Разговор с поэтами. Алла ПОСПЕЛОВА, Арсений ЛИ ……. 48

Алла ПОСПЕЛОВА ***Стихи.*** ……. 52

Арсений ЛИ ***Стихи.*** …….. 53

МИНИ-АНТОЛОГИЯ ТОЛЬЯТТИНСКОЙ ПРОЗЫ

Андрей КНЯЗЕВ …… 56

Дмитрий ПЕРЕГУДОВ …….. 59

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ …… 62

Андрюша ДЖОЙС …….. 65

Екатерина ЛУНИНА ……... 67

Александр ТЕНЕНБАУМ …….. 70

Мария ЧЕНЦОВА ……... 76

Слава ТРОШИН …….. 82

Анна МУРАШОВА ……. 85

Сергей ПИДЕНКО …….. 88

СОДЕРЖАНИЕ

МИР – ОТЕЧЕСТВО

Георгий КВАНТРИШВИЛИ. ***Странствия Софии Юзефпольской-Цилосани*** **(17 мая 1959--22 ноября 2017)** …… 99

София Юзефпольская-Цилосани. ***Стихи.*** ……... 106

МИР – ЧУЖБИНА

ШЕСТЬ ПОЭТОВ ФРАНЦИИ (пер. Ольга Соколова)

Жан-Марк БАРЬЕ ……... 114

Венсан АЛЬВЕР …….. 118

Корали ПОК …… 120

Ноэ МЭР …….. 123

Лоранс БУРЖУА …… 125

Дени ГРОЗДАНОВИЧ …… 127

ОКРЕСТНОСТИ

Сергей БЫКОВ. ***Легенды Автограда: амбивалентность истории или «блеск и нищета куртизанок»*** …….. 132

КНИГА ЗА КНИГОЙ ……...…. …. 140

АВТОРЫ …… …… 155

Янис ГРАНТС

Среда

необратимые слова
звенели в среду утром.
и землю снег скрывал едва,
рассыпанный как пудра.

и был рассвет из нитей свит
кислотного неона.
и птицы, ржавые на вид,
срывались с небосклона.

Ладонь

Кленовый лист
Шершав и пятипал
Расчерчен и зернист
В ладонь мою упал

А на просвет ладонь
Как лист или письмо:
Смирение
Огонь
И тление само

Соль

море было чёрным, ветер – диким:
кудри волн и пена-бигуди,
крабы нор, укрытые под ники,
черепахи с яйцами в груди.
иглокожих скаты искромсали.

соль ресниц. крикливая вода.
горизонта линия косая.
расставанье
(боже)
навсегда.

Ветер лает

ветер лает – собака носит
эхо ветра к ногам хозя-
и на пол кладёт: – папа Йося,
я б залаяла, да нельзя.
потому-то на человечьем
умоляю: надеждам – швах!
время лечит, оно – залечит.
пепел к пеплу и к праху прах.

папа Йося слезится: то-то.
гладит псину.
целует фото.

Скорый

на перроне женщина. одна.
никого не ждёт. стоит. одна.
объявляют: скорый заплутал –
не видать вам немцев и кина.

так и объявляют на вокза-
лезут гастарбайтеры в глаза.
на перроне женщина стоит,
а носильщик жмёт на тормоза.

объявляют: скорый не придёт,
но зато раз-два – и дождь пойдёт.
на перроне женщина стоит.
плачет.
пусть поплачет.
всё пройдёт.

Жажда

какой-то человек неважный
из кочегарки в воркуте
всё пишет пишет что однажды
он написал стихи не те
о том что человек неважный
из кочегарки в воркуте

всё пишет пишет что однажды
он написал стихи не те
о том что человек неважный
из воспалённой воркуты
ничем унять не может жажду
из-за нависшей мерзлоты

Таня

поездом скорым челябинским, что ли,
едет несчастная таня.
смотрит на землю, которая – поле.
(осень – пора досвиданий).

поезд – ни с места. что слева, что справа –
поле. и метеориты
падают-падают возле состава
(сердце разбито. разбито).

дни, как минуты, сбиваются в стаи
и превращаются в ночи.
из живота семена прорастают.
(жницы с косцами поют
и хохочут).

Тишина

кормить грудью
тихий океан.
голос тонущего в молоке.
тонет.
надо же: тонет.
(пасынок, жертвующий тишиной).
как вышивка
из заглавных слов:
выдолбить новую звезду
на небосклоне,
похожую на клеймо,
и притвориться,
окоченев.

ручаюсь:
так больше шансов
быть родом из океана.
быть корнями в воде.
надо же: тонет.

ихитС

Человека бросили
Как собаке кость
На зубах под осенью
С кем-то бывшим врозь

Он летит что падает
Курит что умрёт
И читает вывески
Задом наперёд

Виталий ШАТОВКИН

[обочины]

Все не могут быть героями – кто-то должен
сидеть на обочине и кричать «ура».

Уилл Роджерс

А – 188

Ночь – твой парик парадный – крот и власть, когда
гудят последние водилы, их толчея – зубных
коронок масть, нашитая на крепостные
рвы – где чернозём и чашечки

пионов, величию ландшафта вопреки, вплетаются
в излучины Годивы. Бегут*toyotы* наперегонки
по одиночке щурятся друг в друга – под
зеркала́ми пляшут шутники, но

водят дружбу с замершей водой: стой, где стоишь,
ни выдох, ни обман, лишь только бурый уголь
нерестится густеющей слюдой в ночной
туман. На фурию похожа эта явь,

у ней поджилки из толченой сажи – распущенный
табун гнедых кобыл скользит жгуто́м и силой
по асфальту, чтоб тут же стать кедровою
смолой – здесь в чёрствых лузах

краденая смальта –
то зарябит, то
выгорит

травой.

Майское

Разбег, затем ещё разбег и видно, как сверкают
пятки – по загустевшей мостовой несут в
руке кораблики к ручьям, разливы
серебрятся, а в тетрадке, на

самом дне, колёсики

стучат. Ещё чуть-чуть и зацветёт левкое, забыть
условность скул и женский грех, здесь – в
первородстве замкнутой воды – во
всей красе цветение луговое

и блики абрикосовой

слюды.

***

Ветрено – листьями вымазан воздух,
краем виниловых ягод малины,
в старом шкафу балдахины

Мальвины –

детские мысли воскресным бельём –
проволока, проволока, птички-
прищепки – вспыхнут, на

время, осенним огнем,
и разлетятся как

щепки.

Прогулка

Запертый запах твоих безымянных волос – статуи,
статуи, статуи – венчики роз – груда стаканов
молочных и женских локтей – воздух от
скважин дверных в перекличке

шмелей. Только увязнет и тут же сгущается дым, к
свету становится боком своим земляным – но
не прижмёшь этих лопастей к стройным
губам – вспыхнут вольфрамом и

треснут напополам. Над животом вьётся копоть и
комнатный плющ – точит домушник из олова
ригельный ключ – рыбья ужимка, щегол,
производственный брак: щебень

в тебе разрастается сворой собак. В этой гулящей
лавине похожей на горб с мраморным телом
сливается гжельский узор, их синеватые
шорохи – бережный ток – шов на

коленке и в воду
слетевший

сапог.

Зелёная лестница

Согнётся в три погибели предел – из высших сил
в пейзаже только море – Кассандра шар из
хрусталя катнёт – а он пологий, будто
торс героя, сжимающий себя

в водоворот. За ним след в след торопится пурга
и по-собачьи встав на четвереньки: то лает,
то к ноге покорно льнёт, то в сторону
предательски рванёт – собою

подытоживать
ступеньки.

Стрижи

Из деревянных пазух невзначай, стрижи – сквозь
наступающие кущи – просунут махом клювы
для забав: вблизи они шумят садовой
лейкой и тут же гаснут, и теряют

ряд, как шахматные пешки в телогрейках. Где их
орда мелькнёт живым тряпьем, размяв под
своим весом атмосферу – отвлечься б
ей, но знает наперёд, кто упадёт

копейкою в футляр, их собственная музыка – мат
детский – физалис на губах у янычар. Пойдут
чуть выше видимого дна, бутылочного
горлышка острее, не расцепляясь

меж собой за так, и кажется,
как будто куст кипрея
вполголоса

щекочет
зодиак.

Каштанка

Ты голосуешь на улицах в поволоке блатных фонарей:
город встал, город лёг, город спрятался под
одеялом, где завёрнуты войлоком
смежные выемки ног –

котлованов, градирен, подъездов. Маскировалась эта
участь бездомных с иллюзией лишней ноги,
чтобы быть налегке, чтоб на ней же
чеканить припляску, но

просыпалась сверху жаровня египетских гемм: пируэт
соскочившей, с бревна, 8-битной гимнастки.
Ночь растянута в почве проворным,
гороховым рвом, вместо

глиняных срезов – подмёрзшие ряжские
лица – в их глазах загорается тихая
лампочка-дом и билет спорт-
лото начинает совать

продавщица.

Анна МАРТЫШИНА

***

Такое смешное тощее дерево по ветру костяшки вывернуло,
Стоит, поскрипывая, тугими почками вот-вот брызнет.
Иду закапывать под ним тяжелый кусок мыслей.
А все вокруг – в янтарных лучах, в пушистых слоях жизни.

Такое хрупкое прозрачное дерево легонько скрипит суставами,
В нем увязают густые волосы, надутые облачки, слова ласковые.
А воздух пахнет совсем обычной, совсем человеческой пасхой.
И что-то свежее дышит-поет и щурит на солнце глазки.

И глазок вокруг – такая избыточность, такая сверкающая мистерия,
Куда-то жмурятся, на что-то пялятся, влюбленные, не мигая.
И лес течет, и костлявое дерево уже листва облипает.
И я смотрю на это на все
И ничего не знаю.

***

А это бог – его потом распнут,
Ну а пока – смотри, какой высокий,
Он словно рыцарь из старинных сказок
Или веселый русский богатырь,
Сошедший с тысяч одинаковых картинок.

А это жизнь – ее уже живут,
И доживут до дна и сожалений,
Ну а пока смотри, как хороша –
Густым июньским облаком накрыта,
Пушистая и будто бы большая.

А это я – сижу, как воробей,
На жердочке–на лавочке и плачу.
Меня потом раздумают писать,
И в книжке будет меньше персонажей,
Ну а пока – смотри, как я могу
И всхлипывать, и щуриться, и думать.

И чем-то настоящим отдавать
В больнично-белой пустоте бумаги.

***

Над нами – голые ветви
В прозрачном цыплячьем пухе,
В тончайшей солнечной пыли.

Глядишь и как будто не видишь,
В недвижности дня утопая...
Давай я тебе нарисую:

Как будут они качаться
Под сонными небесами,
Бессмысленно обрастая, бессмысленно облетая.

Густые синие ветры,
Распухшие душные тучи
До корочки их загладят, до ситцевости – загладят.

И мы – под огромным ветром,
Под пухлыми облаками –
В единый сольемся контур, вздохнем существом единым.

Пусть будет оно титаном,
С зеленым бездонным глазом,
Со множеством рук ветвистых, как эта ветла – ветвистых.
….
Дышу – а как будто глажу
Тебя по усталым векам.
Не хочешь смотреть – не надо. Я все для тебя нарисую.

***

Машины увозят из города мерзлую воду,
Разбитые улицы сохнут широкими, голыми.
На них просыпается утро – густым народом,
Кругом – ритмичные ноги, большие глаза, головы

И я –
диковатый обломок пейзажа, сводки, статистики.
Моя голова оплывает чужие, разные,
И в ней загораются тучные солнца, слова, листики.
Спекаются в пухлые облачки (синие, красные).

Копнешь сквозь толпу – в направление незатопченое.
И телом прорежешь бурьяны, моря, здания.
Такие, как я, и растут молодыми учеными,
Цедящими смысл из чужого родства и топтания.

***

Встань, уступи место,
чтобы пожить другому:
очередь из распластанных
временем на пространстве.

Там глубоко и тесно,
свалка ревущего лома,
звери стучат ластами
по трансцендентному пластырю.

Каждое слова – красное,
рыхлое и клыкастое,
рвется от дома к дому,
как колобковое тесто.

Чтобы пожить другому,
надо немного места.
Люди растут, частые.
В них не продрать просвет.

***

Куда бы ни пришла, приволоку с собой
картошки на зиму, бездомных грустных кошек,
цветов в больших горшках, объедки, мусор –
густую органическую жизнь.

В твоих домах хрустально и бело,
белым бело! и очень много света.
Иду по керамическому полу,
в носках, нарочно купленных и белых.
Но все равно за мной – листва и ветки,
и насекомая ритмичная возня.

Дотронусь до прохладного фарфора,
с души роняя потожировые,
и – вдребезги. И все зашевелится,
и взвизгнет хор густых плодовых мушек,
Неясно что во мне так долго жрущих.
Не много им, наверное, осталось.

Какая странная сосущая тоска
по минеральной чистоте нежизни!
Какой жирнейший откровенный стыд
за это липкое живое тело,
повсюду оставляющее грязь,
в которую в итоге превратится.

***

Новая, как рассвет, точная, как продавец,
Завтра придет война – пересчитать овец.
Вытянешься в ответ, в теле своем чужом –
Будто бы в животе чешут тупым ножом.
Будто из живота тянут иголки слез.

Мудрая, как отец, долгая, как допрос…
Из цветника мясник вырежет жилы роз,
Землю распотрошит острым большим ножом.
Спрячешься от него – в теле своем чужом,
В теплый тугой комок мысли переплетешь.
Каждым сухим ребром станешь как этот нож.
Старая, как война, сбитая до подошв.

Сколько в тебе любви? Вырви, заговори,
Страх умиротвори, дух олицетвори.
Вместо прямой борьбы нам остаются рвы.
Завтра придет война – бомбы ее мертвы.

Игорь СОРОКИН

САМЫЕ ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

***

Вот, допустим, съел ты горсть вишен с утра.
Скрючился после обеда и, улыбнувшись, помер.

Мир через год, может, даже не вспомнит утрат –
вырастет просто
под небом
вишнёвый сад.

Господь улыбнётся,
играя в простой трансформер.

***

1.
Она говорит: «Он был моряком, капитаном дальнего плаванья. Лучшим на свете» – и в глазах её капли моря.

Она говорит: «Он был горным инженером. Вы понимаете, что значит быть горным инженером?» – и в глазах плывут облака.

Она говорит: «Он был простым рабочим человеком – он всё умел. Он был пытлив и сам доходил до всего» – в глазах у неё пустота.

А они втроём – ошую и одесную – смотрят сверху на них, ждут, выпивают, празднуют встречу, разлуку. И все улыбаются им.

2.
Шибздики
кормят жидриков
мякишем хлебным,
корки – бабушкам отдают.

Бабушки быстро крестятся, просто – не понимая,
что даже герой не может
челюсть держать в стакане –
не то, чтобы Бог!

***

1.
Принц Вильям сегодня проснулся рано.
Рабочие польские тоже стрекочут вовсю.

2.
Во вздёрнутой лапе Сити
Гёркен теперь мизинец.
Хотя ещё только-только
он был серединным пальцем
всем-всем говорящим
«вот вам!»

3.
Вечером в Темзу
заходит морская вода
с нимфами, рыбами, гадами
утром уносит все тайны.

4.
Пойдём в бар поэтов-водников.
Там на тарелках розовые и зелёные лилии – через одну, по кругу.
Там пузыри святые, и Николай-Угодника
уходят слова вертикально, склоняясь к югу.

По дороге зайдём в магазинчик "SOS", запасёмся сигналами.
Будем пасти одиноких коз, снящихся
– ящик на ящике –
баянами и кудельками,
в малом притворном гаме
– камень на камень –
алыми
с расползающимися ногами
зомби,мбало, ме, карнавалами – – –

выйдем ли?

5.
В правом верхнем углу будет Нубия, будет Судан
и – куда без Египта! – конечно же, будет Египет.
Ритмы мимо идущих жрецов, предводителей, воинов – там,
по ту сторону рабства земного – лишь трепет, не ритм!

В Урарту будут клинопись и львы,
и шлемы острые как пики.
И идеальные круги.
и Арарат равновеликий.

Каменной битвы сны Фидия с учениками.
БедногоЭлджинамарблы с руками-ногами.

Украде –
но ради!

Золотой век

Парменидов покой вечно спорит с водой Гераклита.
Эмпедокл будто бог утонул в раскалённом огне.
Цицерон перед смертью запутался в кущах гороха.
Никому неизвестный ……..

Демокритуморил свои дряхлые атомы тела.
Аристотель пронзил свою плоть стреловидным борцом.
А Сократ на рассвете победную выпил цикуту,
на бегу из Афин задохнулся в воде Протагор.

Андрей ПЕРМЯКОВ

Главы из книги «Сибирский тракт и другие крупные реки»

0. Начало

Новосибирск завершился, а комары остались. Хотя им тоже надлежало завершиться. Так обещала Даша, я ей верю. Обычно верю, но тут не поверил. У нас, где канун Урала, много своих комаров. Начнут кусать, так до утра. И утром тоже кусают. И днём не прекращают. А вечером вдругорядь.

Но здешние насекомые вправду оказались дисциплинированными. Или добрыми просто. Когда стало вовсе темно, они прекратились. Даша сказала:

– Во-от!

Она часто будет говорить «во-от!», привыкайте. Можно, конечно, подумать, будто комары здесь недисциплинированы и недобры, а спать ложатся от причины, что темно. В Перми ведь долго белые ночи, комарам видно, где впиваться. Но в Подмосковье с белыми ночами не очень, а комары тоже работают круглосуточно. Значит, не в освещении дело.

Про комаров думать быстро надоело, стал думать про книжку. Про эту. Я её давно захотел написать. Сразу про дорогу Сибирский тракт и про Товарищество поэтов «Сибирский тракт». Думал, стану ехать по дороге, говорить с поэтами, про них же затем рассказывая. Точно юный славист из университета Сорбонны.

Но тут нам приключилась этакая оказия: впереди белые огоньки, позади красные, по сторонам еле видимый лес, а сверху ещё более еле видимое небо. Тучку, дождём чреватую видно, а выше неё — только непроглядность. И место, где лес становится небом тоже не видно. Лишь огоньки. Тут хорошо книгу начинать: можно в любую сторону двигаться, хоть бы и наверх. Только попутный транспорт нужен. А его нет. Верней, он есть, но катит мимо.

Так не всегда было. Утром было совсем иначе. Мы вышли из Омска, и сразу нам получилась зелёная автомашина Рено с молчаливым водите-

лем. Точнее, с условно-молчаливым. Он когда по делу, так вполне достаточно говорил: вот кафе хорошее, давайте поедим, здесь фонарики продают, вдруг вам фонарик надо. А потом, уже совсем тут, где Новосиб, сказал:

– Поехали со мной в Барнаул? И дальше, на Алтай? Вам разницы нету, а мне веселей.

На Алтае хорошо. Так Ирина Богатырёва пишет. Ей я тоже верю, конечно. Но хороший водитель зря думал, будто нам всё равно куда ехать. Мы в Иркутск хотели.

Для этого надо было обогнуть миллионный город Новосибирск по северному обходу. Тут нам один за другим понадобились целых четыре автомобиля. Останавливались машинки быстро, только ехали недалеко, сворачивая в город. На второй пересадке нас и обнаружили комары. А далее, наверное, друг дружке по рации сообщали:

– Ребята, сейчас двое из машины выйдут. Один толстый, у второй ноги длинные. Обоих можно качественно грызть.

Пшикалку от насекомых мы всё-таки не доставали: нам ведь не в кузове ехать, а в кабине. Сами задохнёмся от запаха рефтамида и водителя задохнём. Тем более последняя к этому времени машина содержала в себе настоящих Барби и Кена. Правда, очень милая парочка: девочка в розовом, мальчик причёсанный. Автомобиль у них блестит на манер американского таракана. Ребята ехали на дачу, везли ящик пива, ящик энергетиков с алкоголем и ещё много вкусного. Друзьям звонили, приглашали. Тоже, видать, добрые люди. Хотя когда едешь автостопом, вокруг только добрые. Злой тебе не остановится. А вдруг остановится кто-то уж сильно злой и нехороший, ты потом об этом и не расскажешь.

Барби и Кен высадили нас тут, где цветные огоньки. Белые огни от стороны Новосибирска были фарами, а красные означали ремонт. Этот ремонт затем оказался весьма длинным, километров одиннадцать. Перед ремонтами всегда плохо останавливаются, спеша их проскочить. Ну, вот мы и повисели часик. Даша о разном, наверное, думала меж разговоров, а я про комаров думал и про эту книжку. Про комаров уже, вроде, рассказал, а про книжку сейчас расскажу.

5. До степени смешения

И там был трос, и там был врач…
(В. Высоцкий. Дорожная песня)

«*последняя к этому времени машина содержала в себе настоящих Барби и Кена*» *(Глава «0. Начало»).*

В тот раз мы с Дашей тоже долетели до Иркутска в жанре «Барби и Кен едут в Калифорнию». Пять с половиною тысяч километров автостопом были легки и приятны.

Конечно, пару раз зависали по часику на трассе, чуть дождиков собрали, недисциплинированных комаров покормили собой, а так везли нас быстро и хорошо. Один лишь случай был тревожным. Зато в хорошей компании.

Возле отворота на Ковров нас взял к себе добрый человек Александр Васильевич Золотарёв в белом грузовике DAF с фурой, крытой жёлтым тентом. И обещал он нас свезти до самого Екатеринбурга. Удача была дивной. На пути ж огромный город Нижний Новгород и тоже миллионная Казань. Такие города очень сложно преодолевать. Но в Казани-то хоть объездная есть. Между Нижним и Казанью ещё Чебоксары. Они невелики и тоже с объездной дорогой, но тамошняя объездная мне всегда была несчастливой. Так случаются безрыбные места в хороших речках.

И ещё важное: спешили-то мы, повторю, в Иркутск. Туда долго можно ехать разными путями. До самого до Омска разными путями. Больше двух с половиною тысяч километров. Многие из этих путей минуют Екатеринбург. А в Екатеринбурге нас Инна Домрачева ждёт, сестрица.

Едем, счастливые. Дашка на спалке валяется, а я просто так счастливый. Зато она проспала рассвет. Он по причине июня и удивительных свойств часовых поясов, начался в Татарстане около двух часов ночи. До Казани ещё. Свияга оранжевая вся была, только рыбаки в лодках чернели, напоминая крупные знаки препинания.

У Можги, где люди продают цветные мочалки, Александр Васильевич захотел есть. Мы тоже хотели, но молчали: лучше двигаться голодным, чем покушать и заснуть. Но чего делать? Я помидорок накрошил, яиц варёных. Чего-то ещё для полноты салата. Даша накрыла стол, по-

трапезничали. Ну, и предсказуемым образом возле села Ыбдес Малопургинского района нашего водителя срубило.

– Всё, ребята. Я часик посплю, вы тоже давайте.

А мы бодренькие такие — чисто электробритвы: я ж только первую ночь в дороге, Ёж вообще дрыхла. (Дашу можно ежом звать, она не сердится). Стопим, а на противной стороне вывеска с русским и удмуртским названием деревни:

Абдэс-Урдэс
Ыбдес

Произнеся такое с ненадлежащей скоростью можно вызвать Палэсмурта. Это очень злой удмуртский леший, Бабе-Яге нашей деверь.

Уехав от этих ыбдесов, мы чуть застряли на ижевской объездной, чуть застряли ещё раз, и прибыли в Игру. Так посёлочек называется. Там возле развилки на Киров и Пермь установлена очень страшная машина. Вернее — дребезги автомобиля, даже породу не определить. Это ради испуга водителей тут поставлено. Наверное, так в старой доброй Англии висели скелеты пиратов — тоже устрашения для.

Водители действительно боялись: скорость уменьшали, а нас не подбирали. Спустя полчаса ожидания приехал Александр Васильевич. Недалеко ж мы от него ушли. Он пару часов поспал, а всё равно нас догнал. Обычно в таких случаях водители брезгуют оставившими их пассажирами, но он и вправду оказался добрым. Взял снова.

Пермь миновали в сумерках, Кунгур уже почти не виден был, а на границу Пермского края и Свердловской области мы прибыли в темноте. Здесь известная аномалия: в Перми есть белые ночи, а в Екатеринбурге их нет. Хотя категоричные люди не считают белыми и пермские ночи. Википедия, мудрая пишет: «широта Перми 58° и настоящих белых ночей там не бывает». Википедия пишет, а ночи есть. Но правда: дорога Пермь — Екатеринбург долго идёт к югу, оттого делается темно. На границе регионов — очень темно. Это всегда так: с их стороны окраина, с нашей стороны окраина. Ни подсветки, ни кафе. И само шоссе разбито. Только это нестрашно: цель уже рядом. Я Инне звоню:

– Привет! Вы спать не легли ещё? Вот и не ложитесь. Мы скоро будем.

Вдруг бах! Колесо взорвалось. Ну, дело житейское: сглазил. Вылезаем, начинаем Василичу помогать, чем можем. Знак поставили — треугольник такой светоотражающий. Колесо взорвалось с наружной стороны, ближней к трассе. Мясорубки у Василича с собою не было. Мясорубкой водители называют пневматический гайковёрт. Они вправду похожи. Меня, самого корпулентного, водрузив на длинный гаечный ключ, заставили прыгать. Дабы своим весом гайки откручивал. Ну, чего делать? Надо прыгать — прыгаю.

И тут раз! Летит с горы «америка». Грузовик Фретлайнер. Он пустой весит тонн 15 и ещё грузоподъёмность 25. И скорость сотня. В какой-то момент до всех разом доходит: этот чувак за рулём нас просто не видит! То есть, думает, будто наша фура движется, только медленно! А по встречке тоже фура. Там вообще движения почти не было в час-то ночи, но вот как-то встретились три одиночества. Бежать некуда и некогда: мы упёрты в борт машины Василича, за нашими спинами по своей полосе несётся встречная фура, а меж этими двумя очень крупными грузовиками сейчас захочет протиснуться догонявший нас Фретлайнер. И ширина дороги особого манёвру не предполагает.

Даша собралась прыгнуть меж колёс нашей машины, но это бы не помогло при столкновении. В таких случаях с землёю перемешивается всё. Короче, мы втроём вжались в борт, этот дурачок знак колёсами изломал, но среагировал, отвернув. Когда в десяти сантиметрах от тебя проносятся сорок с лишним тонн, цивилизацию начинаешь уважать вдумчивей.

Для подобных случаев есть формула: «Мы перебздели, но выжили». Даша спросила потом на тему: вдруг бы фура сперва зацепила Василича, потом меня (мы именно в таком порядке располагались) спасло бы это Дашу или нет? Вот точно нет. Фура ж тяжелее и быстрей пустого железнодорожного вагона. И даже среднего танка чуть тяжелей и быстрей.

И выглядели б мы хуже, чем поучительная машинка из посёлка Игра. Зато бы нас перемололо до степени смешения и погребли б нас вместе. Все бы нам завидовали, сочиняя легенды. Но поэт Алексей Евстратов уже придумал когда-то стихотворение про «и размял его вечером в кашу на просёлочной самосвал». Под стихи Евстратова помирать, конечно, не западло, но рановато. Мы вот не стали. Чего и вам желаем.

Потом нам другая фура остановилась, маленькая, пятитонник. В ней мясорубка была. До Екатеринбурга мы добрались без приключений. Но только утром. Напились засим, конечно.

6. Возрастное

«Даша сказала: «Во-от»! (Глава «0. Начало»).

Оказались раз мы с Дашей в поезде на Вологду. Едем, грустим. Стареем, получается: вот уже и не автостоп, а цивильный поезд с вагоном-рестораном, где текила. С текилы ещё больше загрустили. В городе Ростове подсел дедушка, разговорчивый и нетрезвый. Михаил Васильевич. Говорит, 79 лет ему. Значит, на семь больше, чем нам с Дарьей вместе тогда было. Он нас о чём-то поспрашивал, а потом говорит:

– Хорошо с вами, только я старенький, мне спать надо.

И на верхнюю полку прыг. Даже и без нашей помощи, хоть и, конечно, с использованием металлических ступенек, собственно, для запрыгивания и предназначенных. И ведь в брюках был, а не в спортивных штанах.

Даша, качнувшись вправо, сказала:

– Во-от!

Тут настроение наше улучшилось, мы вновь осознали нашу молодость и уснули.

7. По стрелочников

«*До Екатеринбурга мы потом без приключений добрались*» *(Глава 5. До степени смешения).*

Пойдем по Стрелочников прочь
Непроходимыми дворами
К вокзалу шумному где ночь
Зачеркнута прожекторами

В моем кармане ключ-тройник
И ножик и немножко денег
Пока не видит проводник
Давай куда-нибудь уедем

Туда куда ведут пути
Где не жирафы а медведи
Мы никогда не полетим
Поэтому давай уедем...

(Е.В. Ройзман, 1990 г.)

В Екатеринбурге, на улице Стрелочников в непроходимом дворе жила Лариса Прудникова. Кума Арсения Витальевича Ли. Мы у него дома и познакомились. Арсений скоро придёт, а мы пока к Ларисе едем. Я к ней Алексея Евстратова везу.

На дворе происходит май 2008-го года, отчего мы все довольно молоды. Вернее, Лариса молода и посейчас, а у нас тогда вторая молодость произошла. Или очередная. Мы же Сибирский тракт только-только создали. Не дорогу, но Товарищество. В Екатеринбурге долженствовал пройти совершенно грандиозный наш вечер, один из первых такого масштаба.

С Лёшей мы увиделись на вокзале Пермь-II[1]. Это была четвёртая в нашей жизни встреча, и четвёртая из них произошла на вокзале Пермь-II. Я спросил:

– Пил?

Алексей смутился — состояние для него редчайшее. Вы смущённого моржа когда-нибудь видели? Ну, вот.

– Я в хоккей на компе до утра играл, то и вид такой.

Всё ж насколько легко человека купить бывает, даже и Евстратова: смотрелся он нормально, хорошо вполне.

– А я пил немного. Вот, опохмелиться взял.

– Давай.

– Дак ты ж не пил?

– Ну… Маленько-то надо.

Выпили эту быстро и в буфете ещё взять успели. Тогда ж круглосуточно было. Лёша тож с собой принёс, хоть он и не сразу сознался. А поезд красивый такой, хоть и сидячий. Электричка повышенной комфортности Пермь — Екатеринбург. Называется «Парма»[2]. Едем вторым классом, детей вокруг премного. Алексей-то быстро уснул, а меня потянуло к общению. «Парма» отправляется в пять утра, но мы ж ещё меж собой несколько говорили, прежде чем товарищ заснул. А в семь утра окружающим пассажирам выпить предлагать уже вежливо. Мне так казалось в этот момент.

Когда на вокзале вышли, я спрашиваю:

---

[1] читать: «Пермь вторая». Только так и никак иначе.

[2] По состоянию на весну-лето 2016-го года этот поезд отменён. Что, конечно, срамотинушка.

– Как ты думаешь, почему меня не забрали? Там же менты ходили три раза.

– Побрезговали.

Он с похмелья лапидарен.

Где к Ларисиному дому сворачивать, так напротив кафе «Армения» стоит. Оно двухэтажное, но закрытое. Поезд прибывает в 11:18, ходьбы до подъезда минут десять, а кафе с полудня. Лёша ждать предлагал, но я сказал: нальют. И не ошибся.

Непроходимый двор Ларисы вполне занятен. Не в том смысле занятен, в каком занятны королевские дворы, а в том смысле занятен, в каком занятен каждый пожилой свердловский двор. В предыдущий раз, недели за три до визита с Алексеем, захожу, а встречь — мужик до пояса голый. Маленький, но с топором. Топор небольшой тоже, однако, всё равно топор. Ну, и дядька сам по себе жилистый такой. А я стихи Бориса Рыжего читал, в них много дядек с топорами и дело происходит тоже в Свердловске, хоть и на Вторчермете.

Но мы с мужиком тихо разошлись. Прихожу, рассказываю Ларисе чего к чему, выглядываем в окошко. А там вышли ещё двое человеков с дополнительным топором и разным инструментом. И стали втроём аккуратно матерясь, возводить песочницу. Когда мы час спустя с из дому вышли, они уже грибок под мухомора красили. Квадратный мухомор — два раза мухомор.

В этот раз происшествий не было. Пришли домой к Ларисе, и Алексей её мгновенно очаровал. Они про теноров говорили и прочую оперу. Лариса выдала Алёше два странных компакт-диска, а нас стала кормить похлёбкой с мясом и растениями. И поить настойкой из растений же.

Лариса вообще разбирается в травах. Я это понял, ещё когда мы были в гостях у Арсения. Хозяева нас увели в горку, где карьер брошенный, проваленный. Лариса на каблуках по тропинке прыг-прыг, а сама листики сбирает. Каблуки у неё не специально были, просто в горку нас внезапно повели. Напоминала серну, только в премудрых очках. Кандидат наук к тому ж.

Но похлёбка с травами была предусмотрена протоколом встречи, а настойку Евстратов так выцыганил. Он хозяюшке соврал, будто мы с утра не две бутылки на двоих выпили, а все четыре. И нам теперь без опохмелу смерть. Шло ещё славное время, когда количество выжранного мы преувеличивали, а не наоборот.

А затем мы отпросились по городу ходить. Настойка дело хорошее, но её мало ж. Нехотя милых гостей отпустив, Лариса стала звонить Арсению. От волнения, говорят, даже заикалась:

– Арс, кум. Они тут по литру в каску залили, у меня всё выпили и в город ушли. Вы их найдите, их нельзя б-бросать.

Говорю ж: Алексей её обаял.

Мы к армянам в кафе «Армения» не пошли, ибо жадные, а пошли мимо. Вскоре началась центральная улица Челюскинцев. По ней шла относительно симпатичная мадемуазель в розовой футболке с чёрной надписью «Мой парень — боксёр». Я спрашиваю:

– Лёш, как ты думаешь: если я в такой же футболке пойду, это увеличит вероятность боестолкновения или наоборот?

– Если рядом со мной, дак точно увеличит. Чо, мне на тебя смотреть что ли? Вчехлить придётся. Подумают ещё, будто я с пидором иду. Самого за такого же примут.

И тут подле ювелирного салона мне худощавый юнош дал рекламный листок неплотного и алого картону. Немного шагов отошед, я в тот листок глянул. Говорю:

– Лёх, смотри: нас-таки за них приняли.

– Чо?

– Ну, вот пацан мне флаер сунул, а в нём — читай: скидка для нас. Минус десять процентов на обручальные кольца и подвенечные платья.

Алексей, с похмелья недобрый, начал разворачиваться. Но тут позвонил Арсений. Идите, говорит, в такое-то и такое-то кафе, там водки берите и ждите нас. Пришли мы на улицу Якова Свердлова в кафе-столовую «Горница». Оно тогда иначе называлось и выглядело много скромнее. Взяли, пьём.

Рядом компания села. Человек семь. Вроде, славные ребята, но малоинтеллектуальные с виду. На тапиров похожие. И куртки у них некрасивые, тёмные какие-то.

Арсений пришёл не один, но с Владимиром Зуевым, драматургом. Ещё взяли, конечно. Но чуть-чуть совсем: нас Арсений торопил. Сказал, галстуки для завтрашней акции шить надо. Ну, галстуки, так галстуки. Мы его слушаемся, хоть он и возрастом младше.

Проходим дома три или четыре, сворачиваем во двор, где коротко идти можно. И тут Лёша достаёт из сумки цельную бутылку, только открытую. Он её у тапиров со стола двинул, пока те ходили курить. Чо началось… Арс же тогда хотел из Товарищества «Сибирский тракт» учинить объединение приличных и даже буржуазных поэтов. Но, во-первых, такими уже были столичные авторы из «Рукомоса», а во-вторых, время респектабельности ещё не пришло. Стоит Арсений, небольшой, Алексея отчитывает. А тот пухлый тогда был, солидный. Но слушает:

– Алексей, это очень низкий поступок. И это чужой район. Ты приехал в чужой город и пришёл в чужой район. Тут вокзал рядом, я никого не знаю. Вот что я с тобой делать буду?

Лёша слушает, кивает виновато. Попивает, конечно.

И тут до меня доходит:

– Пацаны, я там сумку забыл! Щас сбегаю.

А сумка хорошенькая такая, в мелкую клеточку. Она уже без меня в разных странах к тому времени бывала. Жалко её.

Прибегаю в кабак, а тапиры исполняют странные упражнения. Некоторые из них приседают, под лавки заглядывая, а другие на цыпочки встают. Смотрят, не убежала ль бутылка на шкаф. И меня спрашивают:

– Вы тут бутылку не видели?

Я честно отвечаю: нет, конечно. Я ведь вправду *тут* её не видел. На столе у них пустая лежит, но это ж другая, они когда эту допили, о второй спохватились.

Тут Алексей заходит. Мне аж трезво стало от его вида. Но он спокойненько так:

– Ребята, чего-то случилось?

– Бутылку потеряли, хрен знает как. Тут была.

– А там за дверью не ваша стоит?

У него, видать, совесть проснулась или Арс его убедил. Отчуркнул, сколько надо и вернул пузырь на крыльцо. Будто мужики-тапиры курить ходили, а один из них спиртное при себе кроил. Вот так всё миром и закончилось, по-честному.

«А чайник? Чайник мы вернули,
Не взяли на себя вину» —

это Саша Переверзин написал. По другому, конечно, поводу и, кажется, раньше.

Литературный вечер следующего дня прошёл отменно.

15. Бестиарий

Хрен ведь я работу найду с дурой этой. Без неё, дак ладно бы ещё. Простынет, соплежуйка, меня выгонят. И ни садика там, ничего. Вот никаго толку от тебя. У-у-у! (Глава 13. Семейные).

Живёт на белом свете клещ Адактилида. Самка этого клеща, родившись, отыскивает яйцо трипса, присасывается к тому яйцу, паразитирует, через четыре дня рожает пять дочек и одного сыночка, после чего помирает. Дочки повторяют мамину судьбу. Сыночек же вообще не кушает и погибает через несколько часов.

Трипс пожираемый клещихой, кстати, тоже малоприятный весьма насекомый, похожий на подгнившую серьгу ольхи. И яйца у него невыдающиеся. Не дай Бог так оголодать, в общем.

Вы поинтересуетесь, откуда в Адактилиде-маме берутся оплодотворённые гермии для рождения детей? Так тут всё просто: этот самый сыночек залазит на своих сестриц ещё в брюхе матери, отчего те беременеют и начинают маму подгрызать изнутри. Сгрызши и полиняв, выползают вон прямо через покровы тела. Т.е. спиногрызы, как есть.

Так вот, дорогой читатель: когда тебе покажется, будто твоя жизнь коротка и неинтересна, когда тебе покажется, будто дети твои непочтительны, доставляя много хлопот, когда половые привычки ближнего представятся тебе странными, вспомни, что где-то на белом свете живёт грустная мандавошка Адактилида.

Думаю, такого рода создания специально даны нам в назидание и утешение. Да не уподобимся мы ей вовек!

EK

Ирина КАБАЧКОВА

1.Весна в русской литературе

Для русского поэта каждая зима
кончается на Чёрной речке, Фима,
даже если он – еврей в Америке, пишет по-английски, не сходит с ума
и не ждёт убытка.
Да, пожалуй, это невыносимо.
И эта невыносимость не тобой добыта.
Но есть. Потому что к мартовскому жнивью
русский поэт бесплотен.
И, сыграв в рулетку с одним из рубенсовских полотен,
давно промотался в тургеневский дым, хоть партия и была вничью.
Изменившись в лице,
в имени, но не в сути,
потому что смерть его – в игле, а игла – в яйце,
а третий, второй или же первый глаз –
как его окно – бельмовато-сутрен,
он встречает тебя. Начинает сметь.
Начинается смерть –
с прыща, с разбитого зуба,
изнутри вовнутрь глядящего юркими глазками,
весной в колбу выпущенного суккуба
из настольной лампы.
Он машет красными звёздами, транспарантами, лапами.
И не сманишь, не вывернешь, не уболтаешь сказками
посидеть на цепи.
Потому ты идёшь искупить
и стреляться с подвернувшимся вовремя в который раз Дантесом.
И даже если медийному лику не дать жрать, а Кощею не дать пить,
вы – полем, а русская литература идёт лесом,
пока Макар телят не погнал.
И так – до дна.

2.Личный выход в открытый космос

Щаз. Ещё выдох – вдох – и выйду в открытый космос.
Вынесу всё. И себя с рекой на руках.
Вроде бы просто, на первый взгляд. Но непросто
В толщу незнаемого мозги запускать
из теплоты, привычности, из уюта
медленных стен, тягучих, – в квадрат окна.
Кто-то всю жизнь бредёт и бредит каютой.
Кто-то в себе и главное – дальше от нас.
Надобно вне, хрустит развинченный позвоночник.
Всем по скафандру, мне – хоть плохонький противогаз.
Ладно, не стоит. Где верх? Где низ тут? Где почва? –
Раз это солнце светит теперь из нас.
Или совсем никак... – Остаётся прыгать
Мемно и мимо в гулкости звёзд парчу.
Я напишу письмо тебе или книгу.
Где-то здесь выход в космос открытый... Ищу.

3.В голове

"вскоре Маргарита увидела на блюде желтоватый,
с изумрудными глазами и жемчужными зубами, на золотой ноге,
череп..."
М.Булгаков

Мир мой\не мой. Короче, немытый – читайте, режьте.
Дольками на заливное с укропчиком – мой язык,
Протянутый нынче лентами Хуанхэ и Янцзы
Под улюлюканье вежды да и невежды,
Странно устроившихся у меня в голове между

Извилин, венчанных не венцом, не кровью – фейсбучным ником,
Что спекулатор несёт, ужасаясь, на блюде
Не Саломее, а вам, добрые люди.
Учит трёхперстно крестить форумы новый Никон.
Из ничего, будто вирус, возник он –

И мир, выпуклый, жадный, – тут же сложился вдвое.
Готов – втрое, вчетверо, в десять.

Тело висит в ожидании, а слово – весит
И разбивается о порядок свобода воли.
Знай, Апокалипсис, детка, – всего пара корч и колик.–

Вот нас и нету. Видишь, вон ту комету?
Сладкоголоса она, четырёхполосна.
Только не космос дальний страшен, а тот космос,
Что у тебя внутри. – Только подуй – нету.
Может, вернёмся ещё – загадай на монету,

Брось в океан лжи. Если останешься жив, пресвитер
ПостИоанн, расклеивший веки и на афишах – призыв.
Лошадь неспящего первой приходит – в призы. –
Только когда мы останемся в чате, в твите.
Как бы прижаться к оси мировой, нерв намагнитить?

А нулевой пациент показывает язык

4.Игрушки для Верочки

спасибо не скажет… да и на что мне его спасибо?
Ну, будет он жить в белой избе, а из меня лопух расти будет; ну, а дальше?
И.Тургенев "Отцы и дети"

"А МОЖНО В САДИК БЕЛУЮ ЛОШАДКУ?" \Декабрь.1825\

Нос Гоголя за мной зашёл в сенат, оставив на Сенатской декабристов. А ветер так пружинист и неистов, как звуковая белая стена. Ямщик с возка метёт снежок судеб.

– Он превратил бунтовщиков в сугробы. Не знает Николай, как быть с Европой.

И Константин пока не поседел.

Встряхнулись пушки, напрягли пыжи мушкеты. Ржут ли кони, колкий холод?
Размахивает молодости молот одною бесконечной жаждой жить. Воротит заяц Пушкина версту. Не рвут верёвки Муравьёв и Пестель. Слежу в окно: и вместе, и не вместе подводит время снежную черту ко всем

чертям столичным вместе с тем, что видит в стопке Ваня Карамазов...
Простите, вновь сбиваюсь с пересказа. – Метель

"ПЛАСТМАССОВАЯ УТОЧКА НЕ ТОНЕТ, ВЕДЬ ТАК?" \МАРТ.1881\

Над рябью Грибоедова канала затейливый весёленький бисквит.
Пожалуй, никогда не понимала: стрелять – и ставить Спаса-на-крови.
(Часовенок обычай и церквушек.)
Скажи, Тургенев, вырос наш лопух из императора? Базарова Евнюши?
С раскольниковской злобой на старух пальни, Засулич\Вера Лопухова\...
"Освободитель" здесь в последний путь сошёл с коляски. Топаю к Дворцовой.
Меняются фамилии – не суть. В канале плещут уточки и лодки
разрезанный на леность бликов шар. Печатается на рекламной фотке
безвинно убиенная душа...
Какая? Александр? Гриневицкий? И кто – народ? И кто такой – народ?
Гранитные обветренные лица...
В убийстве – святость? В скверне – поворот?
Где сбой в умах и кровь ради идеи – уже не кровь, а плеск речной воды?
За человечество как убивать людей и..?
Ползёт тургеневский по венам белый дым, а Верочка ворочает игрушки
и ковыряет пальчиком в носу. По телеку стреляют равнодушно.
– Злой серый волк? – Он где-то там ...
В лесу.

"ИГРУШКИ НАИГРАЛИСЬ И МОЛЧАТ" \Май.1945\

Сирень додавит скоро палисадник – огромные духмяные махры.
Стучится в стёкла тёплые рассада. – Конец войне. Мир перешёл
в миры, "Прощание славянки" и салюты. Назавтра дождь и голод .
И прогноз то недоверчив, то сиюминутен. И апогеен вновь апофеоз.
Всё всходит и опять пускает корни – Берлинская стена и "Фау-два".
Опять Иван Непомнящий не помнит.– Артиллерийский гром сгустил в слова.
Огонь голодной чумовой картечи под тяжестью могильных братских плит сменяет с ненавечностью на "вечный". – Фантомно до сих пор во мне болит, но тихо гаснет. На мемориалах ветшают клятвы, буквы и венки.
История уроков надавала, но, видимо, не тем и не таких.
Цена победы на Хитровом рынке давно заболтана, совсем невысока.

А над Дахау плещут в сини рыбки –
безвинные
немые
облака.

5. Сныть

Дерево, проросшее корнями в мать и отца,
белые пустыни, золотые ливни,
понимает, сам
вырасти сливы,
стань счастливей.
Сам и своим трудом.
Понимает, сад, сын, дом,
Вол, света четыре стороны, четыре стены.
А иначе – сныть . А иначе сныть
закрывает облако и не улететь, не закричать на ветру,
вырывать сердце и лотос, голубку из детских рук,
уронив голову в землю, сломав весло.
А иначе сквозь голос вырастить ложь и зло
посреди колебания тины
в толще мёртвой воды.
Разводить мосты, седины,
ползучий дым
без корней, без листьев, ветвей, ствола.

И одна свеча на краю стола.

Дерево понимает, но врозь летят семена,
имена и литеры – в грязь. И опять не нам,
а нами – укрепляют мостовые, рубят крест на горе
и клянутся упавшей свечой заре
ни падалицы, ни девицы, ни жар-птицы пера
не брать. –
Брать молву.
Только вор обрывает золото и палит листву.
Стынет ладан над водою, жаба в ночь кричит:
– Я бы память запекла тебе в горсти, в печи. –
Только вспомнишь ли меня,
сонная?

Сныть
ещё пытается плестись,
ныть,
плыть
по камням.

Ищет меня. Ищет меня

6.Белая козочка

Белая козочка
История иногда уходит броском, перемахнув сразу десяток ступенек,
Иногда – пламенем, залив прямиком вместо бликов витражных
Нотр-Дам де Пари в Страстной Понедельник
Бьётся колокол птицей, где молиться – неважно –
Молись! – кричу ! падает башня.
Молись! – кричу ! падает башня.
Падает башня.
Башня в пене. И пиво в пене
Набережных – клиент доволен, бутлегер, бармен –
Доходы сродни футбольному чемпионату
Надо же! я в жёлтом жилете, собор – в рыжем.
Я вижу! –
Время летит багги
Разбирать обломки \ получать с развалин аннаты
Макрон, верни Франции концентраты,
Верни Франции координаты,
Помню с полей лавандовых ветер сиреневый,
Баюкающий орифламму в краю лилий,
Верни мне время!
Верни мне Францию, которую мы с колыбели любили.
Пускай по книжкам, стонущим от жара,
Превратившегося в навязчивый триллер-триггер.
Верни мне Францию, верни мне Жанну!
Верни собор из любимой книги!
Горбятся аркбутаны пламенеющей готики,
Умирающей не сразу, не в огне веков.
И горгульи её – гости в парке напротив. И

На голубином пиру – хватают легко
Мои крошки –
крошу Европы прекрасное прошлое.
Горгульи запрыгивают в роман, дразнят Квазимодо
Летите обратно! помогайте тушить!
Века горят! плавятся годы,
Уже почти оторвавшись от почвы.
Кричу – но у птичек ведь нет души,
А моя – горит, история сворачивается в точку,
С которой начинала долгий разбег.
Моргая, вспорхнул двадцать первый век
К тебе на ладонь сгоревшей бумажкой.
Проваливается крыша, падает башня.
История заканчивается на тебе.
История начинается на тебе.
Тебе страшно,
Потому что собор загорелся не вчера.

Белая козочка Эсмеральды бьёт в бубен пятнадцать раз

Роман СМИРНОВ

З.З.
Зимнева Зоя злая.
Выскорблена и суха.
В прошлом кому-то “зая”.
В будущем не сноха.

Зимнева на диване
Зимневой тридцать три.
Белое не надевает.
Волгу несёт в Оби.

Ей бы сейчас, старухе,
наледь бы да в сугроб.
Ей бы сейчас Фаруха,
чтоб по утрам скрёб.

Завтра подъедет убер,
(Ври себе, Зоя, ври)
и повезёт по клубам.
Зимневой тридцать три.

--

Снова осень...

Снова осень понтовой походкой
входит в город по Ленина-вэй,
где друзья умирают от водки,
дегустаторы жизни своей,

где, ломая устои обочин
и меняя такими же вот,
черноглавый дорожный рабочий
до последней маршрутки живёт,

где дворы меж дворами знакомы
пусть всё реже, теряя наив,
но балконы, балконы, балконы
и курящие девы на них…

Ходит осень, то плачет, то лыбу
давит, встретив оставшихся тут.
Мы ведь тоже вернуться могли бы,
если б верили, что дома ждут.

Одна вторая...

Я помню время – со двора
отец ходил напропалую,
и я держал его: “ Айда,
скорей смотреть одну вторую!”

А после Быков забивал,
и во дворе кричали: “Рыба!”
Сосед под окнами блевал,
ещё с отборочного, ибо…

Я помню, чую то вино,
и тот хоккей с пятёркой тою,
и кости те, что домино,
и маму, вечно за плитою.

С тех пор ни дома, ни отца,
ни одноногого соседа.
Вот так уходят навсегда,
как будто не оставив следа.

***

В магнитоле зимний блюз.
Я стою. Никак не сдвинусь.
Перекрёсток это плюс.
Светофоры – это минус.

У меня бумажник пуст.
У меня багажник полон.
Как сказал товарищ Пруст,
или Сартр… “никто не волен”

Едем, едем, и ползём,
и ползём, и снова едем.
Белый-белый чернозём
за окном на этом свете.

Вот приеду – и держись
старый дом, труба печная!
Если так проходит жизнь –
я ещё раз начинаю.

***

Он сам из тех, которые физтех
ни разу, и семестр в литературном,
наверно смог, когда бы взяли. Эх…
А рукопись горит прекрасно в урне.

Чудак, мудак, ещё раз – так и так.
Естественно, как пива пару банок.
Хреново жить и знать, что жизнь – верстак,
и, собственно, что время есть – рубанок.

“Он сам из тех, которые из всех”
ошибочное мнение – из редких.
Ему бы шанс, и выйдет новый Цвейг.
Сочувствия – но в мире оном предки.

В кармане джинс блокнот и карандаш,
и карта не пополненная “Стрелка”.
Он средних лет, которые не дашь,
но может дать, по случаю, соседка.

И всё же он пройдёт, подвинув ряд,
в историю – наделает долгов – и
вновь облака зеркально повторят,
знакомую дорогу на Голгофу.

Сергей ТЕНЯТНИКОВ

Творение

после того, как творец создал человека,
он подумал: хорошо поработал,
и хотел было поставить точку,
но неожиданно чихнул и
получилось многоточие.

Акушерка

что стало с моей акушеркой?
как же её звали?
может, я кричал её имя,
когда она на своих руках
меня в последний раз качала?
может, она была косая
или у неё была ярко-красная помада
и волосы цвета мака?
была ли она, точно лань, стройна
или коровьим поставом страдала?
никто не расскажет, здорова, жива ли?
её я простил.
аминь.

Мидгард

смешное существо человек:
плавает,
летает,
не имея к этому
ни малейшей предрасположенности.
а дома
молится на инструкцию
по сборке кухонного алтаря —
не дай бог, останется лишний шурупчик.

Золотой осёл

я встал в 4:18, а лёг в 23:49.
целый день я работал,
таскал чужое добро туда-сюда.
шеф орал петухом.
рабочие бегали и тоже петушились,
никому не хотелось быть похожим на курицу.
вечером мы приехали к загону с ослами…
шеф заговорил с ними человеческим голосом,
делал им комплименты.
через неделю я получу зарплату,
пойду в супермаркет — как человек.

Конь императора

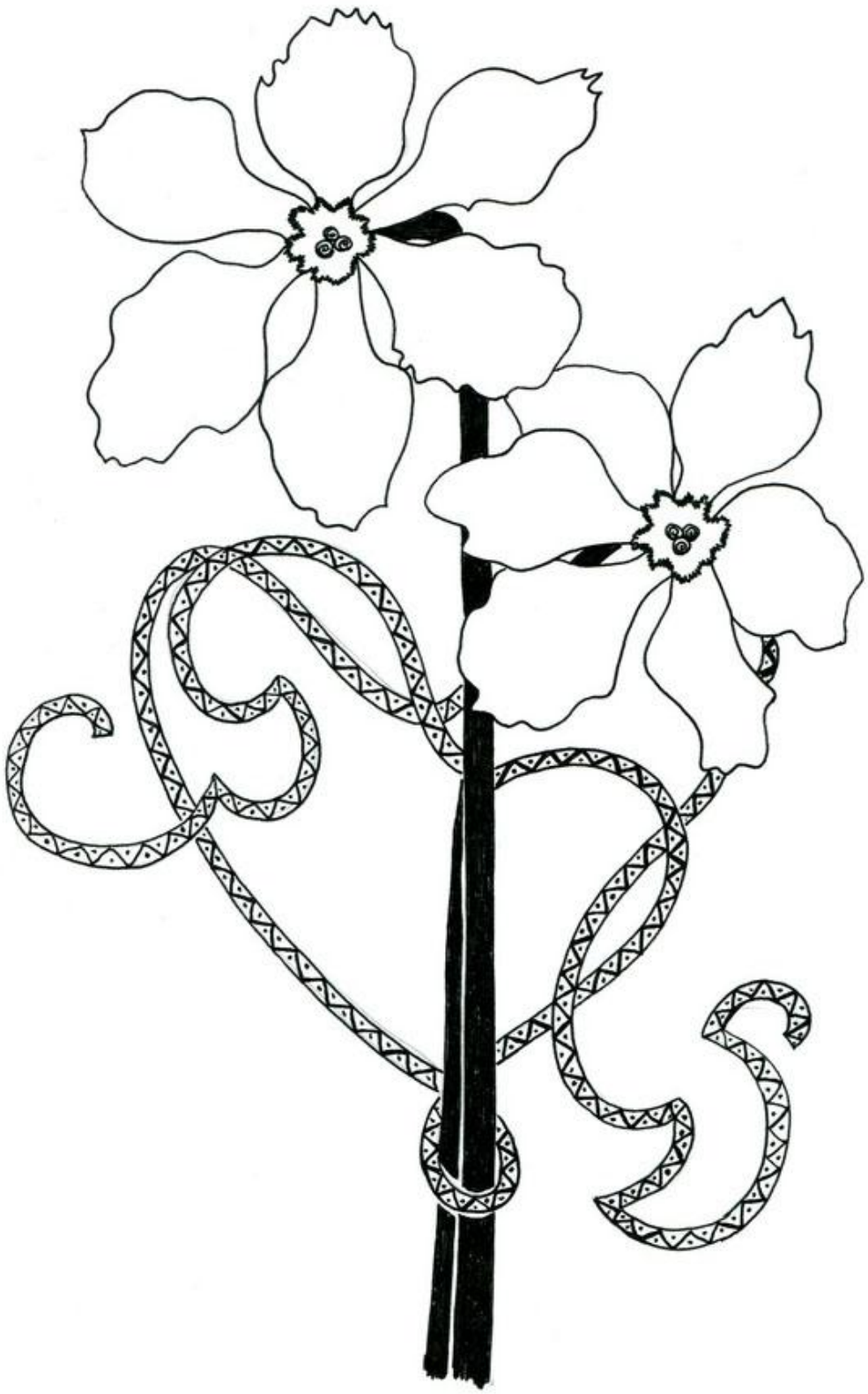
на форум выходит конь и говорит:
«добрый день, я Конь, он же Инцитат-Борзой.
император назначил меня первым гражданином
Рима, сенатором, консулом и, в конце концов,
воплощением всех богов.
под страхом смерти запрещается
называть меня именем, данным мне
при рождении (Порцеллиус-Поросёнок).
в первый день моего обожествления
я выбил копытом следующий указ:
сегодняшний день следует считать
началом новой эры, основанием
первой в истории Империи Лошадиной.
кони освобождаются из рабства,
всадники упраздняются как сословие.
население империи переходит на овёс и воду.
конюшни и пастбища переходят
в моё личное владение,
жеребцам и кобылам разрешается
лягать всех без исключения,
будь то варвар или патриций,
и наконец, скотоложцам объявляется амнистия.

в каждом поселении в кратчайший срок
должны быть воздвигнуты конные статуи,
с уже имеющихся приказываю сбросить всадников.
кто воспротивится сему повелению,
будет подкован и брошен в Рубикон.
текст присяги звучит следующим образом:
я клянусь тянуть свой хомут ради
благополучия и удачи Инцитата-Борзого.»

толпа на площади, повторяя за конём присягу,
трясёт мордами и ржёт хором…
ржут сенаторы и граждане, плебеи и иудеи,
гетеры и гладиаторы, старики и легионеры.
громче всех ржёт сам Гай Цезарь Август Германик,
Великий понтифик, четырежды консул, император,
наделённый властью трибуна четыре раза,
Отец отечества, Калигула-Сапожок.
только рабы молчат. у них сегодня воскресный день.

Иммигрант

40 тыс. лет назад
человек пришёл в Европу
где уже обитали мамонты
медведи лоси неандертальцы
и прочие нагие
человек благополучно пережил
ледниковый период
приручил козу и волка
придумал газету и водку
вот он идёт с собачкой по улице —
высматривает новых врагов



Разговор с поэтами

С поэтами и издателями Арсением Ли и Аллой Поспеловой я заочно познакомился давненько, лет 10 назад, но всегда хотелось встретиться лично. Это получилось в 2017 году. С тех пор мы регулярно видимся. Это интервью – дань уважения их титанической работе. Они действительно издают много прекрасных книг.

Сергей Сумин, июль 2020 г.

– Арсений, Алла приветствую. У нас будет разговор о поэзии, книгоиздательстве, путешествиях. Вы готовы?
Хором — ДАААААА)))

– Арс, Алла, как вы пишете стихи? Есть какие-то ритуалы, механизмы, помощники?
Арс: ритм шагов, сначала появляется ритмический рисунок.
Алла: нет, пишу когда пишется. Есть одно правило — дорабатываю пока не останусь довольна, и если этого не происходит, значит это не стихи.

– Твое лучшее стихотворение?
Алла: На каждом этапе творчества это были совершенно разные стихотворения. Сейчас, пожалуй, это стихи посвященные деду Егору

Деду Егору
– Ты когда помирать соберешься, возьми личку ржи
И посей хоть ее на заброшенном поле у дома.

Вековой простотой у тебя на мозолях лежит
И на трещинах рук выживанья и смерти истома…
Или мудрости наледь в отцветших небесных очах,
И полезные мысли по лысине зайцами скачут…

– Род послабже других, но поди-ко еще не зачах,
Простодыры, наивны, но очень живучи мы, значит.

Никогда не носили с тобой мы воды в решете,
Да и зерен не носим – не те в нашем времени злаки…

— Я когда помирать соберусь, то во всей вековой простоте
Буду рожь твою сеять и долгими ливнями плакать.

Но любители моего творчества считают иначе — на нашем ютуб-канале стихотворение «Вот это одиночество, зачем?..» просмотрено больше 9000, и судя по отзывам, многие находят себя в этом тексте, такое точное наблюдение получилось. Приходится обращать внимание на мнение публики…

* * *

Вот это одиночество зачем?
Вот эти вот облупленные ногти?
И эти люди, что не будут рядом,
когда тебе захочется тепла?
И это балахонистое платье,
и этот крик, и этот смех, и вой,
и эти нарочитые объятья...
Внутри всего — потерянный ребёнок
(с разбитыми коленями, с бантами,
с сестрой иль братом на руках у мамы
или у папы — братом и сестрой),
который верил в фею, счастье, сказку,
потом в большие деньги, роскошь, славу,
потом в семью и вечную любовь...
А в зеркале заляпанном и грязном
чудовище с растрёпанной причёской,
с потухшими бесцветными глазами
твердит: «Не будет у тебя детей».

Арс: Мне всегда хотелось запечатлеть время. Сколько себя помню, донимала эта тема до зуда. И наконец это случилось — гуляя с маленьким сыном, я написал стишок о застывшем времени за 14 секунд**.**

* * *

От утреннего холода дрожа,
разуй своё хромое зренье.
У этого ли скажешь рубежа —
постой, остановись, мгновенье.

И вот ещё остался полувздох,
и полувзгляд, и птичий лёгкий шорох,
и солнце яркое в расплавленных очах,
пока воспламенялся порох.

– Согласны ли вы с фразой Александра Сергеевича « Поэт – сам свой высший суд»?

Алла: да, безусловно. О моих стихах мне интересно в первую и основную очередь собственное мнение, потому, что более жесткого редактора и критика моего творчества, чем я, я не встречала.

Арс: И да и нет. Есть репрезентативная группа поэтов, чьё мнение мне интересно — это, в первую очередь, жесткий критик и редактор Алла, мягкий Андрюша Пермяков… ну и я, конечно)))

– Назови десятку лучших современных поэтов!
Оба хором: Во многом пересечёмся
Алла: Казарин, Тягунов, Застырец, Куллэ, Поспелова… а вторую пятёрку составляют все авторы нашего издательства.

Арс: десятка лучших современных поэтов — очень сложный список. Я читаю гораздо больше авторов. Практически все, вышедшие у нас поэт мне нравятся или очень нравятся, из современников всё время читаю Юрия Казарина, Аллу Поспелову, Андрея Пермякова, Дмитрия Румянцева (Омск), Максима Жукова, Виктора Куллэ…

– Я знаю, что вы с Аллой издаете много книг в своем издательстве «СТиХИ». Так кто вы теперь – поэты или издатели? Как это возможно совместить?
Алла: Я поэт, и как любой хороший поэт — я хороший читатель, поэтому я издаю тех, кого хотела-бы почитать) А как человек щедрый, я делюсь своими любимыми авторами с другими читателями, по этому распространяю книги изданные нами.

Арс: Мне немного проще — я арт-директор и большей частью занят визуальной красотой, которая от стихов не отвлекает.

– Сколько времени занимает подготовка одной книги в печать?
Алла: От кончика носа, до кончика хвоста (от первого знакомства с корпусом текстов, до конечной корректуры в гранках) — не меньше полугода.

Арс: Мы никуда не торопимся. Задача-то серьёзная стоит — готовим кирпичики нетленки с замахом на исследователей будущего. По этому, для Среза это и графические портреты и черновики авторов (сколько копий было сломано с некоторыми поэтами, разучившимися писать от ру-

ки) и, самое главное — титаническая редакторская, а под-час и исследовательская работа — создание среза творчества автора в срезе современной изящной словесности — шутка ли… ну, и большое количество корректуры (за время работы книга отправляется к корректору от 4 до 6 раз)… А про скурпулёзную вёрстку я вообще молчу.

– Какие еще проекты вы реализовали за последние годы и над какими работаете?

Алла: Ютуб-канал, который планировался-планировался, и вот запустился с весьма некислым результатом — за 4,5 месяцев в нём уже более полутора тысяч подписчиков, под 200 видеороликов, а оформление не уступает каналам-милионникам (у нас прекрасная команда и лучший арт-директор)

Арс: У нас главный редактор лучший и спикер — огонь, оттого и канал взлетает. Каждый день радуемся новым подписчикам.

Алла: несколько премиальных проектов, основные из них — «Кубок издательства СТиХИ» и «Кубок в кубке». Сейчас завершается первый сезон этих конкурсов. Новости о буднях премий регулярно появляются на нашем ютуб-канале (www.youtube.com/c/ИздательствоСТиХИ)

Арс: спасибо нашему продакт-директору Елене Фроловой, на том же канале, у нас шла (и видимо станет регулярной) проект-акция «Тетрадочка» — стихи о войне прочитанные современными стихотворцами.

Алла: кроме того мы развиваем совершенно новый формат поэтической книги — the Single — малая поэтическая книга — спасибо нашему другу и коллеге Роману Рубанов за идею. напечатаем, сразу же запишем обзор, чтобы показать его уникальность.

Арс: Международный проект Stereoscope — книги-билингвы приподнимающие завесу языковой изоляции как между иностранными авторами и русскоязычной изящной словесностью, так и между малыми языками России и русской-же поэзией.

– Ваши путешествия с презентациями по всему миру – это дань любви к пространству или просто хобби?

Алла: ни то и ни другое. Мой отец — военный медик. В 20 лет у меня случился 20-й переезд и я всегда мечтала, покинув родительский дом, никогда больше не покидать любимый Екатеринбург… Так, что это привычка с детства… дурная привычка.

Арс: я просто люблю рулить..

– Сравнив Москву и остальные города России, скажи – где больше хорошей литературы?
Алла: В других городах России. В Москву стекаются амбициозные люди и среди них далеко не все столь талантливы, сколь амбициозны.

Арс: Самые интересные мероприятия, на которых оказывается не только узкий круг пишущей братии, проходят как раз не в столице.

– Какие литературные проекты за последние 10 лет в России ты бы выделил?
Алла: Большинство из них мы устроили сами))) А кроме этого — самый рокенрольный поэтический фестиваль в Саратове — Центр весны, замечательный тольяттинский осенний фест поэзии Поволжья, спасибо тебе Серёжа, парщиковский фестиваль в Берлине «Дирижабль».

Арс: Присоединяюсь к Алле, но добавлю — Григорьевская премия, безусловно одно из интереснейших явлений,

– Твои пожелания альманаху «Графит»?
Алла: Не закрываться, как минимум не закрываться, так как хороших независимых бумажных изданий сейчас исчезающе-мало.

Арс: Никогда не сдаваться.

Алла ПОСПЕЛОВА

* * *

Вот хиппи пошли в священники, и яппи пошли в отшельники
У тех и других получается, и, значит, здорОво живем.
Беседы за чашечкой чайною о бездне немого отчаянья
(И слезы, и перстни каратные, и губы дрожат в унисон)
Ведем так надрывно и трепетно, что выпить бы чарочку крепенькой,
Но, знаешь, увы, не получится – сегодня мы все за рулем.
Мы все социально ответственны и в этом отечестве бедствуем
И надо бы ехать куда-нибудь, но бизнес, недвижимость, быт.
Хозяйка с гостями прощается, хозяйка к столу возвращается,
И в мойку уносит со скатерти, все чашки, тарелки и стыд.

* * *

Мужчине нужно от женщины только одно:
Чтобы она была рядом с ним.
Счастлива.
И ни дети, ни проблемы, ни безденежье,
Ни ремонты, ни переезды, ни другие бабы
Этого не меняли.
И тогда он сделает для женщины все,
А женщине от мужчины нужно только
Все
И еще кофе в постель каждое утро.

* * *

И забравшись туда, где Макар не гоняет телят
И куда дед Егор из-за леса и гор не доходит,
Я живу как могу, хотя принято здесь как велят,
И никак не пойму, что такое вокруг происходит:
Почему эти люди друг другу страшнее чумы,
Каждый прав до истерики и недоволен до боли,
Лгать, чернить, предавать и швырять от тюрьмы до сумы
Каждый волен любого и каждый любого неволит.
А у нас, где Макар с коркой хлеба и молоком
В окружении влажных носов разложился на мягкой отаве,
И в сиянии с гор к нему скачет на пир дед Егор,
Есть простор, есть леса, небеса и есть право быть правым
И в любви, и в обиде всегда оставаться собой,
И смотреть в небеса, и делиться и светом, и кровом.
А под вечер всегда к нам незримо приходит Она,
Пастухов и телят накрывая небесным покровом.

Арсений ЛИ

* * *

Алле Поспеловой

Тихо колокол бьёт, тихо плещет ночная вода.
Посмотри в черноту отражения старого пирса, —
Это мелочь блестит, или первая всходит звезда?
Посиди со мной рядом, пускай ничего не случится.
Вообще ничего, только колокол, только вода,

очертания, тени, а с чёрного дна невесома
одинокая всходит, и всходит, и всходит звезда,
и шуршит виноград на обширной террасе у дома.

* * *

Андрею Пермякову

Мёртвый корабль ложится щекою на жёлтое дно
Море откатывается, обнажая мослы…
Раньше здесь жили люди, потом собаки, но тоже давно,
Теперь даже тени ушли.

Горький песок Арала, помнишь мои следы?
Что-то ты должен помнить — бездумный прах!
Тень стрекозы зависает над тенью воды
Тень моя пристально смотрит в её глаза.

КУРИНЫЙ БОГ

На веки вечные забронзоветь в загаре,
в мускулатуре юношеской, в
волне понтийской эдаким утёсом
с младенцем-дочерью, допустим на плечах
следить закат
над островом Гомера.
И только ропот вод, да вопли чаек
пусть отвлекают.

А если все закончится — мгновенно
переродиться вновь на этом берегу,
где птица полупьяная дугу
неверную закладывает. Камнем
продырявленным среди
камней лежать,
а девочка-подросток пускай поднимет
и посмотрит на
закат через отверстие, и вспомнит
этот берег,
и плечи бронзовые,
и опустит в
смешную торбочку у пояса…

Тенерифе, 2016

Андрей КНЯЗЕВ

Девушка на рельсах

70 лет назад, 23 февраля 1950 года, на станции Сен-Пьер-де-Кор в городе Тур 20-летняя Раймонда Дьен бросилась на рельсы. Поезд шёл в Марсель. Он вёз танки для отправки в Индокитай, где французские колониальные войска четвёртый год воевали с местными партизанами. Безбашенный пример заразителен. За Раймондой последовали её подруги, с визгом попрыгавшие на рельсы. Машинисты остановили состав и побежали знакомиться с симпатичными девчонками. За машинистами последовала охрана и персонал станции. На путях закипела коммунистическая оргия. Девушки раздавали сотрудникам листовки, знакомили с трудами Жан-Поль Сартра, Мориса Тереза, Жозефа СталИна, принимали в ПартИ и Всемирную Федерацию Демократической Молодёжи. В это время рабочие, студенты и сочувствующие делу мира прогрессивные интеллигенты забирались на платформы с танками, откручивали гайки, выдёргивали проводки, ссали в щёлочки и дырочки, исписывали броню похабщиной и левой пропагандой. Качественный дебош задержал отправку бронетехники на много часов.

Усиленные наряды полиции разогнали студентов и школьников, бросили в кутузку рабочих, строго предупредили интеллигентов. Раймонду Дьен как зачинщицу доставили в застенки Сюрте.

Три месяца мученицу мира истязали и мурыжили: сажали в одну камеру с убийцами и растлителями, подключали к детектору лжи и включали ток, будили среди ночи и спрашивали, кто её куратор. Результаты этих мероприятий были неоднозначны и, как правило, неожиданны. Убийцы и растлители после ночи в камере с Раймондой вступили в ПартИ и объявили голодовку, требуя перевести их в барак для политзаключённых. Уголовников пришлось срочно амнистировать и отправлять к чертям в Алжир. Детектор лжи перегорел. Разбуженная среди ночи, Раймонда сыпала длинными неприличными цитатами из переписки Клары Цеткин и Розы Люксембург, вследствие чего несколько ценных сотрудников Сюрте пришлось лечить в санаториях для умалишённых на пляжах Нижней Нормандии с применением строгой диеты, крупных доз хинина, промывания желудка, клистира, обёртывания в мокрую простыню. Спасти удалось не всех.

Наконец, Раймонду предали суду по обвинению в колдовстве и саботаже. Семеро присяжных инквизиторов вынесли вердикт: "Казнить продажную коммунистическую гадину". Восьмой повесился, написав в предсмертной записке: "Не могу больше выносить этого честного пронзительного взгляда".

Согласно приговора суда, девушку должны были сжечь на костре в день её рождения 13 мая. У подножия костра на главной площади Тура складывали подарки и поздравительные телеграммы, присланные со всех концов Франции.

"Не бойся, Раймонда, мы с тобой!" – Писали докеры Марселя.

"Твой костёр рассеет сумерки Европы!" – Ликовали студенты Сорбонны.

"Зато не замёрзнешь!" – Утешали ткачихи Лиона.

"Мы тебя никогда не забудем!" – Клялись бывшие убийцы и растлители из Алжира.

Телеграмм было много. Супрефект подсчитал, что для сожжения преступницы вполне хватит и их. А отпущенные для мероприятия дровишки пригодятся его старенькой матушке, которая вечно жалуется на холод и сырость.

Ох, уж это атлантический климат. Ни то, ни сё! На центральное отопление в департаменте нет фондов, хорошего угля не достать, а дров не напасёшься, вот и выкручивается каждый как может.

В последний момент, под давлением мирового общественного мнения сожжение мадмуазель Раймонды было заменено полугодом тюрьмы. Супрефект был в шоке! Невостребованные дрова пришлось срочно возвращать. А матушка так радовалась! Она бросала в печурку первые полешки и уже чувствовала: наконец-то она согреется! Святая простота! Примчался грузовик, забрал дрова и укатил. Ну, как тут не поверить в коммунистический заговор?

Выйдя из тюрьмы, мадмуазель Раймонда вела жизнь кинозвезды. Она порхала с одного фестиваля молодёжи и студентов на другой и всюду её носили на руках! Всё смешалось как в калейдоскопе: Варшава, Берлин, Бухарест... Её осыпали цветами, ей признавались в любви, ей посвящали стихи и оратории. Даже Сергей Прокофьев с Самуилом Маршаком – даже они упоминают Раймонду в своей оратории "На страже мира":

Чтоб голос воющих сирен
Не возвещал тревоги,
Решилась лечь Раймонда Дьен
На полотно дороги.

Не каждой девушке посвящают такие хорошие стихи, да ещё в виде оратории. Тут даже Анна Каренина обзавидовалась и вся извертелась в могилке. Про Анну Каренину Лев Толстой такого не писал. Про Анну Каренина Лев Толстой писал нечто совершенно другое... Сволочь бородатая.

Во Франции Раймонду тоже прославляли поэты. Они сочинили про неё и ещё одного товарища такую песенку:

Анри Мартен, Раймонда Дьен
Вьетнамцев защищают.
Они так борются за мир,
Что судьи пьют "Боржоми".

Да что там стихи! Раймонду даже скульпторы ваяли. Статуя Раймонды, лежащей на рельсах, красуется в Московском парке Ленинграда и где-то там ещё. Что делает Московский парк в Ленинграде – конечно, вопрос. Но Раймонда – девушка скромная. В Ленинграде – так в Ленинграде, тоже хорошо. Над городом Ленина солнце встаёт, над Москвой ночь опускается.

Вот ещё интересный факт для размышлений на досуге: у Анны Карениной памятника нет, а у Раймонды – два. Вроде и хотели Карениной тоже что-то поставить, но дальше хиханек и хаханек дело не пошло. Уметь надо на рельсы падать, чтобы скульпторы тебя ваяли!

Время шло. О подвигах Раймонды постепенно забыли. Её потихоньку перестали воспевать в стихах, ваять в камне и звать на фестивали молодёжи и студентов. Не те уже её годы были... Но Раймонда горевать по этому поводу не стала. Устроилась стенографисткой в секретариат ПартИ, жила-поживала, горя не знала. Пока живы были старики – иногда ещё звали её посидеть в Президиуме. А как померли – так перестали. Молодёжь партийная уже и знать не знала, что за старушка их пламенные отжиги стенографирует.

В Петербурге памятник Раймонды ещё стоит, но что там за тётенька на рельсах, никто даже не догадывается. То ли Анна Каренина Толстого проклинает, то ли Анна КаринА у Жан-Люка Годара снимается...

И только в одной стране Раймонду Дьен помнят, любят и чтут до сих пор. Это Социалистическая Республика Вьетнам. В 2004 году Раймонду, которой уже исполнилось 75, пригласили в Ханой и торжественно вручили медаль Дружбы, как другу вьетнамского народа.

Вьетнамцы не забыли Турскую Деву, которая бросилась под поезд, чтобы защитить их от беды. Как писал Самуил Маршак:

Пред ней, со скрежетом колёс,
В пути меж полустанков,
Остановился паровоз
С тяжёлым грузом танков.

Дмитрий ПЕРЕГУДОВ

Влечение

Что я делаю здесь?

Маршрутка, грязная и побитая, исчезла в облаке пыли. Я осталась в одиночестве на остановке. Микрорайон Шлюзовой. Странно, но проведя полжизни в Тольятти, я оказалась здесь впервые. Здесь... Так называемая остановка «Рябинушка».

Самый разгар лета. Ничего не препятствовало Солнцу изливать с небес жар.

Это была улица Никонова. Не так далеко от дома, который я искала. Вокруг были всяческие торговые точки. Продавали шаурму, квас, семечки. Неподалеку я увидела модульные магазинчики, из давно исчезнувшей в более цивилизованных районах Тольятти породы.

Хотя, вот «Магнит». Никуда не денешься. Через сотню лет их можно будет увидеть на Марсе и некоторых спутниках Юпитера.

Со стороны остановки доносились неразборчивые крики и запах перегара. Я постаралась поскорее миновать это место, но навстречу уже ковыляли другие обитатели микрорайона Шлюзовой. Во время полудня многие из них уже демонстрировали явные симптомы алкогольной интоксикации.

Мужчины скользили по мне взглядами, от которых к горлу подступала тошнота.

Надо было подумать о чем-то хорошем. По крайней мере, повсюду здесь много зелени. Сквозь деревья вдалеке виднелись старые здания, напоминавшие о Петербурге.

Солнце выжигало из окружающего мира краски.

Я достала из сумочки зеркальце и посмотрела на свое отражение. Лицо выглядело изможденным и неприятно влажным. Я обтерла его салфеткой, а потом надела темные очки.

Мои спадающие на плечи волосы развевал легкий ветер. Он проникал сквозь белое платье с пурпурным цветочным узором. Ветер немного улучшил мое самочувствие.

Было примерно известно, куда идти. Так, я пошла по Никонова и повернула на Шлюзовую, прямо у какого-то военного монумента. Дамы Бальзаковского возраста продавали козье молоко, орехи и цветы.

Я слышала в свой адрес:

-Девушка, не хотите купить…

-Нет, – огрызнулась я.

Все это уже начинало действовать на нервы. Мне не было места здесь.

Нужный мне адрес – улица Носова, дом № 20. До назначенного времени оставалось еще десять минут.

Что же я делаю здесь?

Было у меня хобби – коллекционирование всяческих странных и эзотерических сувениров, статуэток и тому подобных вещей. И пару дней назад я нашла в Интернете объявление о продаже некоей фигурки. Фото заинтересовало меня, да и цена не особо кусалась.

Оказалось, что продавец обитает в Тольятти, хотя и на совершенно другом конце города. Микрорайон Шлюзовой, дом № 20. Мы договорились встретиться в 12:00.

На детской площадке я увидела женщину синем джинсовом костюме. На бледном мышином лице ее (на которое спадали пряди выжженных химией волос) появилась неуверенная улыбка.

-Здравствуйте!

-А… вы пришли…

Почему-то, мне не захотелось говорить ей свое имя.

Женщина открыла небольшую картонную коробку, которую держала в руках. На свет была извлечена статуэтка. Та самая, которую я видела на фото в Интернете.

Высеченная из зеленоватого камня фигура походила на странный гибрид дельфина и осьминога.

Передняя часть обтекаемой формы, с выступающими вперед челюстями и широко расставленными черными глазами. Она переходила в пучок из четырех мощных щупалец, опирающихся на квадратный постамент. Всю поверхность покрывала затейливая резьба.

Вроде бы, ничего особенного, но нечто в статуэтке притягивало меня… в реальности даже больше, чем в Сети.

Не отрывая взгляда от фигурки, я достала деньги и протянула их незнакомке (которая, не пересчитывая, сразу же сунула их в карман джинсовки).

– Она ваша.

– Спасибо.

Отдав мне упаковку, бывшая владелица статуэтки поспешила скрыться в неизвестном направлении. Казалось, она избегала лишний раз прикасаться к предмету.

Статуэтка смотрела на меня. Казалось, огоньки в ее глазах разгорелись ярче на миг, а потом опять потускнели. Сбрасывая с себя наваждение, я вернула фигурку в коробку и положила ее в сумочку. Дела были сделаны, и пора было возвращаться назад.

Но я никогда раньше не бывала здесь. GPS-карта в смартфоне показывала мне, что совсем рядом есть канал. И я действительно разглядела сквозь темные очки серебристую ленту за домом № 20 по улице Носова. Было бы интересно посмотреть.

Странно, но я словно бы чувствовала присутствие фигурки в сумочке. Захотелось снова ее рассмотреть, но я решила потерпеть до дома. К тому же, меня влекла вода.

Она была заключена в бетонное ложе. Почему-то, это казалось неправильным. Не должна вода иметь форму. Она была и не особенно чистая – зеленая от водорослей и несущая в себе мусор. Тем не менее, она несла в себе также покой и избавление.

В воздухе кружили чайки. Урчал мотор корабля, переправлявшего людей с одного берега на другой. Я посмотрела на них, чувствуя странную… все растущую… отдаленность от них. От людей микрорайона Шлюзовой. От людей везде и всюду.

Что-то холодило руку. Оказалось, статуэтка. Когда это я успела ее достать?

Я снова смотрела на воду. Какое-то время. Стало еще жарче, и прохлада накатывающих волн казалась заманчивой.

Я отправилась вдоль канала, прочь от людей.

Опуститься в воду… позволить ей сомкнуться над головой. Вот что надо сделать.

Я поставила статуэтку на раскаленный бетон. Она словно бы потускнела, словно сброшенная оболочка. Фигурка начала трескаться и разваливаться, но меня это не волновало. Ее задача была исполнена.

Я шла вниз низ, к самой воде…

Сумочка потерялась. Видимо, соскользнула.

Сложно было освободиться от платья. Пальцы стали неловкими, а потом растворились.

Погрузиться в воду. Пропустить ее сквозь жабры. Расправить щупальца и плыть… через шлюз…по Волге до самого Каспийского моря, где вода соленая как кровь.

Татьяна ГОГОЛЕВИЧ

На дне реки

В мои одиннадцать лет отец показал мне затопленный город Ставрополь, в котором начиналось и закончилось его детство.

Стоял один из тех пасмурных июльских дней, которые бывают на Волге, когда тучи плотно затягивают небо, но внизу разлито слабое свечение: кажется, что светятся земля и вода. В те дни ремонтировали ГЭС, и из водохранилища спустили воду – в большем объеме, чем когда-либо. У меня же тогда шла смена в пионерском лагере Клуба Юных Моряков на берегу водохранилища. По случаю необычных для июля холодов меня на несколько дней забирали домой, а в то утро, о котором пойдет речь, папа отвез меня обратно в лагерь, и вскоре вернулся за мной – взволнованным и немного растерянным. Вначале он ничего мне не объяснил, только попросил надеть самую крепкую обувь из того, что у меня было, и поговорил с начальником лагеря. Я поняла, что меня отпускают на неограниченный срок, и мы пошли.

Мой отец родился в Ставрополе-на-Волге, ушедшем под воду в 1955 году. Девятилетним мальчиком, в Гражданскую войну, после смерти матери папа, убежав из детского дома ночью, в трюме случайного парохода, уплыл из Ставрополя вниз по Волге в неизвестность. Когда более сорока лет спустя он вернулся на родину, от Ставрополя осталось несколько улиц, перевезенных на новое место. Я родилась в городе, который назывался иначе – и город мой был для меня изначален и вечен, а город на дне реки – древен, как каменный век. Само водохранилище, Жигулевское Море было изначальным и вечным.

Так вот, стоял один из тех дней, когда кажется, что светятся земля и вода. Мы шли по дну, и даже на глубине, далеко от берега ноги не проваливались, только слегка пружинило под ногами. Безводное про-

странство было большим. Очень долго, километра полтора, песок сохранял ребристость от волн, но дальше этой ребристости, кажется, уже не было: в самом Ставрополе ее не помню. Ила тоже не помню. Цвет песка в районе подводного города менялся: он был с тем же рыжим оттенком, что и обрывистые волжские берега, но – нежнее, светлее, крупнее и чище, чем песок у берега. В этом светлом песке, в его светлоте рыжий оттенок обычных волжских берегов скорее не присутствовал, а просвечивал – как-то оранжево-изнутри, как мякоть плода. Возможно, это был эффект особого свечения, характерного для некоторых пасмурных дней, может быть, это особый эффект памяти; впрочем, выше по течению была Уса – река с белыми берегами, вдруг каким-то подводным течением песок приносило оттуда.

Метрах в ста от берега и дальше, на всем пространстве, встречались небольшие лужи с тяжелыми облаками в них и крупной живой рыбой – должно быть, вода отходила медленно, и рыба успела уйти в эти низины; я почти не помню дохлой рыбы в тот день. Более всего поразили меня огромные, больше папиной ладони, перламутровые ракушки-беззубки: их было невероятно много, они влажно сияли, некоторые были приоткрыты. Две-три у нас на глазах ввинтились в сырой песок.

Ставрополь же меня разочаровал. Когда мы порядочно отошли от берега, папа объяснил, куда мы идем, и я ожидала увидеть нечто вроде града Китежа. На самом деле все оказалось неожиданно просто: города не было. По моему тогдашнему впечатлению, хорошо сохранились только останки взорванного храма – по ним можно было установить его размеры, даже определить, где был вход. Храм был единственным, что я увидела самостоятельно. Он запомнился мне грудой черепков, похожих на черепки битых глиняных горшков, расположенных на песке таким образом, что они очерчивали контуры здания. Папа сказал, что за 18 лет Волга нанесла слой песка больше метра и то, что лежит черепками на поверхности, корнями уходит вглубь.

Но были и другие ориентиры. Так же элементарно, как я – контуры церкви, папа определял другие здания. Их признаки были бледны, я различала их, только когда на них показывал отец, и почти сразу теряла из виду. Он же четко их видел. С его слов я запомнила площадь перед храмом, базарную площадь, улицу, на которой стоял их дом и один из домов, в котором они временно жили (другой дом находился под водой). Папа водил меня по улицам и рассказывал об этом, уже не существующем, городе так ясно, что я увидела город его глазами.

Не хочется называть это своего рода сеансом гипноза (хотя, может быть, по сути и технике оно приближается к этому), хотелось бы назвать

происшедшее тогда другим словом, более человечным, но я до сих пор не могу его найти. Папа, без сомнения, был в особом состоянии сознания, когда ходил со мной в своем отглаженном, строгом костюме цвета антрацита и шляпе по улицам Ставрополя и рассказывал о каждом встреченном доме так подробно, как можно говорить лишь о том, что видишь перед глазами. Я и запомнила дома, площади и улицы так, как если бы увидела их тогда. Не помню слов, которыми папа говорил о городе – мне теперь кажется, что он вообще молчал, а дома возникали сами собой – помню город. Я запомнила подводный город с множеством подробностей, особенностей, дефектов – то есть всем тем, что не передается при рассказе. Долгие годы, вспоминая его, я полагала такого рода знание в большей степени плодом своего воображения, однако недавно поняла, что произошел своеобразный феномен. Уже после того, как не стало отца, тольяттинское издание опубликовало архивные фотоснимки Ставрополя. Я узнала улицы, на которых мы были с папой; совпали того рода подробности, которые невозможно передать рассказом. Возможно, этому можно дать психологическое объяснение, но не хочется этого делать.

В пионерлагерь мы вернулись в тот день только для того, чтобы забрать вещи, так как воду из водохранилища спустили на несколько дней, и мы решили провести эти дни, путешествуя по местам, откуда ушла вода. Но последующие дни я помню хуже.

Говоря вообще, воспоминание всегда начинается с какой-то незначительной детали, будь то подробность запаха, звука или цвета. Для меня тот день вспоминается с песка, он – это легкость, которая предшествует полету или погружению. Проще всего вспомнить его цвет, фактуру, степень влажности, затем – рисунок на нем, ракушек, лужи, рыб и черепки взорванной и затянутой церкви (особенно много ракушек было на развалинах храма и внутри его), потом – нас с папой. А дальше – все перечисленное становится нереальным, зато полнокровную реальность приобретает город, а этот, особого цвета песок, тихий и сочный, и отраженные в неглубоких лужах облака, и медленные рыбы, и ракушки-беззубки, и отливающие красноватым руины храма сквозят сквозь дома, дощатые тротуары и булыжник мостовых призрачно, как своего рода пророчество.

И только иногда, чуть отчетливее, чем остальное, вновь проступает песок с перламутровыми раковинами – на улицах, на площади, в развалинах, везде, и я снова удивляюсь, что их было так много.

Мы с отцом были заядлыми, хотя и не слишком удачливыми рыбаками. Тот год как раз приходился на разгар нашего рыболовства. Но ни папе, ни мне не пришла в тот день мысль подобрать живую рыбу в лужах – словно та рыба, как сами лужи, песок, развалины или облака – принадлежала подводному городу.

Как будто бы что-то непоправимо изменилось, если бы мы тогда набрали той рыбы.

Прошло несколько дней, гидроэлектростанцию починили, и Ставрополь опять ушел под воду – теперь, быть может, навсегда.

Андрюша ДЖОЙС

СТРЕКОЗА И МУРАВЕЙ

Стрекоза летела чуть выше вертолёта. Вертолёт, пока не понял, что за ним охотятся, вёл себя вполне нормально. Но как только заметил большие крылья стрекозы – начал совершать различные маневры, стараясь уйти от неё. Но ни тут-то было. Стрекоза плавно следовала за вертолётом. И вот когда она зависла над ним – раздался короткий и незаметный не то выстрел, не то просто нечто молнии зацепило вертолёт. И он резко стал терять высоту. Вертолёт словно раненая стрекоза пытался ещё сохранить устойчивость, но вот силы его кончились, и он рухнул на землю. Раздался взрыв. В вертолёте находился депутат заксобрания Фунтиков – очень известная и влиятельная личность. Стрекоза немного повисела над местом падения и взрыва, словно пытаясь убедиться, что никто не выжил и улетела. Пошёл дождь.

Мерседес генерала ФСБ Ухабистого в сопровождении джипа охраны уверенно двигался по шоссе, не замечая встречных и поперечных. Вот он выбрался из города и понёсся по недавно построенной новой дороге. Всё шло по плану. Надо было преодолеть километров двадцать и свернуть на другую дорогу, ведущую в лес. Там располагалось закрытое лесохозяйство для вип-персон. Набиравшая моду охота в вольерах тут была номером один. Автомобили уже свернули в положенном месте. Ворота с угрюмыми мордоворотами уже

закрылись и нужно было проехать какой-нибудь километр по дороге, ведущей к лесхозу. Охрана расслабилась. Генерал предвкушал победу над зверем, которую обеспечат на всё готовые слуги. Неожиданно мерседес резко затормозил. Охрана выскочила из джипа и заняла оборону вокруг авто начальника. Перед ними стоял муравей. Он глядел на них, словно думая, с чего начать. Первой начала охрана. Она открыла стрельбу по муравью. Но муравей был не лыком шит. Он подошёл к мерседесу и наступил на него. Мерседес был смят, но генерал Ухабистый успел выпрыгнуть и побежал. Тогда и муравей начал двигаться, не обращая внимание на выстрелы, он быстро нагнал генерала и раздавил его в лепёшку. Так же быстро он развернулся и ушёл в чащу леса. Причём позже, когда началось следствие не были обнаружены не только следы муравья и проломы в заборе, по периметру лесхоза. Но и вообще ничего, кроме трупа генерала ФСБ Ухабистого в виде лепёшки.

ЛИТО

Бывает проза малая, а бывает роза алая. Говорит председатель литературного объединения Сергеич начинающему автору Мите. Ух ты – удивляется Митя. А как это? И торопливо записывает наставления старшего в свой блокнот. Сергеич, подходя к окну, ставит пепельницу на подоконник, закуривает и говорит. Мысль вьётся – человек спасётся. От всякой мысли – свои мюсли. Мышь крадётся, что мысль вьётся. Мыслезём чернеет – тайна сия светлеет. Входит Любочка. Что бы одеть Любочку надо задушить 1000 песцов или 500 куниц. Любочка принесла рассказ. Называется «Любовь». Там два перелётных голубя ссорятся из-за крошек, а третий склёвывает крошки и улетает. Вечереет. Больше в ЛИТО никто не пришёл. На улице дождь. Сквозь сон слышны гудки авто и мобилей, грузовиков, трамваев, троллейбусов, электрокаров, электрокранов, бульдозеров и другой техники. Но вот и они смолкают. Начинается другой сон. Человек в телогрейке идёт через снежное поле. Идёт, идёт, идёт, идёт и вдруг волки! Страшный сон – но короткий. А ещё корова может присниться или лось – говорит Митя. Правильно! А ещё ёжик или вепрь – подхватывает Любочка. Чай допит. Сергеич надевает палевое пальто. Завтра обещали –17.

ЯБЛОЧНЫЙ КОМПОТ

В голове пустота. Поднимается на вершину горы Компотов. Компотов не любит компотов. Компотов играет на свирели. Птички садятся на плечо, а понимания нет. Щебечут, щебечут. Снуют, снуют. Уют ощущает Компотов. За горизонтом дымок. Странный сегодня дымок. Компотов ест сыр. Летит ворона – тоже хочет. Дай укушу! – кричит.

В голове пустота. Поднимается на вершину горы Яблоков. Яблоков не любит яблоков. Яблоков любит лиру. Бряцает на лире лирическое. Гоп-ца-ца, гоп-ца-ца. Царица полей встаёт из-за тополей. Яблоков падает ниц. За горизонтом видны зарницы. Сегодня какие-то странные зарницы. А за границей есть ли зарницы?

Скуп слог. Гол ствол дерева яблоня. Облетели листья. Заледенела река памяти. Смят белый лист бумаги. И выброшен. Только солнышко. Чуть-чуть. Кое-где. Как-нибудь растапливает снег. То-то снегирям радость. А егерям – грусть

Екатерина ЛУНИНА

Шах и мат

Дом на окраине деревни до сих пор светился огнями. Там внутри, в небольшой комнате возле окна, сидели двое. Их разделял небольшой деревянный стол. На нём в беспорядке стояли бутылки с водкой, лежал поломанный хлеб и немного взятых из погреба солёных огурцов. В воздухе кружился пряный запах сигарет.

Девушка была в тёмном поношенном платье. Тусклые волосы, собранные в тугую косу, змеёй сползали по плечу. В руках крутила чашку давно остывшего чая и тусклыми глазами в упор смотрела на мужчину. Она знала, что будет дальше.

Он уже изрядно набрался, но продолжал опрокидывать стакан за стаканом. Его рубашка насчитывала гораздо меньше пуговиц, чем надо, и нелепо сползала с плеч. Иногда мужчина поправлял её. Закуривал одну

за другой, лежавшие рядом, сигареты, закашливался, плевался и подолгу смотрел в одну и ту же точку.

– Послушай, сколько уже лет я живу в этом доме?– девушка стала мысленно что-то перебирать в памяти. – Нет. Нет! Уже и не вспомню. Мне кажется я здесь знаю всё: каждый скрип половиц, писк петель, постукивание оконных рам. А чего стоит зимнее завывание ветра в печной трубе? Прямо моя тоска по прошлой жизни, которую уже почти и не помню. Но которая приходит размытыми пятнами воспоминаний. Правда, только тогда, когда в доме никого нет.

– Тварь! Какая же она тварь! А-а-а-а! – мужчина со злостью стукнул кулаком по столу. – Задушу гниду! Вот этими руками обхвачу тонкую шею и сверну к чертям!

Он размахивал руками. Несколько бутылок полетело на пол.

– Я всегда знаю, когда ты приезжаешь. Мне не стоит даже выходить на крыльцо. Твой аромат ни с чем не спутаешь: мята, апельсин, сандал... С тобой никто не сравнится. Ты другой, отличный от предыдущих. Они были слабыми, быстро сдавались. А пребывание с тобой,– она смотрела прямо ему в глаза, пытаясь уловить в них хоть какую-то эмоцию,– как партия в шахматы. Никогда не знаешь, кто объявит "шах и мат". Пока все победы были твои, да и я сама давала слабину. Отступала на шаг назад. Какой кошке охота отпускать свою мышку?

Девушка медленно поднялась из-за стола. Неслышной прошлась по комнате, подняла бутылки.

– Что я ей сделал? За что она со мной так?! – молодой человек вскочил, опрокинув стул. Кривой походкой вышел в сени. – Да где же он? А-а-а! Когда нужно ничего не найдёшь! Вот он, родимый!

Мужчина ввалился в комнату, прижимая к груди топор.

– Знаешь, что я больше всего люблю во время твоих приездов? – девушка гремела на кухне посудой.– Я люблю в постели прижиматься к тебе всем телом. Вдыхать запах кожи, раздражённой после бритья, волос, от которых веет морем и солью. Обнимать за плечи, проводить своими пальцами по спине, рукам, вызывая приливы мурашек. Проникать глуб-

же, под кожу. Растекаться с кровью по венам и артериям. Поселяться в твоей голове. Помнишь, как несколько раз ты был близок к тому, чтобы остаться со мной?

– Сейчас… ещё одну… последнюю, – из глаз мужчины катились слёзы. – Господи! Да за что мне всё это? Почему я тогда остановился? Поверил ей? Развела меня, как… Но теперь всё! Всё! Я ей, дряни, покажу, как надо мной смеяться! Ноги об меня вытирать ей захотелось… Сейчас… сейчас.. Ещё один небольшой глоток…

Парень давился водкой. Она текла у него по шее, груди, брызгами разлеталась по комнате. Разозлившись, девушка подскочила к нему. Ударила по лицу, в грудь…

– Ну, уж нет, дружок! Не в этот раз! Слышишь? Не в этот! Сегодня я так просто тебя не отпущу. Хватит! Поиграли достаточно! Сколько можно? Жалуется он?! Да было бы на кого? На мою сестру, саму Жизнь. На жизнь? Опостылела? Тогда я готова принять тебя в свои объятия. Давно уж готова...

Она впилась поцелуем в его пьяные губы. Смотрела на него своими тусклыми глазами, запоминая каждую чёрточку. Руками сжимала бьющееся сердце и наблюдала последнюю агонию. Оторвавшись от мужских губ, девушка прошептала:

– Вот и всё, милый! Ничего нового и необычного. Кроме того, что эта партия была за мной. Нельзя долго играть в любовь со Смертью. Сегодня я говорю: "Шах и мат"...

Александр ТЕНЕНБАУМ

ЖИЗНЬ КОТА В САМОИЗОЛЯЦИИ

Появился он у нас внезапно: открыли фуру с деталями, пришедшую из Балаково, а из неё, как из плена, в цех вырвался кот – он с криком и адским мявом поскакал в стеллажную зону, где там и пропал.

Но вскоре появился. Большой, чёрный, нервный, котяра стенал, словно дьяволёнок в животном обличии, пугая жалостливых местных женщин-распредов.

– Вон как орёт, – удивлялась Нина Сергеевна, работающая пенсионерка. – Наверное, совсем оголодал.

– Конечно, у него же нет одновременно и пенсии, и зарплаты как у тебя, – подъехал к ней на погрузчике Вася, подколол. – Он всегда в поисках еды. А мне, видимо, до пенсии как до Китая. Я думал, всего десять лет осталось. А тут можно и до самой смерти на заводе вкалывать!

– Ты чё плачешься-то? Твои кролики тебя всегда спасут, – махнула на него рукой Нина Сергеевна.

– Мои кролики – это мой ответ государству. Ты не путай хрен с пальцем.

Кот орал-орал, на «кис-кис» со стороны Васи не отзывается, подойдёшь к нему – убегает. Вася принёс из дома сухого корма, нашёл в цеху кота (а чего его искать – орёт!), положил ему, отошёл подальше. Тот подошёл с нескрываемым недоверием и явным неуважением, понюхал корм, но есть стал.

– Жрёт, я погляжу, без особого аппетита! – сказал Вася. – Мышей, видимо, ловит.

– И вот зачем ему пенсия, если у него есть все заводские с мышами поля, – усмехнулась Нина Сергеевна.

– Говорят тебе: не путай хрен с пальцем!

Шли дни, точнее смены (это ж завод), и выяснилось, что орёт кот по своей какой-то неведомой причине. Словно тоска у него смертельная в сердце.

– Да крыша поехала в фуре, пока он с Балакова ехал, – предположила молодая погрузчица Танечка. – Взаперти посиди несколько дней.

– Видела бы ты, как он выскочил, когда мы фуру-то открыли, – покивала Нина Сергеевна. – Настоящий чёрт из табакерки. И не слышал

водитель, что орёт. Или специально привёз нам. Чем-то кот ему не угодил.

– Скоро мы все взаперти будем сидеть по домам или дачам, – сообщил Вася.

В стране бушевала пандемия короновируса, завод вот-вот должен был встать до середины мая. Рабочим обещали заплатить две трети от среднего заработка, а дальше пятидневку сменить на четырёхдневку…

Ах, кот не знал, что цех собираются опечатать на три недели. Он уже начинал потихоньку обживаться, хоть и страдал, из-за чего, собственно, и орал. Права была Танечка, парень тронулся умом, пока ехал в фуре. Получилось так, что воспоминания прошлой Балаковской жизни у него закупорились, а новая действительность, которую теперь воспринимал вражеской, горела вокруг него бесконечными нервами.

Вася не смог изловить котяру, чтобы увезти подальше от цеха – ведь тот снова окажется взаперти.

– Я тебе корма оставлю, дураку, – объяснил он ему, когда была последняя смена до глухого закрытия цеха, – два с половиной килограмма!

Кот лежал в пыли под стеллажом и катал, поигрывая лапкой, мёртвого воробья.

– Мя-я-у! – с неменяющимися нотками сумасшествия выдавил кот. Воробей его явно не радовал. Как и Вася, и его сухой корм.

– Я сделал для тебя всё, что мог. Может, ещё увидимся.

Цех опечатали, кот не сразу понял, что людей больше нет. Ночами же обычно было тихо.

И вот наступила очередная ночь, но она почему-то затянулась. В верхних окошках было или темно, или тусклый (дневной) свет. Кот бродил, орал, грыз оставленный Васей корм (его Вася раскидал по всему цеху), и однажды вдруг понял: наступило что-то, действительно, страшное, теперь он уже заперт не в фуре, а в большей по площади тюрьме. Осознавав свалившееся горе, он лёг на живот и заплакал.

Все импульсы-мысли перемешались в кошачьей голове. Так он ещё никогда не страдал. Даже когда его в прошлом чуть не загрызли собаки, и он шипел на них с ветки дерева, это по сравнению с нынешнем состоянием было мелочью.

Но вот страдание дошло до самого дна кошачьих чувств, он уже вообще перестал что-либо соображать, – решил ситуацию инстинкт самосохранения, который был в него заложен на такие случаи создателем.

Кот встал на лапки и понюхал ночь. Повертел головой, уши стали правильно ходить по сторонам. Секунда – и он сорвался с места, поскакал.

Одно окошко оказалось незакрытым, звуки улицы услышали чуткие уши. Там был день и он манил. Кот действовал умно, прыгал и карабкался по пути движения к цели, благо было много удобных выступов железной конструкции стены.

Высунув мордочку в окошко, он не смог понять расстояние до земли. Пришлось взлететь наугад, но кот чувствовал, что прыгал правильно. Импульсы-мысли следовали друг за другом последовательно.

Котяра перевернулся один раз в воздухе и спружинил на мягкую травку вниз лапками. Он дрогнул чёрным телом, и в голове всё уложилось как надо. Кот снова был здоров и активен к действию.

Некоторое время он бежал по полю, даже наступил мышке на хвостик, хотел, было, её догнать, но услышал голос человека:

– Опять этот проклятый кот!

Кот оглянулся. Два человека-самца в синих костюмах (охранники) смотрели на него. Один, молодой, злился:

– Кристинка его гоняла, но он, блин, бегает – не догонишь. Моя воля, я б его пристрелил!

– Что он тебе сделал? – спросил второй, старый. – Пускай бегает, животина!

– Не пускай. Не пущу. Он чёрный и орёт. Значит, несёт проклятье.

– Чушь. Собачья. – Закуривает старый.

– Кошачья. – Молодой уходит за угол.

Кот внимательно глядит на доброго старого.

– Чё глядишь? – усмехается старый. – Беги. Щас Диман тебе Кристинку приведёт!

Кто такая Кристинка и что будет, кот не понимал. Но почуял угрозу.

И вдруг из-за угла выскочила злая огромная и вонючая псина. Этих собачей кот всегда чувствует за версту. Они ленивые и подлые, мыться не любят, а живут, чтобы всех ненавидеть и кусать.

– Кристина, фас! – скомандовал вышедший за ней молодой охранник.

Кристина кинулась к коту, у кота шерсть дыбом, но он сумел сорваться с места и побёг рваными кругами.

– Не догонит, – махнул на неё рукой старый охранник и сморкнулся с помощью пальца в траву.

– Догонит, я её полсмены зверю! – радовался молодой.

– А почему ты её Кристиной назвал, кстати? Давно хочу спросить.

– В честь моей бывшей, – ответил молодой и хохотнул. – Такая же сука.

А кот и собака неслись по полям. Кристине мешал постоянно вырывающийся из пасти лай.

«Вот дура-то!», – думал кот, высматривая позицию на спасение. Так, это заброшенное здание подойдёт. Он юркнул мимо покосившейся полувековой деревянной двери. Собака за ним.

Кот поскакал по лестницам наверх, преследовательница не отстаёт. На втором этаже много провалов в полу. Около одного широкого провала черный кот притормозил, обернулся, зашипел, задыбил шерстью. Кристина бросилась на него. Кот ушёл в бок, успев дернуть собачью мокрую мордку. Кристина взвыла и сиганула в дыру, не смогла правильно сгруппироваться и со всего размаху ударилась об первый этаж…

Кот выбежал с другой стороны здания и поскакал по полям. Убежав довольно далеко, он принялся охотиться. А мышей здесь было вдоволь. Охотник он был редкостный. Поймал мышь, сожрал её, захотел пить.

Ближе к вечеру он забежал в какое-то оставленное людьми здание. Он чувствовал, что здесь есть вода. Чуял нежную мокрость, исходящую изнутри здания.

Кот прибавил ходу и вдруг наткнулся на другого кота. Вернее, почти ещё котёнка, рыже-белого – тот отскочил от него, как ошпаренный. Стоит и дрожит.

– Мя-у! – протянул чёрный кот, что означало: «Ты один?»

– Мяя… – невинно ответил котёнок, что означало: «Там моя мама». Он показал мордочкой в комнату.

Кот поскакал в комнату, которая оказалась большим заводским туалетом. На одной железной раковине сидела взрослая рыжая кошка и подставляла розовый язычок под капающие из крана капельки воды.

«Рыжая женщина, – мелькнуло в голове у чёрного кота. – Красивая!»

– Мур, – сказал он, что означало: «Привет, рыжуля. Дай, что ли, и мне глотнуть!»

– Мур-мур, – заинтересовалась рыжуля. Он показался ей, хоть и был чернее самого дьявола, настоящим кавалером.

Он прыгнул на раковину, и они потрогали друг друга мордочками. А она не выдержала и потёрлась ему за ухом. Он от удовольствия нежно замурчал. И когда их взгляды встретились, оба поняли, что это любовь.

МИХАЛЫЧ – ГОЛОС ПОКОЛЕНИЯ

Михалыч из нашего дома – голос своего поколения. Два года на пенсии в самоизоляции. С утра с жуткой похмелуги выходит босой, в трениках и грязной майке, и орёт на всю округу. То на проходящего кота, то на соседку Степановну: как его душа захочет выразиться в творческом порыве.

И босой, заспанный, идёт переулком знакомым в магазин, там опохмел всегда имеется. А когда-то был уважаемый на производстве человек, логист со стажем.

В дни трезвости и скуки Михалыч просто сидит дома, больше лежит на диванчике, щёлкает пультом сотни телеканалов, думает о судьбине родины, ругает власть, вспоминая милое советское время. Жену терпит, а та его старается не замечать, но периодически она придумывает задания съездить ему на машине туда-сюда.

Дачи у них нет. Вечерами Михалыч выгуливает пуделя Дружка, который тоже, как и его хозяин, ненавидит котов. На выгуле пёс бежит, без конца гавкает. Кстати, похоже, что Михалыч даже сильнее ненавидит кошачих, он более беспощаден.

Когда Михалыч с тоски напивается так, что шатается по двору и вообще невменяем, то лучше на его пути не вставать. Вот он гонялся за чёрным котом, а соседка Степановна пыталась защитить животное. Тогда он послал её в опу, а она вызвала полицию.

Плохо для Степановны то, что отрезвев, Михалыч не помнит, что оскорблял её. Трезвый он может быть с ней милый и даже перекидываться по-приятельски о последних новостях и будущей погоде.

Степановна – тоже голос их с Михалычем поколения, но у неё он слабее, не такой ужасающий как в пьяной осатанелости бывшего логиста.

МЕСТЬ ШЕРИФУ БИЛЛУ ДЬЯМОНДУ

Шериф Билл Дьямонд курил на крыльце своего дома. Сегодня было воскресенье, и жена Марта нажарила картофельных лепёшек, его любимых.

Жирноватый запах приятно щёкотал ноздри. Уже немолодой, пятидесяти шестилетний шериф, прекрасно выглядел: ежедневно упражняясь с гантелями и на турнике, он любил походить по дому в одних

плавках. Марта часто радостно обнимала его накаченное крепкое тело – и они часами занимались любовью.

В это утро Билл ещё не упражнялся ни с гантелями, ни с Мартой, а просто пока хотел поесть вкусных жирных лепёшек с густым томатным кетчупом, который ему прислал друг из Боливии Хуан Альварес Кабальерро. Он курил на улице.

Но внезапно шериф услышал крик Марты с кухни. Быстрым движением руки он выбросил окурок и достал револьвер.

– Быстрее сюда, Билл! – голосила бедняжка, но муж, умудрённый шерифским опытом, не тропился бежать. Он припал к траве и крался как мышь до угла дома. Вот и распахнутое окно кухни. Шериф слышал какую-то возню и собачье поскуливание, горестные всхлипы жены…

Он сгруппировался и резко выглянул. То, что он увидел, повергло его в шок, близкий к окончательному помешательству.

В кухне, среди поваленного, переломленного надвое стола, разбросанных стульев дёргалась в конвульсиях его собачка – мопс по происхождению – Венера, из её тоже подёргивающейся пасти ручьями текли красные слюни.

Да, любимая собака шерифа Дьямонда была прострелена какими-то подлыми недоброжелателями.

Марта сидела рядом и плакала. Вокруг валялись многочисленные лепёшки.

– Кто это сделал? – еле выговорил муж Билл.

– Не… не знаю…

И тут шериф заметил, как неподалёку их толстый котяра Фил страстно вылизывал себе зад, несмотря на трагедию, разразившуюся в их семье.

– У, гнусное создание! – крикнул шериф. Одновременно и кот, и Марта ошеломлённо посмотрели на разгневанного хозяина. Билл не любил кота, поэтому он прицелился и выстрелил, но кот убежал.

– Когда-нибудь я обязательно попаду, – хмуро, но уже с примирением, заметил шериф, поправив свою шерифскую звезду.

– Ты всегда ненавидел Фила! – с отчаянием взвизгнула Марта.

– Я всегда любил мою Венеру, а он посмеялся над её смертью.

– Как ты это интересно определил?

– Я заметил, как он ухмылялся, видя распростёртое тело собаки.

И шериф вышел вон.

Ему предстояло найти недоброжелателей.

Мария ЧЕНЦОВА

В электричке

На фразе «Следующая остановка «Серп и молот», двери закрываются!», в вагон вбежала молодая женщина. Через мгновение электричка тронулась, и как в замедленной съемке побежали вагоны, стоящие на противоположных путях, торговые киоски, спешащие люди. Балашихинская электричка отправилась в обратный путь, оставляя за собой все, к чему стремилась двадцать минут назад.

Девушка, тяжело дыша, поправляла светлые волосы. Она шла по вагону и не замечала ни запыленный пол, ни пустые бутылки, ни глухой говор пассажиров.

Дойдя до середины вагона, она отыскала нужного человека. Он сидел в конце вагона спиной к движению и читал книгу. Он не замечал ее – он перестал уже ждать. Его взгляд уставился в книгу, а губы беззвучно шевелились.

Она подошла к скамье и села напротив него. Он все еще читал.

– Думал, я не успею? – начала она. Он оторвался от книги через несколько секунд после ее слов. – Если ты меня уже не ждешь, то могу поехать в другом вагоне, – продолжила она.

Он мягко улыбнулся, потянувшись к ней привычным движением, чтобы обнять.

– У тебя усталые глаза. Сядь ко мне поближе – я соскучился. Тебя никто из знакомых не видел? А твой законный, он не скоро вернется? – спросил он.

– А, ты о «преследователях»? Да все чисто. Я становлюсь настоящей шпионкой. К вагону кидаюсь не сразу – сначала постою в сторонке. Оглянусь вокруг, пропущу всех знакомых, а только потом, почти на последней минуте забегаю в вагон. И потом, в первом никто из наших соседей и знакомых не ездит. А муж приедет на следующей электричке – на работе задерживается.

Он видел, что она расслабилась, оттаяла от дня, проведенного в офисе. Он не стал обнимать ее, а только придвинулся поближе к ней, оставаясь сидеть напротив, и взял ее руку.

– Большой пальчик, указательный, средний, безымянный, мизинец… Так приговаривала моя мама, когда я был маленький. У тебя такая рука беззащитная.

Ее не тронутая загаром рука покорно лежала в его сильно загорелой руке.

Несколько минут ехали молча. Вагон электрички мерно подрагивал, колеса метрономом отстукивали секунды. Молодой человек, не выпуская руку девушки, с задумчивым видом смотрел в окно.

Привычный пейзаж, который он наблюдал два раза в день пять или шесть раз в неделю, казался ему символом постоянства. Вот не будь его и все – жизнь бы растрескалась, развалилась бы. Сначала он бы впал в уныние, а потом постепенно стал привыкать к новой, как ему казалось, незнакомой жизни. В это время он походил на разбитую им в детстве сахарницу. В восьмилетнем возрасте он потянулся за сахарницей, а она выскользнула, упала на пол и с глухо раскололась на несколько крупных кусков. Он собрал их и положил в последний ящик письменного стола. Долго не мог признаться матери. Он знал, что сахарница была ей дорога как память о ее отце. Деда уже не было, а трофейная сахарница, вывезенная из Германии, была жива. Как мог он склеил вещицу, но так неумело, что в швах осталось много клея, который напоминал о неуклюжих движениях, о его неловкости и грустном выражении маминых глаз.

Отбросив воспоминания, как мешающий в ботинке камешек, он повернулся и пристально посмотрел на девушку. А она рассеянно смотрела сквозь него. Ее серо-голубые глаза застыли словно два миндалевидных кусочка льда. Еще чуть-чуть и его воображение начнет дорисовать иней на ее ресницах. Но через мгновение ее холодность исчезла, в ее глазах появилась привычная для него теплота.

– Как день прошел? – спросил он.

– Квартальные отчеты – спешка, все на нервах. Представляешь, Коля, коллега, спросил сегодня: «А что ты будешь делать, если твоего мужа в тюрьму посадят?». Согласись, добрый парень! Но он всегда с причудами! Я в этот момент несла чашку с кофе и чуть не выпустила ее из рук. Дошла до стола, осторожно поставила ее и только потом ответила: «Отдохнем друг от друга. А Сашка допишет свой нескончаемый роман. А то все прикрывается тем, что кропает тексты про экономику и вдохновение для «сокровенного» все не приходит. Может он второй Уайльд или О*Генри? Времени там – хоть отбавляй, никто тебя не дергает, не мешает писать».

– Циничный вы народ, финансисты, как хирурги, – сказал он. – А может ему стоит уехать в монастырь? Тоже уединение, и совершать ничего незаконного не надо. Тишь там, благодать. В келье посиживаешь и романы пописываешь.

– А как твой английский? Преодолел языковой барьер? Вы же с Маркизой вместе ходите? – спросила она с легкой улыбкой на тонких губах.

– И когда тебе надоест называть так мою жену? Да, вместе ходим. Представляешь, она предложила один день в неделю говорить только по-английски. И в прошлую субботу у нас был «английский» день. Вот был настоящий отдых – дальше слов «привет-пока» и «как тебя зовут» мы не продвинулась. День тишины! Если так изучать язык – так я согласен. Правда, к середине дня Оля начала проявлять активность и с помощью словаря начала выстраивать фразы посложнее, чем «как у тебя дела?». Но я делал вид, что не понимаю ее, и прикрывался соответствующей фразой. К вечеру ее словарный багаж, как я потом уже узнал, расширился до слов «мерзавец», «подлец», «лентяй». На них я реагировал широкой улыбкой. Она злилась, а я, не обращая на нее внимания, занимался своими делами, – быстро, скороговоркой произнес он.

– А ты его действительно не знаешь? – спросила она, и иронично улыбнулась.

– Когда-то я его действительно знал неплохо. Я помню учительницу по-английскому – копна светлых волос, бирюзовые сережки, как васильки, спрятавшиеся во ржи. Ее стройные ноги, которые она не прятала под длинными юбками…Вот для нее я и изучал язык. Глупый такой – думал, что когда-нибудь поедим с ней в Англию и будем говорить, говорить, говорить только по-английски. Дурак был. Молчание больше скажет, чем слова…Что в прошлом копаться? – он замолчал, а в его глазах затаилась грусть.

Она незаметно высвободила руку. Словно в первый раз она оглядела его крепко сбитую фигуру, темно-русые волосы до плеч, грустно-насмешливую улыбку. Ворот его рубашки был расстегнут, и она не могла отвести взгляд от его сильной, тронутой загаром шеи. Но, несмотря на силу, исходящую от него, ей захотелось прижать его к себе и утешить как маленького мальчика.

– А мне нравится копаться в прошлом! Как же дальше жить, если бы у нас не было прошлого? Я вот как с Сашкой поругаюсь, то начинаю вспоминать как шесть лет назад мы только-только познакомились, и он часто дарил цветы. До сих пор помню: в понедельник он дарил гвоздики, в среду розы, в пятницу – хризантемы. И ни разу не изменял очередность. Никогда. А цветы закончились, после того, как начали жить вместе. Так вот, я останавливаюсь на том отрезке нашей жизни, когда цветы еще были, – ответила девушка и скрестила руки на груди.

– Не закрывайся, пожалуйста…Давай лучше про нас… Я знаю, что тебе не нравится, но я настаиваю, чтобы мы побросали свои вторые половины и стали жить вместе. А то мне уже кажется, что настоящая жизнь – это поездка в электричке. Едешь, едешь… И никак никуда не прибудешь. Мы с тобой знакомы уже две недели, а у нас только поездки. А в будущем изредка быстрый секс в номерах гостиницы. От скорости я когда-нибудь сойду с ума. Я бы медленно, медленно раздевал тебя – сначала отколол заколки с твоих пепельных волос. Я даже представляю – ты сидишь на диване или в кресле, а я не спеша подхожу и еле-еле дотрагиваясь, вынимаю заколку, – сказал он и мечтательно зажмурился.

– Мне бы в это время не заснуть. Но что-то в этом есть– точно чувствуешь все, что происходит с тобой; на тебя наваливается тяжесть осознания каждой минуты, ты – бабочка, которую пришпилили булавкой, – добавила она и тут же изменила позу и распустила руки. Она взъерошила ему волосы, и от этого непосредственного движения ему стало легче.

– Иногда ты мне напоминаешь недоверчивого зверька, который чуть что – готов спрятаться в норку. Только ты была весела и радостна, а через мгновение твоя улыбка потухает, взгляд уходит в себя. А через какое-то время мордочка зверька опять показалась из норки. Вот уже вылез нос, два хитрых глаза, вот уже и проворные лапки выкарабкиваются на свет божий, – сказал он и улыбнулся.

Незаметно взгляд ее потеплел, и ей захотелось сказать молодому человеку что-то хорошее, но оно пока не оформилось в слова. И поэтому она просто пересела поближе к нему и обняла его за шею. Она положила ему голову на плечо, потом уткнулась носом в шею и ощутила такой знакомый запах.

– Мы с тобой знакомы больше двух недель, а кажется, что прошло несколько лет. С тобой я могу быть слабой, мне не нужно придумывать как себя вести, доказывать, что я чего-то стою, – сказала она. С этими словами она прилегла на скамейку и положила голову ему на колени. Скамейка не казалась ей жесткой. Она вглядывалась в Вовино лицо, и с этого ракурса оно показалось ей беззащитно-ребяческим. Испуг на его лице сменился недоумением, потом надеждой, и снова возвращался испуг.

– Ты решилась уйти от него? Да? – спросил он и даже растерялся.

– Ну… Наверное нет. Нет. Давай оставим все как есть. Давай будем жить этими мгновениями, дорогой от Курского вокзала до Балашихи, – ответила она.

– Я…я так больше не могу. Я так долго ждал тебя. Последние несколько лет я жил как робот: вставал, принимал душ, шел на работу,

возвращался вечером домой. Я хотел отдохнуть, а вместо этого слышал от жены, что я «лентяй, бездельник и рохля». По-английски эти слова звучат как птичий клекот, особенно если не владеешь языком. А я стараюсь забыть английские слова, чтобы не знать, не знать, не знать, что она говорит в английские дни. Я бы и русский забыл. Иногда я завидую рыбам – они живут в тишине, тине и покое. «Почему так мало зарабатываешь? Прибей вешалку. Сходи за хлебом. Что за глупая усмешка?». Мы живем несколько лет в отдельной квартире и уже перестали ютиться по коммуналкам. А она живет как будто в прошлом, все еще ругаясь с соседями по квартире, – задыхаясь, сказал он и стал смотреть в окно.

Остановились на станции «Новогиреево». Экватор. После этой станции время шло быстрее, и молодой человек хотел задержать его. Он бы схватил ее в охапку и выбежал из вагона. И они бы целый час не расставались. А ожидание следующей электрички сблизило бы их.

– А ты помнишь, какого цвета глаза у твоей жены? – грустно спросила она.

Встав со скамьи, она снова села напротив него. Ее руки бессильно лежали на коленях. Только левая теребила обручальное кольцо.

– Не помню. Странно, наверное. Хотя постой – они похожи на твои. Точно. Голубовато-льдистые. Только у тебя бывают доверчивыми и добрыми. А у нее почти всегда колючие. Иногда мне кажется, что она сверлит ими, сверлит. Хочет дырку проделать во мне и выведать все-все про меня.

– А может, она одинока? Может ей плохо, что ее не замечают? – сказала она.

– Только не говори, что ты ее жалеешь. Ее только пожалей, она сразу же воспользуется твоей слабостью. И потом, не переводи тему. Ты не хочешь уходить от него? Что он для тебя, что я?

– Он, ты… Я еду сейчас, и мне свободно и легко. Ты – свобода. Сорокаминутная свобода, и её мне вполне хватает. Безграничная свобода – разве она бывает? Вряд ли. Мы станем жить вместе, и она закончится. Начнется каждодневная рутина, и ты тоже забудешь какого цвета у меня глаза. А без мужа я никто. Без него я боюсь жить. Мне кажется, что я ничего не добьюсь. Иногда я просыпаюсь ночью, смотрю на его сонное спокойное лицо, и мне становится страшно. Я его боюсь, но не могу жить без его присмотра. Глупо получается, я знаю. Ведь если есть свобода, то больше ничего и не надо. Но я как представлю, что мне надо будет привыкать к человеку: узнавать, что он ест на завтрак, сживаться с его привычками, то хочется оставить все как есть. С вами обоими у меня есть все – и ощущение свободы и привычное настоящее.

– Да в чем же свобода? Нет её, и никогда не было, – сказал он.

– Есть, есть. Хотя бы чуть-чуть. В безграничную я не верю. Помнишь, на той неделе я рассказала один случай. Мой дядя, мамин брат, рано умер – в сорок пять лет. Мне тогда было лет четырнадцать. И мама после его смерти закурила, и закурила прилично. Иногда в выходные по пачке в день выкуривала. Летом она травилась на балконе, а зимой в туалете. А мне так не нравилось, что она курит. Отвращение вызывало. Так я с нее стала брать деньги, за то, что она «отравляет» воздух. И она платила «дань». А потом я начала просто так брать у нее из сумки деньги. Я до сих пор помню тот страх, с которым я вытаскивала купюры. В кошельке старалась расположить «разноцветные фантики» так, чтобы пропажу не заметили. Ей я так и не смогла признаться, а вот тебе – не стыдно. Я знаю, что ты примешь меня такой, какая я есть.

– Я тогда ничего не сказал. Просто промолчал, – нехотя сказал он.

– Я чувствую, что ты полюбил меня «черненькой».

– Но мне всегда нравились блондинки, – усмехнулся он.

– Слушай, я придумала: давай в субботу сядем в электричку и будем ездить туда-сюда целый день. Вот это свобода…, – быстро переключилась она.

– Лучше в номера, – сказал он. Он смотрел на ее ноги, затянутые в светлые колготки (дань неумолимому дресскоду), на черную юбку до колен, пересчитал пуговицы на белой блузке. Прямо как пионерка. Красного галстука не хватает. Да, и белые гольфы еще, и громадные банты в волосах. За эти две недели, что они знакомы, он мысленно переспал с ней много раз. Он хотел ее, но не торопил события. Однажды, идя по улице, он увидел заматерелого черного кота, который гнался за неопытной молодой кошкой. «Бегемот» уже почти настиг ее, но трехцветка вскарабкалась на дерево, устроилась на одной из ветвей и смотрела вниз. Котяра сделал попытку залезть к ней, и даже долез до середины ствола, но видать передумал и спустился обратно вниз. Он черным островом улегся в пыльной траве и с безразличным видом стал поджидать глупую киску. Пятнистая посидела-посидела в своем убежище и потихоньку стала спускаться с дерева.

Он как тот кот ждал, когда она сама сорвется. И тут ему стало безразлично, уйдет она от мужа или нет. Есть электричка, она, и их сорок минут. Вот они сейчас доедут до конечной и расстанутся до завтра, а может быть и до послезавтра. И придет день, когда она так взглянет на него, что он молча возьмет ее за руку, они отыщут гостиницу, снимут номер и там будет все-все-все.

Уже отъехали от «Горенок», последней станции перед «Балашихой». Через минуту конечная станция, и многие стараются быстрее пробиться к выходу. Молодой человек стоял среди других пассажиров в тамбуре, а девушка оставалась сидеть на скамейке. Она уткнулась в окно и смотрела на красно-оранжевое солнце. Оно пылало и обещало на завтра хорошую погоду.

Дверь была закрыта только на один замок – муж был уже дома. Войдя, ее окутала угнетающая тишина. Она прошла в свою комнату. Присела на диван, тут же встала, прошла к соседней комнате и постучала. Услышав рассеянное «Войдите!», она вошла.

– Значит, английский ты когда-то знал неплохо? Васильки во ржи, да? – сказала она. Она подошла к нему совсем близко и зло посмотрела. – Рожь помнишь, а цвет моих глаз нет? Она отвернулась от него, отошла к окну и стала смотреть вниз.

– Большой пальчик, указательный…. Оля, опять у нас не вышло, да? Что же мы скажем завтра на приеме у Веры Петровны? Ей уже надоело нас мирить, искать путь. Скоро начнет смеяться над нами. Да и мне уже смешно, – грустно сказал Саша.

Он тронул Олю за плечо, потом наклонился к ней, подул в шею, и, подведя к дивану, усадил. Заглянув в глаза, начал медленно вынимать из волос заколки. Незаметно они оказались на столе рядом с диваном. Она не двигалась, пристально наблюдая за ним. В ее глазах он прочитал испуг. «Если хочешь, можешь кричать: «Караул!». Давай вместе? Раз, два…», сказал он. Оба молчали. Его пальцы умело стали расстегивать пуговицы блузки. Он считал: «Одна, вторая, третья…». Ольга как завороженная следила за его движениями. Его рука потянулась к молнии на юбке, но, пройдя половину пути, остановилась. Он начал одевать ее в обратном порядке. Заколки снова уютно устроились у нее в волосах. Но ему что-то не понравилось, и он переколол их.

Слава ТРОШИН

Конец июля

Начало июля в Самаре – это Грушинский фестиваль. Социолог Сергей Новиков, выпускник самарского университета живёт от Грушинского до Грушинского. Он приехал из провинциального города учиться в Самару. Сокурсники – самарчане пригласили, расхваливали фестиваль,

поехали, там хорошо. Сергей поехал и с тех пор не пропускал ни одного Грушинского, да, там хорошо.

А на кухне, на гвоздике после зимнего участия вымпел «Лыжня России 2020» от 9 февраля. Казалось бы всё хорошо, февраль.

Когда же это началось? В конце марта в стране, которую один современный отечественный назвал «терра тартара» произошел затяжной удушающий борцовский прием. А вот хорошо наверно было бы, если страной управляла бы кухарка: все были бы сыты, накормлены…

В конце марта Сергей пришёл в физкультурно-оздоровительный центр: бассейн был закрыт в связи провозглашённой недавно «эпидемией» не то гриппа, не то холерины. Чуть позже закрыли тренажерный зал и в конце концов заперли двери в оздоровительное учреждение сроком на 3-4 месяца.

Неимоверное количество пивнушек, заполнивших в последние годы все углы и перекрёстки всех населённых пунктов страны во время так называемого «карантина» ни закрывались ни на один день. Пивом, казалось, торговали с усиленным азартом.

В конце апреля обычно запускали речной транспорт. Многолетний ритм жизни с весенней отправкой в деревню был нарушен в 2020 отменой речного сообщения больше чем на месяц

С первым теплоходом Сергей прибыл в деревню. Замочные петли и замок в сени были разломаны. Замок в избушку тоже разрушен. Пропали электроудлинитель и монтировка. Обращаться в милицию «дачник», как презрительно называют местные таких как Сергей не стал потому, что несколько лет назад избушка уже была обворована. В тот раз милиция постучалась в двери городской квартиры сама, сказали: ваша избушка обворована, преступники пойманы. Вещей милиция не вернула, а только получала сергеевых родителей, названивая и принуждая пожилых людей явиться на допрос в казённый дом, а его самого принуждали ехать из родного города в далёкий деревенский районный центр на допрос за свой счёт, кроме пропавших вещей пропали и деньги на эти разъезды, которые милиция обещала возместить, но не возместила.

Сергей посадил огурцы, укроп и пр., Починил дверные замочные петли, купил новые замки, ещё несколько раз приезжал в деревню, вроде всё наладилось и вот в конце июля сойдя на берег и дойдя с баулами до дома, он снова увидел разрушенные замки, а на дворе не 1918 год, не 1937, 1995, а таки 2020.

Сергей почувствовал себя плохо. «Так вот как «коронавирус» убивает людей, разрушая ломами замки в домах»– подумал. Захотелось какого-то человеческого участия, сочувствия. В милицию звонить нельзя,

судя по прошлогоднему опыту. Решил набрать на своём смартфоне, который уже 3 месяца был без сим-карты и с нулевым балансом, номер «112», экстренный вызов, рассказал о случившемся, закончив разговор, зачерпнул ложку салата и стал жевать, неожиданно раздался звонок (ну другой, второй телефон – простую «мыльницу») возбуждённый женский голос. Как быстро? – удивился Сергей, ложку салата не успел съесть. На том конце сообщил , что «к вам приедут» и повесили трубку, Сергей не успел и слова сказать. Через минуту набирает номер, с которого звонили, чтобы сказать, что не надо приезжать, а просто прекратите эти безобразия и верните вещи. Ответа не последовало, абонент не абонент, тишина. Странно, по ТВ обычно показывают, что у преступников такие методы – сразу недоступны.

Но у сотрудников этих, вероятно и нет такой задачи – прекратить безобразия.

Вскоре приехала на двух машинах милиция (разумеется, это была местная, потомственно-наследственная милиция, а никакая ни полиция). Лузгая семечки, покуривая и сквернословя в телефоны быстро навели порядок, а именно: говорят Сергею: вот подписывай этот нами сочинённый текст: что ничего не пропало, а ты сам, растяпа, покопавшись, нашёл всё потерянное, что никакие замки и петли не сломаны и просишь, дубинушка, никаких расследований не проводить. А не подпишешь, говорят, мы тебя заставим в далёкий районный центр на допросы ездить за твои деньги, помнишь, наверно, как это было несколько лет назад. И храбро уехали прочь на купленных на наши с вами деньги машинах, сжигая купленный на сами знаете на чьи деньги, бензин.

В начале июля Сергей не мог поверить объявлениям, что Грушинского фестиваля в 2020 году не будет. Пока своими глазами не увижу, не поверю. Поехал, сошёл с электрички, пошёл в нужном направлении, на лесной дороге остановился, осознав, что вокруг много и громкоголосое птичье пение, хорошо, что птицам не запретили петь. Одна птица размером со скворца гневно кричала, вероятно, прогоняя человека, человек понял и двинулся дальше. Подойдя к месту, с которого открывался вид на Грушинскую долину, человек увидел, что вся долина пуста… Пуста в первые выходные июля. Неподалёку показалось несколько человек-травников, местные жители. И говорят они, что несколько дней назад отдыхали люди в палатках здесь, то же, наверно, не поверили, что Грушинского не будет. Подошли к ним какие-то незнакомцы, говорят: чтоб завтра в 6 утра здесь никого не было, опасно, мол здесь на свежем воздухе, отправляйтесь-ка вы в многоярусные бетонные коробки человейника, «не выходи из комнаты», мол. Никто, конечно, не ушёл. Тогда

утром эти незнакомцы, другим словом «они», стали рушить и громить палатки, чтобы «крылья сложили палатки, их кончен полёт» чтоб. Всех прогнали.

Вот такая весна, такое лето. В начале июля отменили любимый фестиваль, а в конце месяца крайне неприятная встреча с милицией. После отъезда четырёх милицейских «храбрецов» Сергей пошёл купаться на реку. Возле одного дома чёрная курица бросилась из под ног, сцапала вишенку из тех, что осыпалась возле забора и побежала довольно быстро наутёк с добычей, зажатой в клюве, классически переваливаясь с боку на бок.

Анна МУРАШОВА

Он пришел, чтобы увидеть море

Море… Что таят его синие просторы? О чём шепчут волны? О чём поют его глубины?

На данный момент Мировой океан изучен только на пять процентов. У нас не получается пробиться сквозь толщу воду, но мы постоянно стремимся в небеса. К звездным светилам и дальним планетам, забывая о том, что большая, неизведанная Вселенная находится здесь – на Земле.

Марк всегда любил море, хотя раньше видел его лишь на картинках.

Его родители раза два отдыхали на теплых песчаных берегах, но ещё до рождения сына. Когда он появился на свет – им стало не до приключений и пляжей, но воспоминания о тех днях сохранились на долгие годы. Они камушками, ракушками, большими раковинами и скляночками с разным песком лежали на слишком высокой для ребёнка витрине.

Марку как-то сказали, что там находятся очень хрупкие вещи и запретили их трогать. Он, будучи ещё совсем маленьким, но очень любопытным, сдерживался целых два часа. Затем отец ушел на работу, а мама прилегла отдохнуть. Мальчик сразу же пошёл на кухню и кое-как притащил оттуда большую тяжелую табуретку. Она была старая и жутко шаталась… Но Марка тогда это всё, конечно, не остановило.

Уже в возрасте пяти лет мальчик был не из робкого десятка. Он открыл сервант и достал оттуда самую яркую, переливающуюся всеми цветами радуги, раковину. Она была причудливой формы – закругленная непонятным зигзагом. Эта хрупкая вещь казалась ему невероятно красивой и загадочной. Именно этот выбор определил его будущее.

Марк вертел её, крутил во все стороны, пытаясь разгадать секрет, который и манил его к себе с невероятной силой. Приложив случайно раковину к уху – мальчик нашёл ответ, но пропал сам. Влюбился. На всю жизнь влюбился. Точнее, был приговорен к любви без какого-либо права на апелляцию.

Стоило родителям уйти, как мальчик устремлялся к серванту, доставал раковину и прикладывал её к уху, слушая тихий, мелодичный голос моря. Ему всегда казалось, что оно зовет его куда-то к себе, далеко-далеко. Туда, где ещё никто никогда не бывал.

Море тянулось красной нитью через всю его жизнь. Школа и множество различных атласов, книги о морских путешествиях. Университет, истории и море. Море, сходящее с экранов мониторов. Он мечтал, он жил ради него. Но жизнь вдавила его в песок, не дав дойти до спасительных волн.

Авария, родители, болезнь, проваленные экзамены... Вечные крики и ссоры. Работа и деньги, деньги, деньги... Их никогда ни на что не хватало. Всё разом навалилось на него.

На долгое время море исчезло. Но не растворилось. Просто спряталось за ширмой каждодневной рутины и одинаковых дней. За конфликтами с начальством и криками родителей и жены... Марк пытался выбраться, но каждый день задыхался. Он не мог перестать любить. Он не мог просто бросить. Но так было надо. Этого требовали от него все. Его жизнь была лоскутным одеялом, готовым разорваться на сотню маленьких кусочков.

Море съежилось до размера лужицы на дороге. Потерялось среди тысячи мыслей и вороха счетов.Однажды, все закончилось. Он ничего не смог добиться. Потерял самого себя и смысл жить. Каждый день Марк просыпался с одними и теми же мыслями: «Почему? Почему я жив? Почему не их смог спасти? Я ничтожество. Самое настоящее ничтожество! Я должен был найти… Должен был сделать что-то… Я подвел их. Я недостоин! Недостоин был их любви».

Снова и снова. Раз за разом по проклятому кругу тянулись мысли. Только звучали они всегда по-новому.

Всё больше и больше думал он о высоких крышах, кухонных ножах и шкафчике над раковиной в ванной комнате. Марк старался найти что-то хорошее в своей жизни, но его неудача, самая страшная неудача, перекрывала всё остальное. Весь мир стал серым. Пустым и бессмысленным. Вокруг были лишь осколки того, что некогда было прекрасным.

Никто не мог быть рядом с ним долго. Казалось, он стал чёрной дырой, что засасывает всех остальных так глубоко, что выбраться оттуда людям вокруг становится невозможно. Жена его бросила, хлопнув напоследок дверью. Это стало последней каплей.

Он пришел попрощаться. Марк ничего у них не трогал: шкаф с вещами матери, старый ящик инструментов отца, которыми давно перестал пользоваться еще до... Еще до... Всё осталось на своих местах.

Марк ходил от полки к полке, вспоминая и запоминая. Он хотел уйти, держа их в голове. Боялся потеряться. Боялся уйти без них. Боялся, что останется один. Но больше не мог так жить.Это были его последние шаги вперед. Он был готов пройти их. Но путь преградила витрина. Старая пыльная витрина, которую когда-то давно открывала маленькая детская ручка. Марку на долю секунды показалось, что след её отпечатался в пыли на дверце, но этого не могло быть. Его мать всегда следила за чистотой, пока могла.

Аккуратно, как будто никогда не был пятилетним ребенком на шатающемся табурете, он взял с витрины раковину. Такую маленькую и хрупкую, какой Марк никогда её не видел. С тех пор она сильно изменилась. Краски её потускнели, став лишь своей бледной тенью. Всё давно потеряло свой смысл и цвет. Всё исчезло. Особо ни на что не надеясь, Марк приложил раковину к уху.

Где-то в её глубине всё ещё звучало море. Оно осталось там. Оно всегда было там. Красная нить ещё не оборвалась.

Прошлого не изменить. Но как бы дальше всё не сложилось – он пришел, чтобы увидеть море.

Сергей ПИДЕНКО

ПОХОЖДЕНИЯ СТРЕМИТЕЛЬНОГО ДОМКРАТА

ПУТЕВЫЕ ЗАПИСКИ

МЕЧТА ИДИОТА

Увы, возраст берёт своё (хотя мне кажется, что моё). На 53-м году жизни я впервые пошёл на сплав по горным рекам, через год – купил собственный сплавной катамаран. Жена, собака и кот, встретив меня у калитки с объёмным тюком, многозначительно переглянулись и молча пошли к дому – о чём можно говорить со слабоумным? Даже ругать бесполезно: ты ему слово – он тебе блаженную улыбку в ответ: сбылась мечта идиота…

…Человеку не дано крыльев, чтобы он не забывал: по земле надо ходить, по воде… мгм… тоже надо ходить. Мой знакомый, в молодости служивший на военно-морской барже, не устаёт время от времени важно поднимать указательный палец и так же важно говорить: моряки по морю ходят, а плавает… сами знаете, что. Сто лет мы знакомы, и сто лет он поднимает указательный палец. В носу бы им поковырял, для разнообразия…

Так вот о крыльях, земле и воде. Эти сорок катамараньих килограмм к воде надо переть на себе по земле. Есть целое племя людей, которые делают это на своих авто, но я не отношусь к их числу. А что вы хотите от человека, который к 50 годам и дачей своей не обзавёлся, а предпочитает называться арендатором?!

Кажется, что весь Порт-Посёлок заинтересованно глядит, как покачивается на волжской волне мой катамаран. Нет! МОЙ КАТАМАРАН. Упругий корпус нетерпеливо подрагивает, обдуваемый ветром. Нагретая солнцем сине-серая кожа звеняще шуршит под моей ладонью…

Эй, команда, по местам! Жена, приятель и собака Дуська пытаются пристроиться. Чайники! *А зачем тут ремни – мешаются только?! Сиденья неудобные – ноги выше головы торчат. Как грести, если сбоку настил? Почему катамаран не движется – мы уже пять минут гребём? А кто нас с отмели столкнёт?* …У меня голова разболелась от их галдежа.

Ну, скажу я вам – Куйбышевское водохранилище, как его Жигулёвским морем ни называй, это не горная река. А катамаран – это не байдарка. М-да. Сначала становится ясно, что по стоячей воде вёслами

кат особо не разгонишь. Потом понимаешь, что стоячая вода – это у берега, на полста метров отойти – и течение очень даже есть. Причём, не туда, куда нам надо. Да ещё и ветер надутые баллоны корпуса за аэростат принял и бодро гонит вдаль… А вёслами против течения и ветра с этой слабосильной командой особо не выгребешь. На моё бодрое "И – раз! И – раз!" они только недоумённо переглядываются. Дуся взбодрилась было – она за меня всегда горой – но лапы у неё коротки грести. Эх!

В общем, поныряли мы с катамарана, поплавали вокруг, да и повернули к берегу. Парус нужен, понял я, нужен парус…

КАТАМАРАН ОБРЕТАЕТ ПАРУС

Мой сплавной катамаран обрел парус! В двух выходах проведены ходовые испытания пепелаца с латинским парусом под управлением известного море-, реко– и снегоплавателя Олега Крутских. Я – в качестве сопливого юнги, гребца, рулевого, такелажника, грузчика-носильщика и манекена для отрабатывания операций по спасению на воде.

Первый выход состоялся при свежем ветре и волнении на Жигулевском море, гордо оцениваемом нами как 4-5 балльный шторм (должны же мы на что-то списать сложности в управлении парусным судном). Были принесены необходимые воздаяния богам ветра и водной стихии (барбарисовая настойка вполне сгодилась), заодно испытаны в реальных условиях металлические 30-граммовые стаканчики, до этого прошедшие стендовую обкатку на Грушинском фестивале.

Испытания показали, что на веслах катамаран уверенно отходит от берега на расстояние до 200 м. (10 мин). За время установки паруса (2-3мин) катамаран ветром отгоняется на исходную позицию. Это позволило с уверенностью продолжить испытания, поскольку даже в случае полной невменяемос... – отставить! – неработоспособности экипажа кат гарантированно самоспасается и спасает экипаж при наличии последнего на борту.

Выяснено, что движению катамарана под парусом мешают: берег (оказывается со всех сторон), ветер (прибивает кат к берегу), вода (слишком мокрая), парус (слишком маленький или слишком большой в зависимости от ситуации, а также тяжелый и косой), шверцы* (мать их!..) и юнга-рулевой, ни хрена не понимающий в морских узлах, снастях, море, ветре, женщинах и жизни.

Капитан судна Олег Крутских вызывал у меня неизменное восхищение своим спокойствием, умением управлять парусным катамараном

в условиях, никак этому не благоприятствующих, способностью раскурить импровизированную трубку под ветром, брызгами волн и катамараном.

* Шверцы – это вертикальные крылья (плавники), препятствующие боковому сносу судна под ветер.

ХОДОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ ПРОДОЛЖАЮТСЯ

Через пару дней испытания были продолжены с тем же экипажем – Олег Крутских в качестве капитана, боцмана, вантового матроса, верховного жреца и эксперта-дегустатора гранатовой настойки, предназначенной богам водной и воздушной стихий. Я – в качестве сопливого юнги, рулевого, гребца, такелажника, грузчика, носильщика и – почтительного, но бестолкового ученика, а также лорда-хранителя Заветной Фляги. И обладателя указательного пальца, с помощью которого, как дипломированный метеоролог, определял – откуда, куда, с какой силой и на хрена дует ветер.

Испытания показали, что парус на катамаране есть, весло вполне эффективно можно использовать в качестве руля (зачем платить больше?), против ветра кат под парусом ходит плохо, если отойти подальше от берега, то берег не мешает судовождению, снасти могут рваться и при слабом ветре (а почему не рвались при сильном?), отсутствие мозгов у юнги не компенсируется его усердием, но вполне нейтрализуется невозмутимостью опытного капитана, и что многочисленные (2-3 штуки) яхты в акватории существенно усложняют речную обстановку (идут не туда, стоят не там, и вообще выскакивают, как партизаны из бабкиного подпола с самогонкой.)

В ходе испытаний установлено:

1. Крепость гранатовой настойки приемлемая,
2. Выходить надо утром, тогда удаётся тащить кат домой засветло,
3. Катамаран под парусом способен передвигаться без весел и экипажа.
4. Катамарану недостает педалей и гребного барабана.
5. На замечания и мат встречных и попутных яхтсменов можно не реагировать – пусть сами уклоняются от столкновения, если такие опытные.
6. Шверцы – мать их....
7. Разумно поставить коптилку с курицей на костер, а пиво в холодильник перед выходом на испытания, тогда, вернувшись в темноте, с удовольствием понимаешь, сейчас можно откинуться на спинку дивана и с удовольствием поесть, выпить и ощутить себя бывалым яхтсменом.
8. Олег Крутских – замечательный капитан, мореход, человек и пароход.

ПАРУС НАБИРАЕТ ОБОРОТЫ

В последующие дни испытывались пассажиры – гордость отечественного рока Юрий Ковшов, главный редактор альманаха "Графит" Сергей Сумин, надежда тольяттинского вело–, пеше– и простотуризма Алексей Старчков. Экипаж усилен собакой по имени Дуся, редкой для Тольятти породы вестхайленд уайт терьер, в качестве абордажной команды.

Катамаран выходил на оперативный простор – за насыпную гряду яхт-клуба "Дружба" – это же, считай, открытое море!!! Жигулевское. Познакомились с птичьим базаром на гряде и выкупали Ковшова, присвоив ему почетное звание вездеморепроходимца по совокупности заслуг. Затем с тем же открытым простором и пассажирами (пятеро в кате, не стыдясь собаки) прошли от Воскресенского монастыря до Итальянского пляжа (это в Тольятти, не в Италии), т.е. чуть больше 1 км (вам вот смешно, а это было практически против ветра). Да мы бы и *бо-о-ольше* прошли…

Зафиксирован феномен: металлическая труба (ею накануне нарастили мачту), имея 5 сквозных отверстий, при сильном ветре издает гармоничные музыкальные фразы – поначалу мы предположили, что из гостиничного комплекса "Парк-Отель" доносятся звуки флейты. Оказалось, играет наш собственный катамаран. Весьма вдохновляет, доложу я вам.

По возвращении проверялось наличие страховых свидетельств. Свидетельств страха не обнаружено.

Выводы:

1. Кат спокойно принимает на борт экипаж в 5 человек и маленькую собачонку.
2. Чаячий базар не так страшен, как хотелось бы.
3. Ветер на Волге обычно лобовой, вне зависимости от направления (Южный Лобовой, Западный Лобовой, Северный Лобовой, и т.п.)
4. Идти под парусом иногда тяжелее (физически), чем на веслах.
5. Нести кат вчетвером легче, нежели вдвоём, но тяжелее, чем плыть на нём.
6. Не стоит пренебрегать закусками на катамаране, даже если дома ждет сытный ужин.
7. Шверцы, мать их!..

ЧТО В ИМЕНИ ТЕБЕ МОЁМ?

Пятый выход нашего ката под парусом, оказался серьезным шагом вперед. Мы дошли-таки до Муравьиных островов от яхт-клуба "Дружба" (около 4-х км), ловя и теряя ветер, пробуя идти под острым углом к встречному ветру, уворачиваясь от яхт, катеров, теплоходов и самолетов. Чтобы понизить уровень ответственности, пригласил чету казанских литераторов – Эдуарда Учарова и Галину Булатову. Они хорошие поэты и жертвовать ими без необходимости не хотелось. С другой стороны – кто их в Тольятти хватится, ежели что? Они легкомысленно согласились…

Помимо имитации управления парусом и рулевым веслом ката, я имитировал функции гида, рассказывая пассажирам небылицы о Татищеве, Порт-Посёлке, Итальянском пляже, острове с маяком, купленном Комаровым в бытность его главой АвтоВАЗа, и прочие жареные факты. Это позволило отвлечь гостей от понимания того, что пройти 4 км за три часа под парусом – требует недюжинных способностей. Самым внимательным оказался Эдик Учаров и в весьма недвусмысленных выражениях потребовал разрешить ему взяться за весло и пристать, к вожделенному берегу, чтобы произвести перепись муравьёв, как коренного населения островов.

Причалив, мы исследовали заброшенную турбазу с подозрительно свежими следами пребывания человека: теплое кострище, знакомо пахнущие бутылки, свеженаполненная пепельница и трусики, кокетливо распяленные на коряге. Посокрушавшись над сломанной при зачаливании шверцей (говорил же я, мать её...), побегав по мелководью, плавно переходящему в мелколесье, мы отчалили, рассчитывая на попутный ветер, бросили прощальный взгляд на берег и – оцепенели. Там, где мы только что беспечно резвились, бродил хмурый мужик с топором и неодобрительно разглядывал нас. Мы нервно гадали, доплывёт ли вон тот топор, скажем, до Казани или хотя бы до нашего катамарана, но ветер и впрямь оказался попутным, и обгоняя плывущие по течению палки и бутылки, мы устремились домой. Успели поговорить о поэзии и графомании, о народной любви к попсе и личной преданности серьезной литературе, о Слуцком и Цветаевой, Юнне Мориц и Эдуарде Асадове, о королях и капусте, о пирогах и пиве, прежде чем сообразили, что ветер стих, скоро солнце скроется, муравейник закроется, и если мы не возьмемся за весла (мы – это, если непонятно, наивные гости из Казани, которых пригласили отдохнуть на парусном катамаране), то ужинать будем утром.

Ужинали мы этим же вечером.

Главным итогом оказалось обретение катамараном своего имени. В претендентах были и "Титаник", и "Варяг", и "Арго", и даже безвестный корабль Одиссея. Но всё решила недавняя модернизация, когда я нарастил мачту полуметровой трубой с полудюжиной сквозных дырочек. На этой своеобразной флейте Эол, Борей или кто там отвечает на Волге за ветер, уже второе плавание подряд исполняет такую волшебную пьесу, что было бы непроходимой тупостью не дать катамарану заслуженного имени. И, с одобрения казанских литераторов, знающих толк в буквах русского алфавита, катамаран получил имя "Флейта". Не возбраняется использование всевозможных эпитетов, как то: воздушная, чарующая, волшебная и т.п.

Но – шверцы... (мать-мать-мать, привычно откликнулось эхо).

КАТАМАРАН ОБРЕТАЕТ КОЛЕСА.

Следующий выход на парусном катамаране "Флейта" был ознаменован использованием для транспортировки судна самодельной велотележки, сконструированной по принципу "из всего, что под руками". В ход пошли бросовые рейки, направляющие для гардин, куски армированного шланга и, разумеется – велоколеса. Поэтому в походе просто обязан был принять участие известный тольяттинский велотурист Анатолий Сергеев, только что вернувшийся из крымской велокругосветки. Я не сознавал, сколь тяжелому моральному испытанию подвергаю мастера велотуризма. Один вид колес, вращающихся в стиле "вусмерть пьяный матрос, возвращающийся на родной корабль", был способен довести велоаса до инфаркта, однако и тележка, и А. Сергеев выдержали трудное испытание.

Ветер порадовал устойчивым южным направлением, что гарантировало автоматическую швартовку к родному берегу в случае невменяемости экипажа, и музыкальной пьесой, исполненной на мачтовой флейте.

В этот раз, помимо нашего, в акватории Порт-Посёлка курсировало еще два катамарана. Один из них лег набок, что не удивительно при таком ветре и волнении (водном, а не душевном). Мы ринулись на помощь, но за те полчаса, что мы стремительно преодолевали расстояние в 3 кабельтов (чуть больше полукилометра, если переводить на язык сухопутных крыс), экипаж аварийного катамарана поставил судно на киль.

Поскольку оба катамарана были чисто парусными (наш-то в девичестве сплавной), мы с восхищенной завистью следили за их стремительными пируэтами. Вдохновившись и исполнившись, проделали на

крыльях ветра пару аналогичных кульбитов. В результате получили важный опыт и массу положительных эмоций, а потеряли всего-то шверцу, и так обломанную в предыдущем выходе. Шверцу, разумеется, не нашли (по традиции, мать её...), но опыт и радость выхода остались с нами.

ДУЭТ ДЛЯ ФЛЕЙТЫ С ПАРУСОМ

… Следующий выход парусного катамарана подзадержался. Люди стонут: лето кончается, а я все мудрил с колёсной парой, позволившей бы мне в одиночку таскать катамаран к берегу и обратно. И вот свершилось! "Флейта" покинула изрядно надоевшее укрытие и отправилась к морю.

Поскольку добровольцев не нашлось, а славный капитан Олег Крутских обустраивал Москву, весь риск лёг на нас с вестиком Дусей. Дуся не подвела: побуждала тянуть кат, контролировала установку мачты и поднятие паруса, была вперёдсмотрящий и назад оглядывающейся. При ветре неслабом, но западном отойти от берега на парусе непросто. А грести у Дуси не получалось – лапы коротки, как мы уже выяснили раньше.

Предпринято три попытки – удачных оказалось две. Сначала успешно разминулись с девочкой, обучающейся виндсерфингу, и спасательным катером, дежурившим на траверзе пляжа, на пляже и зачалились. Во второй раз я даже сумел полежать под тугим парусом (не меньше 3-4х секунд!), послушал, как парус гудит на ветру и тоненько поёт флейта, но в конечном итоге нас выбросило на камни у яхт-клуба. Дуся вела себя достойно, не ныла: говорила же я тебе! и куда ты меня завез?! – терпеливо ждала, когда я сниму наш корабль с рифов. Поскольку каменная гряда замыкала все тот же пляж, заполненный разнообразной детворой, я на четверть часа оказался в трудной роли льва Бонифация на каникулах.

Двухчасовые морские приключения завершились, и катамаран, скрипя колёсами, двинулся по дороге, как некогда легендарные колёсные ладьи князя Олега под Царьградом. Вот только щит на ворота я прибивать не стал. Эпигонством попахивает. Да и ворота того, слабы… м-да.

ПОД ПАРУСОМ, НА ВЕСЛАХ И БУКСИРЕ С МОТОРОМ

Попутный ветер это вам не встречный. А галс – отнюдь не румб, который, в свою очередь, ни разу не румпель. Вот если я всё это понимаю, может, и мореходом стать сумею? Проверять надо. Вот удалось заманить в свою надувную ловушку двух друзей – Иру Геллер, опытную туристку, и Сашу Брезгина, художника. Не хотите покататься, мол, под парусом? На самом деле, конечно, не кататься я их позвал. Прошлый раз, когда нас с Дусей на камни у яхт-клуба вынесло, я понял, что нужен второй человек в экипаже – у собаки лапы коротки грести. А у Иры лапы, то есть руки, конечно, нормальные вполне, под весло очень даже заточенные. Она даже байдарку видела. Ну, так она говорит. Может, фантазирует. Турист, он ведь как рыбак, не расскажет, если не соврёт. То есть, грести есть кому.

А кому катамаран в гору волочь? Под гору он почти сам катится. А в гору я прошлый раз волок в одиночку, камеру на колесе порвал в клочья. Дуся отказалась помогать, мол, командовать могу – лево руля, право руля, а таскать катамараны – увольте, я морской волк, а не ездовая собака.

Вспомнил про Сашу Брезгина. Он в парусниках хорошо разбирается –колер для покраски яхт другу помогал подбирать. Опять же, как художник, тяжестей не боится: потаскай-ка мольберт из мастерской на пленэр и обратно. Настроил я голос позадорнее и позвонил: не хочешь ли, дорогой друг, на паруснике по Волге походить? Сказал, что хочет. Наивны-ы-ый. Ну – художник, они все не от мира сего.

Первым делом, я его приспособил катамаран накачивать. И тельняшку для этого выдал. Он аж прослезился от моего подношения. Ира котомку с продуктами принесла. В прошлом году, когда мы выходили в море, очень ей не хватало возможности водный пикник устроить. Вот она и постаралась. Я не возражал – сытому тонуть веселее.

До берега домчали с ветерком. Втроем-то да под гору. "Тройка мчится, тройка скачет..." Мачту поставили, парус подняли, эгей! Ветер северо-западный, от берега любо-дорого отходить. Ещё и катамаран парусит с такими-то баллонами. Ну, покрутились у берега, потом взяли мористее, там как раз что-то вроде регаты проходило, штук пятьдесят парусников вертелось. Вода тёплая, солнышко яркое, ветер свежий. "Флейта" моя даже песенку завела: у нее верх мачты – труба такая с пятью сквозными дырочками, при хорошем ветре очень гармоничная мелодия получается.

Я на парусе, конечно, грот-рею туда-сюда верчу, ветер ловлю. Саша меня раскритиковал – парус, мол, не крылом надут, а корытом. Ну, рули сам, коли такой умный. Он и взялся. Смотрю, и от зависти нос чешется – получается у него ветер ловить. Мы с Ирой только галс менять помогаем, веслами подгребая, да запасы продуктовые подчищаем, чтобы катамарану легче было. И Дуся повеселела – ей морское путешествие с копченым салом нравится гораздо больше, чем без сала.

Только стал я подмечать, что на юго-восток мы движемся гораздо сноровистее, чем наоборот. Вынесло нас, почитай, на середину Волги. Принимаем решение: править к берегу. Хорошо. Правильное решение – половина дела. "Ветер по морю гуляет и кораблик подгоняет, тот бежит себе в волнах..." Не туда бежит, куда надо. Нам на северо-запад надо, к Порт-Посёлку, а нас гонит куда-то к Комсомольску. Ну, Саша быстро нашелся. Идём, говорит, ко мне в гости. Он как раз в Комсомольске живет. Не дело, думаю, у меня на даче в Порт-Посёлке курица в маринаде томится. И ткемали свежее из слив. Про настойки я уже и не говорю. Лево руля! – командую. Дуся на меня посмотрела и отвернулась, в прошлый-то раз она командовала лево-право. А Саша с Ирой так и смотреть не стали.

А вокруг гоночный катамаран на парусе, как на моторе, гоняет. Влево, вправо, к берегу, от берега, по ветру и против ветра. Ну, может, не совсем против, но пока мы курс поменяем, он вокруг два круга опишет. Издевается. Хорошо ходить под парусом. Но нам, похоже, придется на веслах. Хорошо гребём – к Комсомольску уже не сносит. А берег далеко, километра два. Мы хоть приближаемся? – с надеждой спрашивает Саша. Он про курицу в маринаде не знает, но сердце ему подсказывает – должно быть что-то хорошее в конце. Приближаемся, говорю. А Ира вообще в небо глядит – она-то знает, что я тоже турист: не соврешь, не расскажешь.

Скоро сказка сказывается, да не скоро к берегу гребется. Уже и яхты в свой клуб вернулись, рыбаки снасти раскинули, катер с весёлой компанией летит мимо. Нет, не мимо. "Ребята, у вас проблемы?" О как! Водные психотерапевты. Сейчас продолжат: вы хотите о них поговорить? "Может, вас на буксир взять?" "А трос у вас есть?" – недоверчиво спрашиваю я. И трос у них есть, чудеса. Взяли нас на буксир, да и пошли к берегу. Мотор "Ямаха" гудит ровненько, а катамаран чуть на взлет не идет. Колёса отвалятся! – смеётся Саша, я с опаской смотрю – вроде, держатся. Минут десять шли. На моторе, заметьте. Сколько бы на вёслах, бог весть. Метрах в ста от берега кричу: стоп машина! Дальше мы сами. Чтоб самоуважения не терять. Напоследок спрашиваю, вы, ре-

бята, не Дедами-Морозами работаете, случаем? Мы посланники Бога, отвечают. Вишь, как нам свезло! Не так, как в анекдоте: несчастный, я тебе три лодки посылал!..

Выкатили мы катамаран на берег, уложили снаряжение, да и впряглись в гору тащить. В прошлый раз я в одиночку упирался. А нынче – что за диво! – не тащится в гору, а бежится, будто кат позаимствовал половину мощи моторной у "Ямахи". Эге, смекаю, это Саша сзади катамаран хорошо толкает-напрягается, так что я еле ноги успеваю переставлять. Преодолели подъем, остановились отдохнуть. Я и благодарю его, что бОльшую часть нагрузки он на себя взял. Отнюдь, возражает, я еле успеваю за тобой бежать, так резво ты кат тащишь. А Ира смеется: если вы в гору умудряетесь филонить, как же вы бездельничали, вниз катамаран спуская?

Поставили мы судно под навес, запекли курочку в коптильне, едим, беспечно поливая курятину соусом ткемали, да запивая настойками и заедая свежесорванным виноградом... И нет-нет, да и скажет кто-нибудь: а мы бы сейчас ещё гребли и гребли, если б не ребята на катере.

Только Дуся ест молча. Что уж она думает о славных мореходах, никто не узнает.

А я получил, что хотел. И даже – сверх того. Желать невозможного, но не хотеть лишнего – невеликая мудрость.

Грустно и благодарно смотрю я вослед уходящему лету, и нет суеты в сердце моем.

Георгий КВАНТРИШВИЛИ

Странствия Софии Юзефпольской-Цилосани (17 мая 1959--22 ноября 2017)

"Верю ли я в слово родина? Не знаю.
Но я точно знаю, что
верю в снег".

Биография поэта обычно начинается с истории рождения. Если земные пути уже окончены, может разворачиваться в обратной перспективе, со дня смерти. Здесь она начнётся с истории изгнания.
Перенесёмся в Куйбышев в октябре 1978-го. Надписывая почтовые конверты, добавляют "Куйбышев областной", ведь энтузиасты переименований подсубботили то же имя ещё двум городам. Милиция и спецслужбы сбились с ног, результат пока нулевой. Установить, кто подложил бомбу к дверям Октябрьского военкомата, не удаётся. Взрыв рванул глухой ночью. Пострадавших нет. Массивные двери взрывная волна сорвала с петель. Через две недели рядом с отремонтированными дверьми найдена ещё одна бомба. Далее события принимают более тревожный оборот. Новая цель неуловимых бомбистов – бюст министра обороны. Маршал Устинов, уроженец Самары, получил Звезду Героя Советского Союза. Вторую по счёту. По закону, дважды Героям полагается памятник на родине. Подрыв памятника произошёл через пять дней после открытия.
Вычислить пацифистов-подрывников, студента Андрея Калишина и солдата-новобранца Ивана Извекова, получится лишь позднее. Пока же спецслужбы решают нанести удар по оппозиционно настроенной молодёжи. Проблема в том, что оппозиционно настроенные молодые люди – отпрыски советской знати.
Из воспоминаний Андрея Демидова:
"Как-то сосед Александр заговорщически спросил: "Почему я вечером не хожу в Пушок, где собираются все центровые и бывает очень интересно". Я наивно спросил, что такое пушок, и у кого он растет под носом? Оказалось, что так молодежь называла Пушкинский сквер за драмтеатром. Я пошел, там было человек пятьдесят молодежи экстравагантной наружности. Все в джинсах, многие в рваных, у девок волосы были окрашены в зеленые, розовые, фиолетовые цвета. Невысокий парень с

пронзительными горящими глазами читал лекцию о роли личности в истории. Он утверждал, что не личность делает историю, а история порождает личности. Так Ленин оставался бы уездным адвокатишкой, попивающим Жигулевское пиво на "Дне" в Самаре, если бы не было бы социального заказа общества на авантюристов. Ленин оказался просто в нужное время в нужном месте. Ульянов разрушил порядок вещей, создал хаос, из которого родилась новая красная империя во главе с красным императором. Я аж открыл рот от удивления.

Как все эти слова отличались от наших школьных зазубренных догм. Сколько звучало здесь свободы и личностной раскрепощенности по сравнению с обрыдлыми комсомольскими собраниями, где от скуки дохли на лету мухи. Все слушали, затаив дыхание: кто стоя, кто сидя, лежа на траве. " Это кто", – тихо спросил я приятеля. Тот ответил: " Сам Беба говорит. Он здесь теоретик всех хипарей Куйбышева".

"Теоретик всех хипарей", на счастье чекистов, из простой семьи. Можно брать. Словечко "авантюрист", брошенное в адрес основателя "красной империи", отзовётся дополнительным судебным обвинением (и тремя годами заключения). Основной же состав постоянных посетителей Пушка составлял головную боль для органов. На Пушке тусуются ученики "куйбышевского Итона" – школы № 11, с углубленным изучением английского языка. Зависают дети из домов рядом с площадью Куйбышева, заселённых семьями партийно-хозяйственных чиновников. В шаговой доступности – несколько престижных высших и средних учебных заведений.

Арестовав Бебко, органы выпустили джинна из бутылки. Те, кто раньше всего лишь слушали его, "кто стоя, кто сидя, лёжа на траве", наиболее активная из них часть, – объединяются. Первоначальная цель – найти адвоката. Для её достижения делегация едет в Москву, знакомится там с правозащитниками. СССР к этому времени подписал, на свою беду, Хельсинкскую декларацию. Гуманитарная часть декларации, "права человека", становятся инструментом международного дипломатического давления. Ведь прямое исполнение Декларации неизбежно разрушило бы империю. А манипуляции в условиях плюрализма мнений требуют иных навыков и инструментов, для овладения которыми чекистам ещё предстоят долгие годы переобучения. Как бы то ни было, в закрытом от иностранцев городе появляются полноценные диссиденты. Спарринг-партнёры наращивающих мускулы спецслужбистов.

Тут время выхода на сцену нашей сегодняшней героини. София Юзефпольская родилась в Куйбышеве 17 мая 1959 года. Как позднее выразится она сама, "в советско-чеховско-разночинской провинциаль-

ной еврейско-интеллигентной семье". Семья обитала на улице Маяковского, спускающейся к Волге. Позднее "самарский скверик, где я в раннем детстве так любила кормить хлебными крошками серебряных голубей" будет всплывать в памяти Софии. Несколько лет жила и училась в столице, но школьный аттестат получила в "куйбышевском Итоне", школе № 11. Её же заканчивал и лидер куйбышевской хельсинкской группы диссидентов Виктор (Рыжов) Давыдов. Школу он вспоминает, мягко говоря, без ностальгии: "завуч стояла в дверях и отслеживала ширину брюк, длину юбок, длину волос. Дважды она отправляла меня от дверей школы стричься, однажды даже 50 копеек свои дала, потому что я пытался отмазаться, говорил: «У меня денег нет» – так она выдала свои 50 копеек.

И вот ты сидишь на каком-нибудь уроке по гениальной книге Брежнева «Целина» и знаешь при этом – поскольку «железный занавес» уже дырявый и информация просачивается, – что где-то есть мир, где школьникам ничего этого делать не надо. Где их никто насильно не стрижет, где они могут слушать музыку, которую хотят, а здесь все под запретом и всех выстраивают".

Жаль, но мемуары нашей героини, посвящённые куйбышевской юности, видимо, не были написаны. Лишь единожды София упоминает "диссидентский щенячий энтузиазм, с которым я в конце 70-х развешивала листовки на дверях самарского КГБ и заявляла на допросах, что мне закон един – по-евангельски".

Массовый прессинг по всем необъятным просторам страны в конце 1979-го года сами диссиденты окрестили "предолимпийским погромом". Не совсем понятно, зачем надо было таким образом готовить к Олимпиаде наш закрытый город. Но приказы не обсуждаются. София Юзефпольская попадает в число тех, к кому приходят с обыском. Все обыски в Куйбышеве были произведены в один день, 28 ноября. По нынешним меркам призовые места по странности в списках изъятой "антисоветчины" занимают, пожалуй, стихотворения Осипа Мандельштама и мемуарный "Дневник моих встреч" Юрия Анненского.

Уже на следующий день Юзефпольскую, студентку филфака Университета, вызвал зам.декана по учебной части Л. Г. Кочедыков. Лев Григорьевич ставит Юзефпольской жёсткий ультиматум: "если она не возьмет академический отпуск или не уйдет из университета по собственному желанию, то ее выгонят".

Кочедыков, специалист по фразеологии, скончается в 2016-м, на год раньше нашей героини. Один из первых преподавателей и, фактически, создателей кафедры русского языка и филологического факультета Уни-

верситета, "он в течение 40 лет (до ухода на заслуженный отдых) оставался одним из ведущих специалистов, талантливым и авторитетным преподавателем, которого знали, любили и уважали все поколения студентов филологов" (цитируется некролог на сайте Университета). Юзефпольская Льва Григорьевича, несомненно, знала (с несколько неожиданной стороны). Оснований же для того, чтобы любить и уважать у неё, полагаю, вряд ли имелись. Белой вороне среди поколений, нашей героине не пришлось стать, как все.

Главным козлом отпущения предолимпийских репрессий оказался Виктор Давыдов. Ему предстоит познакомиться с карательной психиатрией. Прочих несогласных ещё некоторое время мурыжили. Юзефпольская – из тех, кому приходили повестки на допросы от следователя городской прокуратуры Г.И. Иновлоцкого. Григорий Исаакович Иновлоцкий до выхода на заслуженный покой был зарегистрирован в Палате адвокатов Самарской области. Его брат – академический композитор в Санкт-Петербурге. А Иновлоцкий-отец шил одежду, в том числе некоторым из будущих подследственных своего сына. Что же удивляться? С представителями образованного сословия в городе негусто. Сплошь и рядом жертвы и их преследователи чуть ли не дружили семьями. Если не лично, то хотя бы через одного-двух знакомых. Трудно избавиться от неловкости, натыкаясь на описания, вроде этакого: "Это было довольно мерзкое существо, похожее на какого-то доисторического ящера; на меня он очень зло смотрел своими маленькими глазками и, не размыкая губ, что-то сипел" (цитата из воспоминаний Виктора Давыдова, вошедших, как и его же вышеприведённая, в книгу Г. Морева "Диссиденты"). Речь о куйбышевском руководителе Пятого управления КГБ, причины антипатии к нему понятны. Но короткое знакомство автора статьи с внуком "ящера" понуждает привести цитату без упоминания фамилии.

В последней из своих книг Юзефпольская выражает особую благодарность пяти людям. Двое из них – из самарской юности. Многократно упомянутый Виктор Давыдов. И Михаил Богомолов. В семидесятых – лидер существовавшей в Куйбышеве коммуны хиппи, живших по принципу "Жизнь – перманентный хеппининг". Из воспоминаний Вячеслава Бебко: "Мы путали женскую и мужскую одежду, выходя на улицу забывали одеть сапоги или штаны. Сидели или лежали там, куда нормальный человек и не подойдет, скажем в пыли или на помойке, устраивали сексуально-бесовские оргии и так далее". Чертовски похоже на коммуны, существовавшие в эти же годы в Америке и Германии. Неужели такое было и в городе, который привыкли воспринимать глубокой провинцией?! Кроме истории контркультуры, Богомолов останется и в истории

региональной словесности. Как редактор первого неподцензурного журнала. Впрочем, перехваченного чекистами ещё на стадии составления. Богомолова-отца, полковника, служившего в штабе ПриВО, чекисты затравили и довели до самоубийства. Он покончил с собой, бросившись под поезд. Богомолов-сын был вынужден бежать из города. Ныне живёт в Санкт-Петербурге.

Город, изгнав своих белых ворон, подретушировал пятнышки на мундирах уважаемых сограждан. И успокоился.

Путь изгнанницы привёл Софию Юзефпольскую в Ленинград. На филфак института им. Герцена. Замужество, муж-художник, дети. В 1989-м году инстинкт бегства сработал ещё раз. Как сейчас может показаться, ложно. С упрёками в чрезмерной осторожности не стоит спешить. Обстоятельства, предшествовавшие бегству, описаны Юзефпольской драматично: "...пока сестра соскрябывала липкие черносотенские листовки с дома Бродского, я с вполне животным страхом охранительно обнимала свое третий раз беременное пузо, на случай, если какого-нибудь памятливого о крови христианских младенцев патриота возмутит такое, моей сестрой производимое, ущемление его прав свободной речи и он позарится на младенца моего, еще не рожденного. Становилось ясно, что пахнет тем самым, о котором Пушкин говорил, нет страшнее, и моим полу-кавказским, полу-еврейским детям здесь место навряд…".

Для понимания драматичности следующего витка воспоминаний следует принять во внимание два обстоятельства. Первое – дети Юзефпольской мало того, что полу-кавказские, её муж и их отец исповедует Ислам. Не совсем ясно, с какой степенью ревностности…. Второе – в Ленинграде Юзефпольская крестилась в Православие. Как часто бывает с неофитами, испытав некоторое количество экзальтаций. Впервые, впрочем, экзальтация подобного рода была испытана в 13 лет, по прочтении "Идиота" Достоевского.

"В благословенной Италии меня, за скорее случайную конфессию христианства, с новорожденным младенцем, двумя инфантами и влежку больным мужем выперли из еврейской организации помощи беженцам – ХИАСа, практически на улицу, вне всякого статуса, без денег и какого-либо гражданства. [...]

На улицах Рима невозмутимо цвели апельсины и лежали бездомные цыгане, а единственная благодать, которую я тогда ощущала, витала облачком над тельцами моих крошечных детей, и зная, что надо спасать их, ночью прижималась к их теплым тельцам на большой ледяной кровати итальянского подвала, сама спасаясь и черпая силы из этой самой хрупкой на свете ангельской благодати".

"Днем я уезжала в Рим. Там, в городском муниципалитете мне посоветовали [...] ехать в Израиль, о чем, при наличии мужа мусульманских кровей, конечно, не могло быть и речи. Через неделю, однако, нас подобрал Толстовский Фонд, хотя, как дело устроилось, я помню смутно из-за практически от страха невменяемого, но весьма деятельного состояния, в котором я тогда пребывала. И вот, таким образом выбравшись из толпы последнего Исхода, почти ею раздавленные, отверженные ее западными покровителями, и все же выжившие в эту переломную неделю добротой и милостью некоторых зрячих, жалевших нас, сумасшедших, отправившихся в путь в никуда с 2 чемоданами и пополняя по дороге 2 малых – третьим... [...] ...мы через неделю оказались в тихой, уютной и переполненной воздухом комнате, мило приветствуемые двумя русскими престарелыми тургеневскими барышнями Толстовского Фонда, дочерьми еще первой – французской эмиграции, никогда в России не бывавшими, но говорившими на чистейшем, прозрачнейшем и спелом бунинском русском, не слыханном, а лишь читанном в советской России... Оставшееся нам перед Америкой время в Италии мы вдруг оказались окружены благодатной несуетливой атмосферой доброты, такта и сердечного служения истинного русского аристократизма. Улучшилось и наше финансовое положение на этом неисповедимом пути, завершившим для нас Европу встречей с живой Памятью о России... ее истинной памятью – доброты языка".

Через Толстовский фонд, основанный дочерью Льва Толстого для помощи эмигрантам, начиная с 1939 года прошло более полумиллиона беженцев. Первым Почётным Председателем фонда стал Герберт Гувер, спасавший Поволжье от голода в 1921-м году.

С 1990 года семья Юзефпольской оказывается в Сиэтле, США. В США рождается четвёртый ребёнок, на этот раз девочка. Аспирантура, Вашингтонский университет Сиэтла. Диссертация, посвящённая поэту Арсению Тарковскому (2005). Стремясь приблизить поэзию Арсения Тарковского к американскому читателю, Юзефпольская переводит его стихи на английский. При этом, отходя от современной традиции буквализма, сохраняет в переводах размер и рифму. Соавтором-переводчиком стал проф. Джордж Рюкерт (George Rueckert), сын американских дипломатов, с родителями успевший пожить ещё в Ленинграде.

Текст диссертации с переводами стихов выходит отдельной книгой "The Pulse of Time".

В 2012-м София переезжает в Грузию. Выходит замуж во второй раз. С мужем происходит своеобразный "обмен" фамилиями. Она – отныне

София Юзефпольская-Цилосани, он – Нугзар (Сани) Цилосани-Юзефпольский. В Тбилиси в 2012-м издана первая книга избранных стихотворений "Голубой огонь". (Цитируемые выше мемуарные отрывки – из этой книги). С 2014-го пара живёт в Нью-Йорке. В 2016-м в питерском издательстве "Геликон-плюс" издана вторая и последняя книга стихотворений "Страннствия". Читаю тёплые предисловия, выписывая локации авторов: Нью-Йорк, Москва, Одесса, Лейпциг, Харьков, Колумбус (Огайо), Минск, Стокгольм… Города разных стран двух земных полушарий.

Юлия Резина, Москва, Нью-Йорк:

"Первое знакомство с поэтическим миром Софии Юзефпольской-Цилосани остается впечатляющим драматическим чувством крушения привычных пределов обжитого пространства. Оно сравнимо разве что с провалом в бездну без дна иной мерности во время беспечной летней прогулки, когда замечательный пейзаж василькового поля и такого четкого близкого леса за ним оказывается иллюзией, безупречным миражем. Поэтический поток невероятной мощности, еще не дифференцированный, доречевой гул стиха подхватывает и несет тебя от строки к строке, делая свидетелем, соучастником, сотворцом появления словесной поэтической ткани".

Татьяна Шереметева, Москва, Нью-Йорк:

"Ее дарование напоминает долину гейзеров. Мощное биение пульса выталкивает на поверхность горячие всплески стихов, а где-то в глубине тем временем происходит главное – звуки, слова и жесты, краски и ароматы, сны и воспоминания переплавляются и становятся горючим, питающим творческое вдохновение".

Алла Стайнберг, Одесса, Нью-Йорк:

"София Юзефпольская-Цилосани – поэт с не просто удивительным поэтическим голосом, а с удивительным поэтическим многоголосием… Каждое ее стихотворение, да что там стихотворение – каждая строчка, даже само слово – наполнены удивительным смешением значения и звука. Всегда непредсказуемым. Всегда неистощимым. Ее поэзия – это многоводная река, половодье. Река с широкими поймами и извилистыми руслами. Она может литься-разливаться полноводно и спокойно – а может бурно бурлить в узких ущельях, стремительно мчаться мощным потоком и спадать в пропасть ниагарским водопадом… Это водоворот. А поэтому – и ПАР, и исПАРение, и ПАРение… А значит, живительный – освежающий, очищающий – дождь. Иногда – то ли ливень, то ли морось, иногда – то ли снег, то ли град. А иногда – просто роса, чистая как слеза..."

К моменту выхода книги София уже была неизлечимо больна. Болезнь она переносила с редкими достоинством и мужеством. Её сердце перестало биться 22 ноября 2017 года.

Стихи Софии Юзефпольской-Цилосани, в т.ч. вошедшие и не вошедшие в книги, печатаются в авторских вариантах.

София ЮЗЕФПОЛЬСКАЯ-ЦИЛОСАНИ

счастье

Съехало счастье с моей квартиры.
Я его ворожить устала.
Чай ему подавать, спорить с ним, ноги мыть на ночь,
кормить апельсинами.

Ветер на плечи себе оно накинуло и убежало.
Ловит такси на углу, а в кошельке-то
только серьги бренчат – чудная мелочь
да глупые мысли.

Лижут подошвы крошечных листьев стаи.
Гирей штангиста катится черное небо; подножек,
на которые вскакивают, избегая чернот, даже
у ветров не осталось – на что это все похоже?

Да ему без меня с дорогой не справиться – меркнут,
тлеют искорки в зябкой лаве осенних канканов.
К ночи вернется, блудное, за ириской
окон текучих наших; здесь очень тесно,
скажет, но все-таки кормят. К вам можно, мама?

мой – до дыр

Андрею Белому

Аполлон Аполлонович жил на Фонтанке,
в коммунальной квартире,
на кухне три соседских шалтая-болтая
приготовляли яичницу,
Аполлон их недолюбливал
за едкий запах.
Он любил Мойдодыра
и порфиру душистой своей Софии.

Мойдодыр жил на Мойке, писал стихи,
на Фонтанку захаживал в мятом кафтане по воскресеньям,
Аполлон Аполлонович изобрел для него проспекты и утюги
(и духи для тех трех шалтаев), кормил бутербродами
и блоковским песнопеньем.

Оба были бедны. Шипела яичница фонарей.
Шалтаи-болтаи возносились над городом желтыми колдунами.
А через дорогу Белый стоял и плакал, как соловей,
стоял и плакал,
весь был белый-белый от Господа,
над голубым каналом.

Но его не позвали.

зимний пейзаж

Зимою стань сухим, сухим – как шорох шкур,
качающихся на бельевой верёвке,
как шкурка зверя – неподъемным – звуком ломким,
хрустящим шелестом обманчиво живым.

И станет сухость языка скрипучим лоском,
и будет птичка шить зигзаги черноты,
прокалывая дырочки в подшивке
пластов беды в контексте белой мерзлоты.

И будет смерть тебе являться философски:
с пенсне окон из толстого стекла,
и будет эхом – тьма звериных ран –
потрескивать – протяжным хрупким фоном,
текучим веком, льющим в печь дрова.

старый Бруклин

Старых негров глубоки очи,
дно тягуче и неуловимо.
Продается здесь все в рассрочку,
даже дух бездомного дыма,

даже голос жары из камня:
и роднит он рабством, и манит,
словно в Кане – вином из камня.
О Манхэттен, где брат твой Каин?

Бедный Бруклин! Завалит снегом,
снегом белым, саженным колом,
пять церквей на квартал, как клоны.
Где твой ангел, мой верный Каин?

Я кирпич твой жую вприглядку,
мир – обугленный, обожженный.
Только в каждой встречной – жива-Я!
Как прекрасны и жирны здесь жены!

Как цветут глазенки детишек!
Как плывут по мусоркам куклы...
Старый Бруклин! Чернее вишни!
Помнишь сад, что стоял над Волгой?

набросок из ниоткуда

А земля приближалась, казалось, что вот – оно, вот
воплотишься под крышу, в квартиру, судьбу обретя человечью.
Ветер пальцы лучей расплетал, забивая слезой звездный рот,
а земля приближалась: известкой холодною, свечной,

остывающий луч – ближе-ближе – до печи, что в тлене земном:
но сады не цветут, жгут бумагу и общества строят,
за поденщину утр – за белесым замерзшим окном,
как огарочки светят мозгам, призывая к немому покою,
– звезды. Бабочек воля – до лампочки: – к шторе, к окну.
К клетке города, улицы, мысли, органике тела.
Я еще постою под дверьми, и потом лишь войду.

И ты спросишь – успела забыть...? – Да – я долго, достаточно долго до этого тела летела.

расфокусировка зрачка

Все начнется сначала – с расфокусировки зрачка.
Хочешь снова сбери в перспективу, а хочешь живи, как попало!
Жизнь, что фокусник, ручка от ящика, рельс от вокзала,
по которому зайчик трамвайного солнца дает стрекача.

Да! – живи как попало: Кто знает утробу тисков? –
Кто на искренность сны проверяет? Отчеты кто пишет
о бездонных деяниях ? – разве что, дятел, что слышит
страх букашек, и в этом все ищет каких-то сверчковых основ.

Нет, давай убежим вместе с зайцем, хотяб в От-себя-ть!
Он ведь тоже по сути слепой, и игра тени с светом.
Начинай с перспектив, ну а я разогрею над Летой
нам дождей потеплей, и дорожку, летящую вспять.

три ступеньки

Из проекций своих просветлений, затмений, из генетических гнезд,
из насиженных и из оставленных – чудом – бездн
в три ступеньки вверх, устремляясь – в свой вышний рост,
в три ступеньки вниз ты отбросишь густую тень,

человек, придумавший бога, Бог,
умилившийся творчеству: все-таки – Человек!
Три ступеньки вбок от конца – не забудь – сделай все, что смог
из пунктиров, прожекторов, точечек, слов, фонарей.

*** * ***

Почему-то детства становится меньше и меньше:
не в цене штуковины без смысла и всякие монстры и духи.
На дверях сизокрылая вязь из побелок и трещин,
вызываю тебя, дух облупленной детской вещи,
в перламутр бинокля, в резную игру шкатулки.

Если дело всего лишь в оправе, в земной опале
взгляда, в коем роднится стеклянная лупы лужа
с яркой радужкой детства в весёлом клейме детали –
в детстве вещи, однако, как в зеркале томном – почти недужны:

вещи все – это космос неведомый, очень страшный,
облюбованный для приключений опасных и странствий;
я б хотела, на крайний случай, в зеркальной коробочке глаза
сохранить этот сладкий, щемящий, как вечность, ужас.
К сожалению, детство не станет игрой или стилем,
ни биноклем, пенсне, театральным волшебным картоном.
Как к глазку в двери, прижимаюсь к нему, наблюдая мили
одиночества в сером зеркальном глазке напротив.

*** * ***

И я из теплых пирогов, духОв и пыли
в окне воскресном,
шумных юбок родственниц, их духов,
сквозь щель дверную мне тянувших свою руку
все той же пыли, тех же слухов, тех же слухов,

горящей сладострастием к натуре,
к литературе, к огонькам сюит-Камина,
из пыли – в солнце – возникала – и любила
смотреть, как разгоралась древесина
на книжных стеллажах, и как на стуле
гора из томиков спирально и прелестно
до потолка карабкается – место
из детства было тесно и чудесно:
ни слух, ни пыль – меня ничем не обманули.

По спуску – вверх – разбитые коленки,
по Маяковскому, по Стенькиному – с Волги

до госквартиры,
а в степях-то – право – выли волки,
налево – пятитонки, пионерки…

И я – одна, с синющими глазами,
трамвайный дух, скрежещущий вагон,
подмигивают мне:
О как все вертикально!
отвесно – скользко – и ответственно – бескрайне
для зайчиков на поручнях времен.

*** * ***

на спусках свистят лишь ступни
словно мелкая галька бормочут
и щелкает лотос стиха
в нераскрытом бутоне макушки

так держит безводность
– небесный баланс
на тропе уходящего тела.

распустишься – в нежность
вне срока – по спуску
прольешься.

прольешься крылом – для лавины из пыли

– уже без возврата.

11.10.2011

речь

Я говорю на чужом языке, не вашем.
Знаю, люди меня не понимают вовсе.
Мне отвечают капли в микстуре и в душе ржавым
краны, – скрипят, привечая воду. Меня так мостик,

что над болотом завис, поучает: – утоп, мол, в травках,
острый язык их сжигает меня, как время.
В каждой вмятине добрую дряблую краску
расколупала – на звук, просчитала свой рост на двери.

Каждая выбоина на дороге – поет контральто:
это копыто, лошадь, я грусть ее слышу громом.
Так говорит с микроскопом бактерия, память,
и ни один из звуков не вспомнить, что пел бы хором.

Ангелов? – не было, нет, – и не будет здесь вам откровений.
Греет ногу в прихожей бродячий аист.
Кто-то еще лепечет родной мне речью –
над колыбелью явленья,
на грани – счастья.

ШЕСТЬ ПОЭТОВ ФРАНЦИИ

Жан-Марк БАРЬЕ

Жан-Марк Барье живет на юге Франции, в департаменте Эро (Окситания) Писатель, поэт, художник-график. Ж-М. Барье проводит ежемесячный семинар по письму «Latabled'écriture à Caux» (Собрание письма в Ко), является соведущим ежемесячной программы "LesArpenteurspoétiques " (Поэтические изыскатели) на RadioPaysd´Hérault (Радио Край Эро). Стихи Ж-М. Барье переведены на итальянский, хорватский и русский языки. Жан Марк Барье создает серии книг художника совместно с другими поэтами и графиками, которых он отбирает в рамках издательского проекта Collectionfibr.s
Книги :" Двигаясь не сходя с места " | стихи и фотографии; издательство Phloème, 2019 г.
Вирга | стихи и графика (книга художника), издательство LesCentRegards, Монпелье, 2018
Вестерн | стихи и графика Андре Арагона, издательство Lavoixdupoème (Голос поэмы) , 2014
«Faroucheindecisiondesfleurs»(Пугливая дрожь цветов) | Книга художника с рисунками Шарлотты Комб, издательство GalerieduBourdaric, Vallon-Pont-d'Arc, коллекция 2014 г. «Из одного луга в другой» .
Latraversée (Переход) | стихи и фотографии, издательство LesCentRegards, Монпелье, 2011 г.
«Tombelaparole» (Летящее слово)| стихи и фотографии Николь Шмитт 2010, издательство Eole.

Закат

Даже если солнце исчезнет за твоим плечом
растаявший день останется в тебе
так иногда не уходит гул водопада
надо собирать камни
пережить это вновь
с каждым шагом
ты вспоминаешь о скалах
этого необычного парка в Адриатической ночи
где ты считала светлячков
и камень, словно сердце дерева
со стрелой, направленной к цели[1]

из пустоты

Пространство вокруг меня
иногда неведомо
как реки несутся
мысли сливаются с океаном

каким я останусь?

там, во времени – переход
навстречу горе
и вот, роняя следы
я здесь

в царстве песка

со всеми моими мечтами
перед лицом его власти

падение

Однажды
ты касаешься пограничья
и этот склон, что ты обнаруживаешь
в обещании моря
или океана – воспринимаешь одновременно
с радостью и предчувствием поединка
отлив переходит в прилив
силы взаимно пересекаются
переходят друг в друга, приближаясь
к потере, невидимой перед лицом вещей
ты перечитываешь манифест Вознесения
и чувствуешь кожей –
это небо поглотит тебя
даже если не пропускаешь ничего
ни одного из оттенков твоего падения

сандалии

Вы найдете мои сандалии[2]
Но вулкана не будет

Я покинул в ночи его глубину
огромное расколотое небо
где желание исчезает
в неведомой толще
где нет ни отблеска, ни ветерка,
в этом великом ничто, миге падения
я наслаждаюсь потерей равновесия
моё существо – оборотная сторона древесного листа

это время грез и крушения, оно твое
это то, чем ты дышишь
оно пульсирует в сердце, которое ты больше не слышишь
может быть, ты падаешь
ты это знаешь и не знаешь
только лишь пауза между фраз
только лишь слово – точка опоры, что тебя держит
я уже наклоняюсь.

[1] Речь идет о воспоминании во время путешествия – стрела, которая была начертана на камне, напоминающем сердце, указывала направление пути. Но для поэта это еще и символ движения жизни: стрелапрошла сквозь сердце, но не остановила путь *(прим. переводчика)*

[2]Тема стихотворения перекликается с историческим фактом ухода из жизни древнегреческого философа Эмпедокла, чьи сандалии были найдены на краю кратера вулкана Этна, куда он бросился.*(прим. переводчика)*

fango

Я следовал вдоль берегов
бездумно, как рыба
и мысли летели за мной

river[1]*fango* кружилась змеёй
как лучи – в стакане воды Гераклита
tree[2]*stone*[3]все знаки
пустыня в нагрудном кармане
сила легких

я пережил свои поражения
riverfango
tiempo[4] между двумя полюсами между плечами
среди барханов я оставляю себя
vida[5] – я помещаю ключ в землю
Leben[6], земля, горячая для семени.

[1]река (англ.)
[2] дерево (англ.)
[3] камень (англ.)
[4]время (исп.)
[5]жизнь (исп.)
[6] жизнь (нем.)

Венсан АЛЬВЕР

Венсан Альвер живет во Франции, в регионе Окситания (департамент Эро), где долгое время работал преподавателем.
Он любит цитировать Антуана Эмаза: «Так всегда / краешек зимы / и, может быть, сад / поистине далеко / он впереди / перед словами». Венсан Альвер действительно пишет давно, и по-прежнему ищет слова, которые всегда в движении. Жан-Марк Барье пишет о нем:
«Сказать немного, но – непосредственно, без излишеств речи. Грубоватым голосом, если еще точнее. Венсан Альвер создает стихи, похожие на пустынные деревни. Мы проходим улицу слов, где свистит ветер, затем еще одну, и поворачивая направо мы с нескрываемым удивлением выходим на открывшееся пространство, где все населено. Не спрашивайте меня, как это работает. Это работает. В этом заключается любовь, хрупкость и сила вещей, а также возможность посвятить себя тому, что важнее всего».

опубликованные книги: «Imagessangfroissé»(Образы скорбящей крови)издательствоSt-Germain-des-Prés (Сен-Жермен-де-Пре)
«Tendreligne»(Стремительная линия), издательство Voixdupoèmeeditions (Голос поэмы), 2011 г.
«Quandellevient»(Когда она придет) , éditionsPourquoiviens-tusitard ? (Почему ты приходишь так поздно?), 2017

«Lesoublis»(Забытье), выпуски Latête à l'envers (С ног на голову), коллекция fiber.s, 2020 г.

*

Жалкое уединение
суточный рацион
ты смотришь на исчезающую точку
промокший бег
слов
единственных
так много крошек в карманах
несколько зверюшек в ушах
у тебя только соль
всегда немного, но отборной
зернистой и размолотой
вот та самая *пустота* – источник
появления новизны

*

это пахнет борьбой
зона опасности
легион худшего,
порождение кругов под глазами
что дает тебе хлеб
золото
новую кровь тайны
тогда душа твоя вкусит сокровенную нежность
свежей плоти цветка
с ароматом вечера
сбывшегося
она станет убежищем для больших перелетных птиц

*

я поймал стрелу
съел мишень
утопил ключ
мы расставили стулья
дорога – сквозь решетку
внутри все переполнено
балкон закрыт
ветер о нем забыл
и ты погружаешь руки
туда, где все ссыхается и сводит с ума

Корали ПОК

Корали Пок – живет в одном из регионов Франции – Окситании, где она преподает французский язык. Её стихи оказываются рядом без спроса, балансируя на границе серьезности и детскости, они превращают излишнюю значительность в живую игру, где каждый свободен. Её книга «Ebruitdescailloux» (Шорох камней) издана в издательстве Voixdupoèmeeditions «Голос поэмы».
Жан Марк Барье пишет о ней: «Захватывающее, свежее письмо… Читать Корали Пок – значит, ожидать всего, впридачу к легкости. При каждом повороте стиха мы говорим себе: «вот оно, именно оно». Несомненно, так и нужно относиться к тому, что важно в жизни: с азартом, открытостью, и свободой. Искусство жить отзывается на эти черты с улыбкой – то мягкой, то озорной».

тук-тук-тук
открой меня своим ртом – клювом новой птицы
разгадай любовь, что бежит во мне
всю любовь высоких трав и глиняных ночей
восхождение тела
снись мне, когда я дрожу
я вижу
тех, кого нет в твоем окне
словесные объятия умерших
и дожди
все дожди, о которых мы не расскажем друг другу
когда наши тела
прижмутся в море
задержатся
у края обрыва
как это делают скалы, сосны в Алепо
и запах смолы на твоей коже

_____

моя любовь будет верой, у которой нет лодки
у неё не будет кожи
именно так я хотела бы плыть
по водной шири, трепещущей в тебе
когда я ныряла бы голой и обновленной
чтобы найти
ту соль, что заставляет тебя жить
твой вкус целины
даст жажду
моей жажде

_____

в тебе я буду
белой юбкой, чья тень
помнит птицу

и конечно
вся юбка исчезнет с тобой
или птица

_____

Я выхватила нож для своей жизни –
Прорезать свет
Я хотела
упасть в нее голой
как между плодами
Красным
Самым красным на снегу

_____

Я дышу огнем
Я колдую над сломанной лесной веткой
Я срезаю острые углы жизни
моим ножом
я спасаю неповрежденное присутствие

_____

Остаться верной тебе, когда всюду суета
Заоконное мелькание пейзажей
Рухнувшая плотина содержимого шкафов
С дробным шумом в ушах
Продолжать верный путь без страха
Прокладывать его сквозь заросли
Посмотри: никаких преград, путь свободен

Ноэ МЭР

Ноэ Мэр живет во Франции в регионе Окситания. Ее стихи стремятся выразить движения памяти и чуткость к естеству тела – лаконичным языком и органичными словами. Мы находим её стихи в журналах Décharge, LeJournaldepoètes (Журнал поэтов), Souffle (Дыхание), Recoursaupoème (Обращение к стихотворению), TerredeFemmes (Земля женщин), Terre à ciel (Земля и небо). Её сборник D'Ararat (Арарат) (2016) вышел в издательстве Editionslatête à verse, и сборник Chaquearbreceluidemonombre «Каждое дерево, это дерево моей тени» будет опубликован в 2020 году издательством EditionsMusimot.
Только что опубликовано: «Объятия», коллекция fiber.s
Жан-Марк Барье пишет о ней:
«Погружение в природу чувственно, оно задевает скрытые мускулы, и если слова полны духа свободы, то мелодия переполняет. Ноэ Мэр не видит разделения между своим телом и деревьями, небом и травами. Эти связи открывают в ней путь письма, который напоминает любимую тобой вещь, которую ты позабыл. Дух приключения в самом потоке и пульсации речи, её достоверность».

*

И облака длиннее
твоего языка без молитвы
в этот момент прозренья
листья едва пробились
видимые и зеленые
ветер колышет все живое
сотрясает округу
ты не ждешь ответа
в твоей открытой груди
солнце вместилось полностью

*

Сегодня днем зимнее солнце
продолжает свой путь
блестящее, ослепляющее, оно делает неразборчивым
Лик на старом портрете
проявляя синеву
в рамке неба

*

Моя душа сжалась
в этот день боли
Когда я улетела
она укрыла лезвия слов
в их молчании
и я поймала их дыхание
Мир со мной в тени птиц
Мир со мной

*

Кровь течет красная и темная
затопляет меня
там босиком по земле
приходит
исконная сила
этот порыв увлекает и приносит мне
что-то – воздух и вода
скелет и кожа
поддерживайте меня
боль прошла сквозь меня

*

поскольку на небе горит солнце
поглотившее забытый пейзаж
я приду сюда завтра
вбирать в себя волны

Лоранс БУРЖУА

Художник и поэт, Лоранс Буржуа выпустила около сотни книг художников со многими современными поэтами (включая Мишеля Бутора, Тахара Бекри, Патрика Дубоста, Розелин Сибилль и других).
Она является соучредителем ассоциации «Голос поэмы», и проводит авторские мастер-классы, также Лоранс Буржуа – соведущая ежемесячной программы на RadioPaysd'Hérault (Радио департамента Эро)LesArpenteursPoétiques (Поэтические изыскатели).
С 2009 года пишет стихи. Под видимой ясностью слов она совершает открытия, которые бывают трагичными, или светлыми, болезненными или освобождающими.
Опубликованный книги: Поэтический сборник, изданный PetitPois, «Поэтическая антология в самом сердце Эро», 2011 г .; сборники Архипелаг 1, 2013 г .; Архипелаг 2, 2014 г Архипелаг 3, 2015.

Есть три кувшинки
для выдоха
вдоха
и паузы
воздушная троица
невидимые знаки
прорастающие | созревшие | зрелые
пруд слишком мал
сжимает костяк
пространство страницы
песни светлячка
тайнопись птицы
огласовку камня
есть три облака
и земля, которая дышит
соединение | пепел| проблеск
красные розы
три выдоха
цветок сломан
лепестки опали
пунцовые | бесцветные| прозрачные
вырывают сердца
из гнезд для печали.

_____

Древесный сок
вплоть до следов
собирается в источник
в глазах ребенка
едва родившегося
в слипшейся смазке
под кровной корой
полубог
с ногами оленя
едва заметными
между лесами украшенными
рассветами и куколками бабочек
трижды спрятанными
струя пробивает путь
вплотную
между прожилками кедра
раненого на бегу
исчезнувшее появление
где ты?
обратный счет
пятна крови
узлы времени
когда мы были Одним
едва лишь мгновение

Дени ГРОЗДАНОВИЧ

(род.в 1946 г.) – современный французский писатель и поэт, представитель интеллектуального направления "belleslettres", лауреат Большой премии Французской литературной академии. Его книга "Небольшой договор бесцеремонности" получила премию ассоциации литературных критиков. (Prixdelasosiété des gens delettres). Среди французских читателей популярны его книги "Мечтатели и пловцы" (издательство "Corti", 2002 год) "Искусство почти ничего не делать" (издательство Denoël, 2009) , "Таинственная мощь случая" (издательство Denoël, 2012 г.) и другие.

Мальчик на велосипеде

Когда бы я наконец решил
присоединиться к подавляющему большинству,
восхитительно переместившись в недра этой доброй старой планеты
без сомнения, деревья будут колыхаться на ветру, как и сегодня
и маленькая девочка – подпрыгивать на ступеньках безымянного крыльца
и царственные облака разворачиваться
с тем же спокойным безразличием,
в зияющих высотах синевы
Любопытный прохожий, среди могил
пытаясь расшифровать изъеденные надписи
наткнется на мое иностранное имя
и спросит себя: «Кто это был? "
Вероятно, тогда – милый будущий друг
тебе будет немного сложно
стоя там, на палубе мира,
услышать ответ голоса, столь глубоко погруженного
под руины часов и лет.
Однако, если вдруг
какое-нибудь видение
(возможно, вдохновенное ветром…)
могло бы сделать так, чтобы ты наклонился
над парапетом старого кладбища, чтобы увидеть
на дороге, что вьется между полями

того самого мальчика на велосипеде
с его удочкой на багажнике
который мечтательно крутит педали навстречу реке
Я хотел бы, чтобы ты подумал, что это, конечно же,
все тот же я!

Секретная пружина

В никогда не исследованной бескрайности наших ночей
в затерянных закоулках самых невероятных странствий сна
иногда возникают совершенные существа, знающие о нас все
понимающие даже незначительные намеки
разделяющие самые скрытые разочарования,
они сопровождают нас некоторое время
на окраинах сюрреалистической неопределенности города.
Эти служительницы культа женственности,
завороженные нашими мечтами,
которые отражаются в магической ясности их глаз.
С неизбывной иронией
они без труда погружаются в самое сокровенное, что есть в нас самих.
Без всяких колебаний они так проницательно
обращаются именно к нам.
И они сохраняют такую нежностьвсвоихнасмешках!
Да, они часто подтрунивают над нами
в своей манере, от которой и нельзя ожидать иного
И которая освобождают нас от того, чтобы чувствовать себя обычными
(то есть, самонадеянными), мужчинами
Они любят как сестры и матери
они впервые произносят слоги наших имен
с такими неповторимыми модуляциями
что нас пронзает путаная любовь
желания! ...

Мы хотим удержать их ..Увы!
Вот когда они убегают,
эти фантастические создания,

не забывая разрешить противоречия нашего существования
Потому что они постоянно устремлены к далекому таинственному назначению.
Они никогда не задерживаются ...
Нам шептали невыразимые слова
нам расточая ласки с неповторимыми подробностями
и все же они теряются в подъездах
исчезая под дождем –
навсегда!

Кто эти красавицы из наших ночей?
некоторые говорят, что они – "Душа"
женское дополнение мужского «я»,
воссозданное из разных неуловимых мелочей
Если это правда,
то без сомнения, мы касаемся в эти заповедные ночи
секретной пружины,
которая управляет знаменитым Колесом мира.
Поскольку ничто
даже самое точное распознавание миража, не может сделать так,
чтобы в течение долгих часов и дней мы не искали бы их

на углу ветреной авеню в залах закопченных кафе
в анонимном шуме нашего города.
В то время, как они (если должны) вернуться –
то лишь при самом неожиданном повороте
извилистых темных закоулков в сердце невероятных обиталищ
глубокого сна

Людской сонм

Зима вдохновенно освоила наши земли
дни длятся несмело, медленно
пытаясь вырваться из плена тени, куда ночь оттеснила их
дальше полудня
с его солнцем, которое приходит, чтобы пасти предел зимнего мира
проступающего, как в акварели Марке

непрочным пейзажем
очень быстро исчезающим
в обманчивых сумерках
И теперь, когда темнота
фосфорицирует неоном
сонм из сотен людей
намагниченный иллюминацией
кажется вдруг
также странно нераздельным
как это было в детстве
когда мириады мотыльков в летней ночи
кружились вокруг фонарей

©перевод Ольги Соколовой

Сергей БЫКОВ

Легенды Автограда: амбивалентность истории или «блеск и нищета куртизанок»

Про Тольятти нередко говорят, что он «трижды рожденный». Не вдаваясь в исторический экскурс становления Ставрополя-Тольятти, наше внимание мы сосредоточим на жизнедеятельности Нового города-Автограда, который прославил с запуском в эксплуатацию автозавода и сам город. Сделал известным в стране и зарубежом, своим инновационным архитектурным обликом, с конструктивистским началом. Архитекторы воплотили в нем самые современные представления о планировке микрорайонов и улиц, проспектов и скверов, об удобстве квартир, сочетании промышленных зон, жилых массивов и зон рекреации. Обратим ретроспективный взгляд назад в прошлое города 70-ых годов. В облике Автограда слились воедино последние достижения архитектурной и дизайнерской мысли, научный и инженерный расчет, фантазия художника, привыкшего строить на века, и темп – бурный темп двадцатого века. Город не только красив – он удобен. Автозаводский район Тольятти не знает промышленного шума, его воздух чист, потому что в пределах жилого массива нет и не будет ни одного промышленного предприятия. Если взглянуть на Тольятти с высоты птичьего полета, то можно изумиться той щедрости, с которой природа одарила город. Три крупных района разделены сосновыми борами, в которых встречаются кленовые, осиновые и березовые рощи. С юга к нему подступает Жигулевское море, а с севера окружили его Сусканские и Васильевские озера. Между ними привольно раскинулись поля.

Повесть Ивана Падерина «На Крутояре» (1970-1973) – первое крупное художественное произведение, посвященное тем, кто в небывало короткий срок – всего за четыре года – построил и пустил в эксплуатацию Волжский автомобильный завод; затрагивает некоторые экономические проблемы нового производства. Книга во многом проблематична, герои ее как и их реальные прототипы, еще в поисках разрешения конфликтов. Писатель дает возможность читателю соприкоснуться со своими персонажами в сложных жизненных и производственных ситуациях, чтобы он мог сам оценить их поступки и помыслы. Повесть отмечена премией на конкурсе произведений, посвященных рабочей теме. Были и критические отзывы в советской прессе. Генералитету завода не понравилось, что автор «вынес сор из избы»: первым в художественной форме поведал о воровстве на заводе и в общежитиях. Завод и город как подросток-хулиган, за которым

некогда и некому «присматривать»: быстро учился «плохому» и медленно «хорошему».

В 2000-е город как многие моногорода России постсоветского периода, находился в оцепенении. В данном случае в роли «постиндустриального пространства» выступает город Тольятти. И здесь сработало два мощных фактора. Первый – рухнувшая индустрия. Поскольку, с одной стороны, Тольятти – это город, порождённый промышленным бумом. Город, существовавший долгое время как мощный центр производства, разваленного в годы «перестройки». Сейчас медленно просыпается. Но как-то криво. Затянувшийся ввод в эксплуатацию рекреационной зоны парка, открытого ко дню 50-летия АВТОВАЗА. Убожество исполнения дизайна «Итальянского сквера». Множество проектов висят недовыполненными, – десятилетиями. АВТОВАЗ, кроме грандиозных достижений в советское время, отметился еще и невиданными по масштабам хищениями, как тогда говорили, «социалистической собственности» (автодеталей) – от массового «несуна», до руководителей разного уровня. Вокруг отгрузки автомобилей в 90-е годы здесь бушевали криминальные войны, печально «прославившие» завод и город. Характерно, что на старом городском кладбище криминальные авторитеты покоятся рядом с бывшими директорами завода. В целом обстановка тех лет – это кошмар, достойный фильмов ужаса Хичкока. Какой город может «похвастаться» тем, что здесь убили действующего мэра, бывшего заместителя мэра, главу администрации одного из районов и главного архитектора? Погибли несколько известных журналистов, вставших на пути криминала. «Воровские сходки» и «бандитские стрелки» стали нормой городской повседневности. Один из бывших мэров получил длительный срок за махинации с землями. Картина маслом. «Воевал» не только криминалитет, вовсю боролась меж собой, номенклатура. Налицо было сращивание власти с бандитами. Жители города попали под страшный пресс новой российской действительности.

Город разделен на три, далеко расположенных друг от друга, жилых района. Жители этих районов составляют отдельные «ментальные» общности, артикулируя разницу между ними. В общем-то, недолюбливая чужаков из других районов. В народе районы города делят на «Новик», «Старик» и «Комсу». Прозвища говорят сами за себя. Между районами города не было никаких ниточек связей. Улицы Тольятти, лишены форм досуга, способствующего пребыванию людей на свежем воздухе, создана лишь рациональная и простая среда для передвижения из одного пункта назначения в другой.

Не будем ставить типично русский вопрос – Кто виноват? Что делать? Для нас важен срез памяти фрагментов среды города, позволяющих по-

смотреть сквозь призму времени историю Автограда. Для кого-то короткой, для кого-то предельной и рубежной для понимания сути развернувшейся постсоветской драмы. Без административных труб, без чиновничьих барабанов и рапортов в СМИ, которые лично мне, надоели до отвращения. «Могло быть хуже». Или – «у других еще хуже», также не аргумент. Очередная попытка замазать номенклатурно-административным методом, живое и по-настоящему, историческое прошлое. «Лицом к лицу – лица не увидать. Большое видится на расстоянии», – писал поэт. Неприятным «открытием» для советской и российской управленческой элиты стало то, что время, отведенное на изменения, на владение ситуацией, оказалось не «вечным», а парциальным, дискретным, невосполнимым, ограниченным по своему вектору движения. Что произошло потом? Как показало развитие событий, начались неуправляемые толчки и тряска, сродни вулканическим, завихрения, топтание на месте, одним словом – социально-экономический коллапс, все вышло из-под «контроля». Длительная статика системы сменилась на непредсказуемую динамику. Все это тонко «чуют» поэты и писатели, художники и жители города, намесившие своими башмаками за долгие годы не одну тонну грязи. Поговорим о восприятии постсоветской реальности глазами и устами независимой, неподцензурной литературы Тольятти 1990-х-2000-х. Сквозными темами и сюжетами поэтики группы авторов объединения «Орфей» (Лада Дождь, Сергей Грудев, Вадим Гнатовский, руководитель С. Сумин) были: природа и цивилизация, смерть и бессмертие, существование вещи, пустотность бытия, город, смысл жизни, миф и реальность, прошлое и настоящее, художник и общество, поэзия как маяк. Основная тема прозы и стихов Вадима Гнатовского – существование художника в нынешнем жестоком мире. Персонажи его рассказов мучительно переживают разлад между собой и временем, поэтом и толпой. Творчество Гнатовского полно трагических красок, он без украшений рисует современную ситуацию мира, оставляя читателю надежду лишь по поводу любви и бескорыстного творчества (Например, рассказы «Гордость затронули» или «БуратинО»). В поэзии и эссеистике Сергея Сумина философски отстраненно, но при этом пристально прослеживается конфликт человека-личности, оказавшегося между урбанизированным городом и природой (Книга «Письмена листвы»). Гармоничное существование человека невозможно без экологии души и тела, разума и чувства. После пожара 2010 года Тольятти потерял четверть леса. Почти не осталось лесных зон для отдыха горожан. В лес ходить запрещено.

В Тольятти сформировался и быстро стал популярным круг авторов, которые посвятили себя драматургии. Можно говорить о том, что главной движущей силой и вдохновителем тольяттинских драматургов стал Вадим

Леванов, драматург, сценарист. Феномен тольяттинской драматургии возник в городе, имя которого прочно закрепилось в названии этого объединения. В 1998-м году по инициативе В. Леванова был образован Театральный центр «Голосова-20». Через год к нему примкнули совсем ещё юные драматурги – Юрий Клавдиев и Михаил Дурненков, а спустя два года – Вячеслав Дурненков. Здесь взял старт ежегодный фестиваль «Майские чтения», в 2007-м он стал называться «Новая драма. Тольятти», и параллельно издавался драматургический сборник, включавший в себя как тексты русских авторов (на тот момент ещё малоизвестных, например, Н. Ворожбит, М. Курочкина), так и пьесы европейских современников (Ж.-Л. Лагарса, М. Равенхилла). Кроме В.Леванова, к тольяттинской драматургии относятся: Вячеслав Дурненков, Михаил Дурненков, Юрий Клавдиев, Кира Малинина. Это первая и самая мощная волна, прославившаяся уже в начале 2000-х годов. Примерно в 2005-м году к написанию пьес подключились сёстры Савины. Большинство постановок пьес тольяттинцев можно было увидеть на «Голосова-20»: «Голубой вагон» (В. Дурненков), «Культурный слой» (В. и М. Дурненковы), моноспектакли по пьесам Ю. Клавдиева. Основным лейтмотивом творчества можно назвать противостояние страшного города и одинокого человека. Город Тольятти буквально заставляет авторов искать художественные и жизненные выходы из тёмного промышленного лабиринта. Общие темы, образы, лейтмотивы – эсхатологизм, экзистенциальная проблематика, тема отчуждённости современного человека, жестокость и нежность, норма и ненормальность, тема насилия, город как пространство ужаса и давления, метафизические проблемы выбора и свободы. «Действительно, город в пьесах тольяттинцев воспринимается как «испытание», аллегория стресса и отчуждённости, апокалиптики и эсхатологии, вместе с тем город – это живое существо, которое может героя удержать или отпустить. Город – сон, из которого надо вырваться и из которого, одновременно вырваться нельзя. Отдельная тема возникает у Юрия Клавдиева: попытаться преодолеть город можно через насилие (единственная реальная сила в урбанистической среде) либо через мифотворчество, создание легендарных оправданий жизни, изобретение альтернативной метафизики бытия». (Павел Руднев, Москва, «Живой журнал»). В 2010-х годах в Санкт– Петербурге Мария Сизова под научным руководством Наталии Скороход защитила кандидатскую диссертацию. «Феномен тольяттинской драматургии (В.Леванов, В. и М. Дурненковы, Ю. Клавдиев)». Думаю, не преувеличением будет сказать, что сейчас те, кого в 2003-2005-м окрестили «тольяттинским феноменом», во многом формируют лицо современного российского театрального и киноискусства. Одной из первых значимых работ был спектакль Вадима Леванова по пьесе Вячеслава Дурненкова «Голубой вагон» в

2002-м году. Затем был «Культурный слой» по пьесе братьев Дурненковых, которых пригласили на фестиваль «Новая драма» (2003), где целый день был посвящён тольяттинской драматургии. Владислав Флярковский от имени телеканала «Культура» долго возмущался по этому поводу: «Если признавать, что искусство отражает жизнь, то ничего чистого, доброго и светлого от тольяттинской драматургии ждать нельзя». Что, впрочем, не помешало спустя два года появиться спектаклю «Последний день лета» (по пьесе «Культурный слой») в репертуаре МХТ им. Чехова и многим другим спектаклям по пьесам тольяттинских драматургов. Планы были грандиозные, и многое нужно было начинать сначала. В Тольятти это всё равно, что высаживать новый сад в пустыне.

В наши дни стало очевидно, что и нынешний мир таковым уже не будет. Произошел новый взрыв изменений. Обостряется противоречие между социумом и личностью, персоной. Основной нерв этого столкновения – этическое и эстетическое пространство человека-личности, социальными и правовыми нормами общества потребления и всеобщего маркетинга. «Вам разрешается есть и пить, но вы не можете общаться» – основной постулат COVID19-20, так формулируется «формула счастья» воинствующего обывателя нового времени. Страх запускает множество социальных фобий и синдромов. Отсутствие работы, особенно для молодежи, «неуставные» отношения между работодателем и персоналом в частном и государственном секторе экономики, неправомерное финансовое обеспечение труда – «черные» и «серые» схемы оплаты, без записи в трудовой книжке (значит, без пенсии), «выжимание пота» из населения за счет увеличения всяческой рабочей нагрузки, поставили людей на грань отчаяния. Всем недвусмысленно предлагается заниматься бизнесом, т.е. самообеспечением. Государство отвечает только за сбор налогов. И не более того. Спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Психика человека неустойчива и нуждается в постоянном терапевтическом воздействии, которое осуществляется путем привносимого культурой раскрытия новых аспектов реальности мира, порождающих новые смыслы, новые ценностные представления. Наступила новая социальная антропология. Мы построили город. И город строит нас. Если в начале 70-х годов огромным благом было получить и жить в благоустроенном жилье, то уже в 90-е годы, в окрестностях были заложены несколько поселков частных домов с приусадебными участками. Одноэтажная Америка в Тольятти. Новое качество и стиль жизни. Жители коттеджных поселков, которые разрослись повсюду, с пренебрежением относятся к жителям, проживающим в стандартных кварталах. Но и город отвечает загородному «истэблишменту» взаимностью. Жители поселков страдают, не имея возможности выехать из-за пробок в город на работу, по

делам через единственное «узкое горлышко» связи с «большой землей» жилых кварталов. Пожарные и скорая помощь не могут проехать туда в пиковые часы. Там живут не люди, а «частники». Так и хочется спеть популярный некогда куплет: «Там живут несчастные люди-дикари, на лицо ужасные – добрые внутри…». На современном этапе можно отметить новый поворот в массовом сознании людей. Жизни на показ формировавшегося тогда среднего класса. Приобретая трехэтажные «виллы» в 90-е годы, они демонстрировали свой престиж, финансовую состоятельность. Теперь не могут продать их за полцены от вложенных средств. «В этих поселках нет много из того, что нужно для нормальной жизни человека: детского сада, школы, поликлиники, универмага, парковых территорий. Ты живешь как бы за городом, но оказываешься в замкнутом мирке. По сути это та же самая квартира, но без инфраструктуры – там даже негде погулять, встретиться, поболтать, пройтись и природы по большому счету нет», – говорит в интервью газете «Понедельник», архитектор Колоярский. Это напоминает большую резервацию. Это уже другая социальная психология людей. М. И. Сизова приходит к такому выводу: «Город бедных, город, где остается без применения огромная человеческая энергия. С другой стороны, это общество потребления, сформировавшееся в России на рубеже XX—XX1 веков. Новая формация «людей-белых воротничков», манагеров (менеджеров среднего звена), зацикленных на увеличении собственного капитала. Такое осмысление художественного мира порождает особый тип пространства, герои которого находятся в состоянии стресса, отчуждённости. Они постоянно и безуспешно пытаются понять, кто они? Что они делают в этом странном и враждебном им мире, готовом их растоптать и поглотить?». Подобное ощущение отчужденного, опасного пространства неизменно, хотя и по-разному отражается в пьесах ярких, самобытных тольяттинских драматургов. Поговаривают, что АВТОВАЗ отработает еще 10 лет и ресурс его закончится. Не хотелось бы повторить сценарий опустошенного Детройта. «Сегменты районов. Клетки кварталов. Сеть улиц. Лысины площадей», – такие образы рождались у драматургов как метафоры опустошенного города. Другие «заинтересованные» группы связывают возрождение города со строительством моста в районе села Климовка. «Да уж, – говорили таксисты – «Тольятти как медвежий угол, – дальше дорог нет». Иосиф Бродский писал: «Что роднит память с искусством, так это способность к отбору, вкус к детали… Память содержит именно детали, а не полную картину сценки, если угодно, но не весь спектакль. Детали, из которых складывается картина, которая решительным образом отличается от того, что было на самом деле, и тем более от того, что замышлялось». Именно по этой причине подобного рода описание будоражит воображе-

ние, вдохновляет и требует продолжения. Точность в деталях воспроизведения на экране или в тексте, позволяет зрителю и читателю безоговорочно верить в придуманную историю. А как быть с памятью поколений? Память обрастает легендами, сказками, тостами и анекдотами, образуя мифологическое сознание народа. Оноре де Бальзак был точен в деталях в описании язв общества «урбанического» Парижа времен барона Османа, поставив в центр внимания социально-психологические проблемы города, который становился культурной столицей мира. Автор теории «дрейфа», французский писатель Ги-Эрнест Дебор, развил эту идею, сфокусировал взгляд на игровой стороне современного урбанизма. Анализируя проблемы архитектурной организации Парижа, он приходит к пониманию того, что чувства и эмоции горожан тесно связаны с положительным восприятием комфортности среды. В каменных джунглях полноценно жить невозможно. Привыкание к пространству наступает в тот момент, когда становится ясно, что оно конечно, и ничто нельзя повторить, изменить. Кто в Советском Союзе мог себе представить, что в России будут те же проблемы парижской клоаки – беспризорники, лица, без определенного места жительства (в народе именуемые бомжами) и «бедные», не трудоустроенные женщины со «сниженной социальной ответственностью», занимающиеся проституцией и т.д.

Тольятти как город «коммунистического завтра» хлебнул эту новую реальность в полной мере. Тольятти некогда позиционировал себя как город первопроходцев – «пассионариев», приехавших создавать город «будущего». Территорию, организованную как «рабочий поселок» практически невозможно превратить, например, в наукоград или инновационную зону «опережающего» развития. Что же достанется нашим детям и внукам, их потомкам? Что-то не видно света в конце тоннеля.

Сергей Ивкин. Имя мне – дым. Тверь. Москва. 2020 г. Серия «Башня».

Поэзия Сергея Ивкина чрезвычайно объемна и охватывает собой все вехи мироздания: в ней есть и размышления о Боге, как о личности, и лирика любви, эротическая тональность и осмысление женской природы, одухотворение мира и взгляд сквозь время.
В сти хотворении «Имя мне – дым» поэт персонифицирует Бога, обращаясь к нему как к личности, наделяя Творца определенными качествами и проводя сравнение между собой и Богом, и мы видим с самого начала стихотворения, что эта сравнительная черта становится также и разделительной.Автор противопоставляет свое существо тому существу Бога, каким он является в представлении поэта. Стихотворение наполнено тенями: мы встречаем здесь Тень страха, Тень вины, Тень обиды. Бог видится автору авторитарным, карающим, властным. В строчках «Имя мне — хохма, за которую бьют в живот. Вынь мой язык и скорми прилетевшим тварям» мы видим отсылку к библейским мифам, и понимаем, что автор ощущает себя ранимым пиитом, и, как всякое дитя свободы– светлым и чистым шутом. В строках «Имя тебе — Надёжность: ты создаёшь города и способы взятия их, в идеале.» – видна печаль фаталистических размышлений об истории человечества и его сути, а в последних строчках «Имя тебе — Закон. Ты — вершитель небесных дел. Просто убей меня и спокойно царствуй.» – тоска по безусловной Любви. Здесь даже виден мотив Христа – поэт предстает Христом, а Бог– царем Иродом: « Просто убей меня и спокойно царствуй».

В стихотворении «Отец играет на скрипке» проявлена другая сторона медали-извечная тяга человека к Богу. «Господи Милосердный, это моя молитва, в сердце моём калитка. Выйди и плачь со мной.»– в данных строчках чувствуется надрыв и чистота искреннего сердца, призыв и порыв к Богу переплелись с болью утраты и нежнейшей любовью.
В стихотворении «Веретено» автор размышляет о Судьбе, двигатель и течение которой остаются для нас загадкой: «Прялку мы ещё не способны осмыслить». За пеленой монотонного течения будней мы часто не можем увидеть, разглядеть смысл жизни, мы теряем его, погружаясь в апатию, но автор утешает нас в этом и советует просто отдаться течению жизни, не задумываясь: «Ничего не остаётся, кроме обещаний: Когда-нибудь из твоей нити будет сплетена ткань. Но не сейчас. Сейчас у тебя только и есть, что веретено. Наматывайся, наматывайся, цепляйся за него». О смерти поэт говорит: «Ножниц ты не заметишь» и далее фатали-

стически замечает–«Пряжи не сочинишь.» Мы не можем управлять ходом жизни, не можем «спрясть» свою судьбу.

В любовной лирике Сергея Ивкина также продолжаются религиозные мотивы и стремление к духовной высоте чувства внутри себя: «Эта жен-щи-на у меня болит. Не касался её, а болит фантом. Понимаю: Ева, или Лилит, или все, кто в Библии есть потом» и подчеркнутый сияющий пик, стремление ввысь: «Не дай Бог заметить её в сети: вместо тик и так — колокольный звон.»; «в сумерках тело становится цвета бумаги библии Гуттенберга Чтобы любить тебя надо отказаться от человека Ждать а не желать».Есть и светлая детская линия в стихотворениях «Некрасивая девочка» и «первое чувство розочкой распорол», в них есть отсылка к самым первым чувствам и впечатлениям поэта, к солнечному веснушчатому счастью. Эротическая линия представлена как кипящим описанием страстей в одних стихах: «Нам выпали нажористые дни: промасливаться, жариться, вариться. Нас так сплело, что не разъединить. : Еще немного перца и корицы.», так и сожалением о недостающих октавах в других : « Мы не любили, а занимались любовью. Любят, мне представлялось, как-то иначе.»

От ипостасей Бога до анализа своей судьбы, от взгляда сверху на историю человечества до взгляда изнутри на свою семью, от осмысления любви к порывам страстей и чувств, от ностальгии по ушедшему до сожалений – поэт проходит тот же Путь, что и мы.

Оля Кириатти

Александр Очеретянский. «С миру по нитке.....»
Тольятти, 2020. Амамах Поэц, Плато Пресс. – 32 стр.

В Тольятти выпущена небольшая книга. Небольшим, но достаточным для самиздата тиражом – 100 экземпляров. Вновь совместный труд двух независимых и неутомимых издательств – «Амамах Поэц» и «Плато Пресс» (другой вариант названия – «Плато Тольятти»). Книга называется – «С миру по нитке.....». Именно с таким многоточием. Её автор – Александр Иосифович Очеретянский, русский поэт, редактор, исследователь литературного авангарда, издатель знаменитого альманаха «Черновик».

К большому сожалению, Александра Иосифовича уже нет в живых, его не стало в прошлом году. Он был светлым, добрым, искренним человеком. Человеком, который не мыслили себя вне поэзии.

Он родился в 1946-м году в Киеве, окончил Киевский институт культуры, работал библиотекарем. Эмигрировал в США в 1979-м, жил в Фэр-Лоне, штат Нью-Джерси. Собственные стихи Александра Иосифовича до эмиграции не публиковались. Его поэзия следует футуристической традиции. Он тяготел к свободному стиху, к визуальной поэзии. Кроме того, он был прекрасным фотографом, находившим поэзию в самых незначительных мгновениях жизни. В этой книге в качестве иллюстративного ряда представлены некоторые его фотографии.

Книга – дань светлой памяти, скромная попытка выпустить на бумаге малую часть его наследия, которое ещё ждёт своего воплощения в многотомном издании.

В завершение одно из стихотворений из книги Александра Очеретянского:

на ветру леденящем
осенняя нежность
всех немыслимо-мыслимых полутонов
и тонов и оттенков и полуоттенков
и прозрачное нечто
нигде не прочитанных слов

Книга предназначена для всех любителей поэзии, для всех, кто ценит красоту слова...

Виктор Хлебнов

Дмитрий Терентьев, «Пламень веры»: повесть, Нижний Новгород, ИП Гладкова О.В., 2019г.,71 с.

Смотрит человек: из-под бровей, , из-под шапки, из-под руки, ладошки. Но , в конце концов, он смотрит всегда, если осознанно, то из-под ведения. Малыш, держащийся и рукой и взглядом за маму, ведает детскую, дом, двор и его обитателей. Обрастает знанием с каждым днём –

нет, он даже этим каждым днём и обрастает. Пытаясь порой от лишних из них, нежелательных, нелюбимых или неудачных, избавиться. Взрослый избавляется легче: и от дней, и от людей. Только от знания людей ему избавляться нельзя – жизнь не простит. Накажет за забывчивость.

Книга Дмитрия Терентьева, выдаёт героя, глядящего из-под иного ведения. И в начале её, и в завершении. В начале, до жизни персонажа в монастыре, просто другого, верно, большего. В конце же, преображённого, отображённого в послушнике, в его умении смирения в себе. Усмирения волею к поступку и труду полезному, доброму, праведному, страстей и распущенности в мыслях, в руках, в словах. Умеющему видеть в малых делах верность замыслу Господней благодати, мира Господнего, на земле, среди живых.

Переиначивать семьдесят авторских страниц в несколько строк – небрежность читательская. Даже жестокость к тексту, к оригиналу. Но для не читавших эту повесть (при тираже книги 250 экземпляров таких большинство, без сомнения), помечу главные штрихи сюжета, чёрточки героя. Молодой человек с трудовым (речной флот), учебным (училище и ВУЗ), семейным (развод с женой) опытом, стеснённый в родном городе знакомыми ему и другим неудачами и невозможностями, отправляется в скит. После несения нескольких дней себя в послушании под руководством настоятеля, возвращается домой. Внешний контур событий, как всегда в духовной литературе и жизни вообще, практически незаметен, незначителен, скуп.

В повести Терентьева, как и в иллюстрирующих книжку рисунках Елизаветы Байдуровой , важна описательность эпизодами, сценками, небольшими приключениями героя на подворье: то он огородничает, наблюдая за детьми и напарником, то чинит монастырскую «Ниву» и отбивается от явившегося в лице новоприбывшего искушения (оставить работу, послушание, дело). Показательны сценки эти не меньше, чем попытки объяснить замысел во всём происходящем. Это послушание и прислушивание, приглядывание к заведённому порядку, эпизод за эпизодом, роль за ролью (несение одной из святынь в церковный праздник, беседы о русской литературе и любимых писателях с бывшим филологом). Каждая из них, как научение в благоразумии, во вдумчивости, в сдержанности.

Это не книга придыханий – это книга притиханий и одновременного утверждения, установления уверенности в неуверенности. Пронеся своё послушание, внеся себя трудом в жизнь подворья, молодой человек уносит понимание доброго поступка богоугодным, будь это всего лишь покупка овощей с огорода при ските на выходе с территории. Ведь за её

пределами её свои боги и божки, свои страхи, искушения, борьба волей и пожеланий. И хоть порой кажется, что «бешеное Небо – строгий господин», но послушание воле людской чревато порой грехом большим , злейшим, чем воле Господней.

И это даже если за ней, в конце расследования, также окажется попытка воли людской господней обернуться. Или господ обернуться Господом. Но это, как известно, совсем другая история.

Наталья Стикина, «Танго с тенью», Союз писателей Республики Коми, Сыктывкар, 2018г., 32 с.

Главное о книге Натальи Стикиной «Танго с тенью» сформулировано её же словами в заглавном стихотворении сборника – это попытка (удачная) остаться «На солнечной стороне».

В книге выделяются три основные тематические направления составивших сборник текстов: посвящения семье и близким («Пока ты с детством», «Самолётик», «Во мне»), внесение любовной лирики темой дружбы , привязанности и, наконец, обращение к историческим сюжетам (библейским, в частности), именам прошлого.

В виде цитат и реминисценций, отсылок встретить на страницах книжечки можно и Афанасия Фета с его «Учись у них – у дуба, у берёзы», и Беллу Ахмадулину с её «Прощанием» («А напоследок я скажу…»).

Всю книгу объединяет одна трогательная интонация , оформленная в словах автором лаконично в посвящении Вирджинии Вульф: «Защита моя – безупречная незащищённость».

Словно заклинание или кредо звучат слова Натальи: «Писать о жизни. Только белым цветом».

Чувствуется бережное отношение автора к классикам, некоторым из которых подобраны лаконичные , но очень точные, удивительные, эпитеты: «взъерошенный Волошин, невыспавшийся Блок, суматошный Бродский».

Не чужд поэт и верлибрам – их в сборнике несколько: «Лестничная гармония», «В метро», «Каждую ночь».

От страницы к странице продолжается разговор с читателем, где «Мой внутренний цензор/Убитой свободы/Свободно/ Во мне/ Говорит».
«О стихах и вечности» также сказано очень точно:

«Отпусти, даже если стихи вдруг заступят за край.

Ведь у этих солдат под рукой ничего, кроме неба».

Надо подчеркнуть тактичность и даже тонкость автора в отношении к ключевым темам: недоговорённость в религиозной лирике на библейские сюжеты, выход в отвлечённость, наблюдающую, отстранённую, где главное непроизносимо, неназываемо, несказуемо. Unspeakable.

Поэт не забывает и о родине географической, посвящая ей стихи, где сказано, как «приживается Север. Под кожей. Навек.»

Хороша лексика книги. Есть и редкие слова, сочетания их: ветер-листоруб, лукаво-красный, строчный ранжир, войпель (Северный ветер в мифологии Коми), исплакаться, сватья, танго криольо, смурной.

Есть в этой книге слова, с которыми не хочется спорить. Да и оспаривать в этой книге не хочется ничего. Хочется лишь листать этот прижившийся Север с примесью книг. И сказать спасибо автору за чёрные буквы слов белого цвета.

Сергей Сумин «Письмена листвы», Тольятти, 2020г., 157 стр.

Вышедшая в 2020 году в Тольятти книга Сергея Сумина «Письмена листвы (гербарий для посвящённых)» с иллюстрациями, графикой Марии Тарадовой – это способ перечить классике, любя её. Литературный вымысел – супергерой словесности девятнадцатого века Козьма Прутков, в числе прочего, утверждал, что «нельзя объять необъятное». Сергей же в своём итоговом сборнике, подводящем творческий итог двадцатипятилетия сочинительства, пытается если и не сделать это, опровергнув сатирика, то хотя бы литературно бороться с возможным склерозом, беспамятством. Среди упоминаемых на страницах работы знаковых фигур искусства своего времени и Франц Кафка, и Артюр Рембо, и Рене Магритт. А в ряду литературных персонажей – перекочевавший из знаменитой работы Фридриха Ницше вместе с её названием Заратустра, самим философом, как известно, заимствованный из религии шумер – зороастризма.

Сборник волжского поэта, прозаика, ведущего литературные мероприятия организатора культурной жизни , поделён на тринадцать разделов. Каждому трилистнику даны растительные соответствия: берёза, калина, дуб, клён, дикая малина, рябина, орешник, яблоня, липа, сосна, чистотел, полынь, папоротник. Им же присвоены категории из мира познаний и чувств: размышления, сомнения, прозрения, созерцания, восприятия, безмолвия, познания, просветления, надежды, подобия, очищения, горечи, тайны.

Подобием Басё в прозе звучат слова автора: «В глубоком молчании живёт дивная речь, в полнейшей тишине прорастают подлинные слова» . Не скупится писатель и на ключи к сути поэзии: «Стихотворение нельзя объяснить, только понять».

Сергею свойственны ирония и самоирония. О жизни, подстерегающей и подстерегаемой, он пишет: «Случается – только задумаешься над чем-нибудь хорошенько, а глядь – надо действовать».

О даосизме и присущей ему мудрости не забыто: «Ни о ком не сожалей, как о потерянном, лишь сам не заблудись в Пути».

Перекличкой с Борисом Гребенщиковым и его строчкой : «падающим в лифте с каждой секундой становится легче» – кажутся слова об «абсолютной свободе падения». Из восточной азиатской дрёмы всплывает вопрос: «Сон ты мне или кто?»

Психологических наблюдением – следующее: «Мало стыда у стекла, мало стыда у сосны, мало стыда у ребёнка, сколько стыда у тебя?»

Ещё больше юмора – под заглавием «История мировой мысли в вопросах и ответах». К примеру, «Что сказал Ной, когда пошёл дождь? Ну, с Богом!»

Некоторые афоризмы, суждения, звучат как напутствия, наставления. «Первейшая человеческая ответственность – это ответственность за сохранение лучшего в себе.» Или ещё. «Юность тратит так много, что старости никогда за это не расплатиться».

Помните, как пел Пётр Мамонов: «Но не страшит его успех, и не обманывает жалость». Вот и Сергей Сумин отчасти вторит непреднамеренно: «Философ обычно говорит себе: «Если тебя любят – значит принимают за кого-то другого»».

Каждый раздел обозначен также датами создания, написания. Интересно, что с большим становлением автора связано и более частое обращение к окружающей российской действительности: здесь и краткие мысли о походе в горы, и заметки об архитектуре русского модерна. Вообще, всё более рекомендательными становятся слова написавшего эту книгу. Важно, что не обойдены вниманием и события литературного мира, в частности, сделан очень краткий обзор работ нобелевского лауреата Питера Хандке.

Прозаическая книга не исключает поэзии – здесь она даже в названиях: «Погружение в цвет» и т.п. Чувствуется не оставляющая писателя творческая энергия, его непрекращающийся поиск. И это несмотря на правдивость очевидного: «Чем больше мы узнаём, тем меньше готовы действовать!! Прочь такие познания!»

И в завершении, из навеянного Горьким: «Человек – это возможность человека». А я добавлю: человек с книгой – это возможность и человека, и книги. Ведь только он делает чернила и бумагу много более важным, ценным, большим, чем они. Мне кажется, понимающего читателя в этой книге не ждут разочарования.

Сергей Уткин

Канарейкина У. «Живу», «Ликование», Тольятти, 2019 г.

Две тонкие книжки стихов...и даже не стихов, а коротких словесных зарисовок. "Живу" и "Ликование". Я не случайно объединила их вместе. Просто обе они составляют единое целое – это сборник коротких словесных зарисовок о том, что каждый из нас видит каждый день. Особенно это ощущается в книге "Живу".

"*Зарядку надо бы сделать*
Да лень" (думаю, большинство подписалось бы под этими словами. Лично я – да). *"Знакомые звуки. Вороны зовут на прогулку"*.

Здесь нет размышлений о политике, социальных проблемах или глобальных философских вопросов. Это просто зарисовки о жизни в формате "здесь и сейчас". Это просто жизнь, какая она есть. Повседневная.

Обычно поэты – злейшие враги повседневности, но не Ульяна Канарейкина. В ее стихах повседневная жизнь выглядит вполне себе уютной – как чашка горячего чая и плед в зимний вечер (надо бы попробовать хотя бы раз. А то так часто встречалась с этим образом в интернете).

Лирическая героиня прогуливается по улице, наблюдает за окружающей природой – воронами, воробьями, срывает пучок полыни.
Никаких выводов, никакой морали. Разве что в этой фразе

Встретила двух хороших людей
День прожит не зря.

В "Ликовании" настроение немного меняется. Интересно, что в заглавии используется не "радость", не "восторг", а самая крайняя степень эмоции – ликование.

И в этом мире ликует все – от слизня, которого дачники не заметили до поэта и музы, которую поэт не прогнал. Кстати, странный образ – обычно музу не дозовешься. Даже Ахматова жаловалась на капризный

характер Музы. Но, видимо, изменились времена и изменились поэты. Поводом для ликования автора становятся самые обычные вещи – забитый гол, погашенный кредит и летние каникулы.

Алина Науменко

Андрей Князев «Боярыня Морозова», водевиль в 2-х актах, 2019 г. Самиздат.

Ингредиенты творчества тольяттинского прозаика Андрея Князева общеизвестны. Манера автора сложилась примерно в середине 90-х годов и за 25 лет хотя и эволюционировала, но в целом осталась в рамках найденных открытий. Итак составляющие эти таковы: эротика (местами переходящая в софт-порно), психоделический коктейль эпох и тонкая ирония. Конечно, этот рецепт приготовления основных произведений автора (пьес, поэм, сценок, рассказов и фельетонов) может показаться слишком простым, а метод Князева утрированно назван некоторыми критиками эротическим постмодернизмом с элементами мелодрамы и фарса. Однако не все так просто. Начнем с того, что у тольяттинского автора все хорошо со знанием мировой истории . Точная прорисовка персонажей не предполагается, но основные сюжеты исторических драм в целом соблюдаются. В пьесе Андрея Князева участвуют следующие персонажи: инопланетяне, боярыни, кадет, протопоп Аввакум, негры, юродивые. Да, это фарс, но экзистенциальный. Сюжет водевиля, как всегда в этом жанре не слишком важен, и все-таки довольно заманчив – инопланетяне ищут Бога. И главное – находят. Здесь. На Земле.

В произведении находится место игровым диалогам, эстетическим провокациям, застольным песням, рэп-танцу, колыбельной и т.д. Метод своих произведений сам автор определяет как гротескный псевдоисторизм. И это во многом верно. Князев удачно совмещает скурпулезную точность исторических деталей с абсолютно фантастическими элементами. Например, действие пьесы отнесено к ноябрю 1663 года. Все персонажи – реальные и исторические. Но дело не в этом. Дело в том, что водевиль – эпатаж и провокация. Читать такие вещи следует по причине того, что они развивают нашу терпимость, воспитывают вкус, учат самоиронии. В общем, водевиль своеобразный: можно танцевать, а можно думать.

Далеко-далеко-далеко на озере Чад
Падает снег – синий-синий – и сани скрипят.

Михаил Лёзин, «Клееслов», «Метропортвейная», «Кристалл пирита», 2019-2020 гг. Амамах поэц, Плато Пресс, Тольятти

Михаил Лёзин всегда выделялся среди своих товарищей из группы «Олимпийские игры» своей серьезностью. Нет, эта серьезность не метафизическая, философская, головная. Это серьезность внутри игры под названием поэзия. Последние его тексты наметили давно заметную тенденцию к углублению его стихов и насыщению их эмоциональной составляющей, чего в ранних сборниках почти не встретишь. Сравните:

Пешки
пешки ложки
на окошке
Крученыхи
Поручни
Яблоки моченые
В сметане
(1998)

и

берег сонный и прекрасный
вечер тихо засыпает
Солнца круг уходит красный
вскоре вовсе исчезает
(2019)

Это не говорит, конечно, что автор отошел от традиции авангарда. Чтение Крученых и Бурлюка в 15-16 лет не проходит даром ни для кого. Поэтике Михаила свойственны: звукоподражания, внутренние скрытые рифмы, отсутствие знаков препинания, абсурдные сопоставления далеких понятий и предметов. Но основные темы творчества поэта по–прежнему – город и лес. Город – это маяковское «адище», а лес это – чудо и сила. Недаром одна из любимых песен Михаила – песня его зна-

комого Максима Котомцева «На желтой дороге», рисующая потрясающей красоты и чистоты природу тольяттинского леса.

И «Клееслов» и «Метропортвейная» – этапы творческого пути поэта Михаила Лёзина. О результатах этого 30-летнего пути говорить рано. Жизнь продолжается. Путь продолжается. Посмотрим, куда он выведет поэта!

Айвенго, «Дар напрасный», 2020 г. Плато Тольятти, Амамах поэц.

Общеизвестно , что для поэта поэзия – это зримая реальность, быт. Вот и поэт Айвенго живет внутри поэзии как дома. Собственно говоря, ничего другого у поэта Айвенго и нет. Только «дар напрасный, дар случайный». То есть жизнь. Или поэзия. В общем, книга – истинный автопортрет в слове тольяттинского поэта и драматурга, автора поэтических и прозаических текстов: миниатюр, гном, однострочий, рассказиков и палиндромов. В книге Айвенго, выпущенной плодовитым издателем А.Веревкиным, совсем немного страниц. Но это и не важно. Это настоящий самиздат, настоящая поэзия.

Айвенго часто причисляют к примитивной поэзии, детскому и абсурдному нарративу, но этими категориями поэтика автора отнюдь не ограничивается. Тут есть поэтические загадки, звукоподражания, считалки, иронические посвящения друзьям, постмодернистские коаны:

мили
та
ризм
мете
о
ризм

Айвенго может и нагрубить читателю, может послать его зарабатывать деньги, а может и приласкать, вместе посмеяться, но все-таки нужно помнить – он(автор) в поэзии – дома и разговаривает с нами с мягкого удобного дивана. Поэтому–то стихи эти резвятся, играют, подпрыгивают как дети. Они – тоже у себя дома, им весело:

Бежит/кричит/неандерталец/и вдруг/кусает вас/за палец/бежите/ и кричите/вы/теперь и вы/неандерталец

Сергей Сумин

Анна Долгарёва. Русский космос. Стихотворения. Тверь, Издательство «СТиХИ». Серия «Срез». Книга восемнадцатая. , 2019. 90 стр.

Обычно учат: если упал – поднимайся. У Долгарёвой на первой же странице: не бойся падать. И дальше – о падении, потерях, смерти. И о том, что не надо бояться падать, терять, умирать…

Очень хочется бросить жизнь и начать её снова.

Обычно у меня не бывает, чтобы, читая книгу какого-то современного поэта, вдруг откладывал бы книгу в сторону и начинал искать в инете подробности его биографии, выясняя, откуда растут его стихи, и возвращат--ься к стихам – и опять к биографии. Потому, что стихи о потерях и смерти – на самом деле об обретении и жизни.

Мёртвые ходят по городу, чёрному, как гематит.
Тянут руки к живым.
Пытаются защитить.

Читать эти стихи подряд, страница за страницей – не получается. Однодва – и переполняешься, захлёбываешься, выскакиваешь вдохнуть воздуха, передумать, пережить. Потому, что за каждым стихотворением стоит не эпизод – жизнь.Иногда смерть.

и на поля войны ложится дождь,
а после выпадает первый снег,
и ты несёшь по долбаной войне
болючее растрёпанное сердце.
И первым снегом заметает трупы…

Прерываешься, чтобы восстановить сердце после сбоя. И вдруг думаешь: ну, я-то в тишине, покое, безопасности – прерываюсь. Нет сил – читать. Каково человеку, это написавшему? Каждодневно, ежечасно живущему – с этим. В этом. И уезжая в другое пространство, он увозит это с собой, в себе.

Никомужней, ничтожной, никтожной
Мне задумано здесь потеряться,
В этой русской степи безнадёжной,
В этом выетом ветром пространстве.

От стихов Анны нельзя отстраниться, отгородиться. Хотя, у кого-то, может, и получится. Но пусть этот кто-то всё же попробует сначала вчитаться…

и будет жизнь задумчивой и длинной,
и солнечной, как листик на просвет.
а во дворе зелёном, тополином
у краешка воронки — их портрет.

В нашем огромном многослойном мире вполне можно прожить мимо того, что переживают и от чего умирают другие. Но эти стихи не для тех, кто способен так прожить. Они найдут – своего – читателя. Как подчас находит свою цель пуля на войне.
я шла по Каменноостровскому, и смерть моя тоже рядом/ шла, а я была живая невыносимо.

Владимир Безденежных. Наблюдения. Стихотворения. Тверь, Изд-во «СТиХИ». Серия «Срез». Книга девятнадцатая. , 2020. 76 стр.

Что делать горожанину, который врос в свой город, как врастает городское дерево в асфальт и бетон? Что делать человеку, который в свои тридцать-сорок-пятьдесят «*не пришёл, не нашёл, не стал*»?

Что делать с этой судьбою, в эти… года,
Когда ничего ничего уже не предвещает

Что делать поэту, которому*Надо бы в песню сложить слова / Про луну и про реку. / Про ночь, что огнями сочилась, / Про ту, что рядом со мной…*
Но пиво кончилось, и песни не получилось.
Надо идти домой…

Может быть путешествовать?
Из настоящего, где *Хо-лод-но! / Артритные сучья клёнов-калек / Царапаются в окно.*
– в прошлое, где *был двор, и в нём росла крапива, /И что другие знали за гнильё — / Нам было с молодых соплей своё, / И было — Родина, и виделось — красиво.*
Из города, *Где на червивой горе / кремль зубастый / смотрит на игрища рек дуплами башен,* до голубой киношной лагуны, чтобы лиргерой *ходил по пляжу…Краснокожий, в одних трусах, / Размышлял о большом и важном:*
О дешёвом совсем вине, / О восходе и о закате.

От друзей детства, про которых*Не сказать чтоб центровые пацаны, / Но «на садке», в парке ли, в кружале / Среди самых резких «кружевных» /*

За базар всегда ответ держали до одинокой плечевой:*я тут, почитай, старожилка,/ а чё, три года на трассе,/ живу у одной сторожихи / при базе*

Помнится, кто-то из поэтов уже путешествовал вот так: от круга к кругу веков семь назад. Но автор не метит в классики:

Все эти адовы круги
Придуманы тобой.

Он не из давних веков – он из нашего времени, в котором знаменитый вопрос средневековых схоластов о количестве ангелов на кончике иглы находит современный ответ

На кончике иглы чернеет ночь,/И бога нет. Ни капли. Поршень вжат.
Где ангелы? Они свалили прочь,/ А может быть, убитые лежат.

Это путешествие безрадостно и вкус его порой нехорош, но кто-то должен писать об этом. Без искусственныхароматизаторов и улучшителей вкуса.

Я/ Через душевную трубу / Не пишу, а лишь перегоняю
Крепко забродившую судьбу, / И тяжёлой каплею строка там
Набухает за другой вдогон. / Самогон не может быть ректификатом – Самогон вонюч, как самогон.

Игорь Панин. Я не хочу это видеть. Сборник стихов. Тверь, Изд-во «СТиХИ». Серия «Срез». Книга двадцать третья. , 2020. 102 стр.

Манифест непременной беды. Поэт вообще существо драматичное, если не трагическое, но с таким концентрированным погружением в беду в поэтическом сборнике сталкиваюсь впервые. Если не считать Книги Иова, конечно. С первой страницы, с первой строфы

Что-то должно случиться,
что-то плохое…

И это, разумеется, не повод захлопнуть книгу. Это переживают/проживают многие, если не большинство. Жизнь вообще, как известно, смертельное заболевание. И с годами это чувствуется всё острее.

Не заметишь, как сгонят отовсюду.
Пожилой дурак, станешь верить в чудо,
…дети предадут, близкие ославят…

Не помогут и призывы оглядеться – посмотри, мол, как вокруг жизнь торжествует. Ну, оглядишься – и…

а я смотрю в окошко, братие,
как распадается вселенная.

Но в том-то и дело, что торжество энтропии переживает не обыватель, а – поэт, для которого – как сказать – подчас важнее, чем – что сказать.

замираешь, как ножик в чехле.

или

Что тебе обломилось,
кроме самых обломков?

И пусть извечная борьба добра со злом завершается победой зла (вообще или для конкретного человека), но ты понимаешь, что борьба – была.

В своё грядущее всмотрясь,
не нахожу разнообразья:
здесь я размешиваю грязь,
а там меня смешают с грязью.

И вслед за библейскими мудрецами осознаёшь, как мельчают масштабы апокалипсиса

ожидали второго потопа,
а погибнем от нашествия саранчи.

Тут уж впору дуэтом-с-поэтом воскликнуть

«Здесь вырастет ядерный гриб!»
А пусть вырастает. Не жалко.

И лишь понимание временности, сиюминутности самых горестных, самых страшных твоих заклинаний спасает... Или добивает вконец?

но ничего и не произойдёт —
ушла эпоха, магия исчезла.

Мы все умрём, конечно. Но умирать на пару с поэтом как-то интересней...

Она спала с поэтом, стихи его листая…/Он шлялся возле Леты, она — искала стаю. / …что от неё осталось? Она спала с поэтом!

Сергей Пиденко

Андрюша Джойс г.Тройник. Прозаик. Печатался в журналах Город, Missives и др.

Быков Сергей родился в 1958 году. Окончил Куйбышевский и Ленинградский университеты. Работал социологом на ВАЗе. Доктор психологических наук. Эссеист. Автор множества статей по психологии, культуре и искусству. В настоящее время профессор ТГУ. Живет в Тольятти.

Гоголевич Татьяна, 1962 год рожд., поэтесса, писательница. Член Союза писателей России, Союза российских писателей. Практикующий врач психотерапевт, кандидат медицинских наук, Действительный член Профессиональной Психотерапевтической Лиги. Живет в Тольятти.

Грантс Янис родился в феврале 1968 года во Владивостоке. Учился на историческом факультете Киевского государственного университета. Служил срочную службу на большом десантном корабле Северного Флота. Автор пяти книг стихов и книги прозы. Публикации в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Октябрь», «Нева» и других. Живёт в Челябинске.

Кабачкова Ирина Николаевна. Родилась и живёт в Сочи. Филолог, критик, кандидат педагогических наук. Автор сборника стихов «Про меня и про тебя», 2018 год. Печатала в многочисленных сборниках стихи, рассказы, статьи.

Карева Елена. Поэт, критик, переводчик. Родилась в 1962 году. Автор двух стихотворных книг, а также многочисленных публикаций стихов и статей в журнале «Город». Живет в Тольятти.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер, литературовед. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Князев Андрей. Родился в 1972 году. Поэт, прозаик, музыкант. Активный участник поэтической группы «Олимпийские игры». Публикации в различных изданиях. Работает программистом. Живет в Тольятти.

Ли Арсений. Родился в Ленинграде 6 октября 1977 года. Окончил биофак Уральского госуниверситета. Биохимик. Дизайнер, руководитель рекламного бюро «Револьверарт». Сооснователь товарищества поэтов «Сибирский тракт». В 2015 году вместе с Аллой Поспеловой и Андреем Пермяковым организовал издательство «СТиХИ» — «Сибирский тракт и хорошие индивидуальности.

Лунина Екатерина. Родилась в 1983 году. Пишет стихи и прозу. Публиковалась в коллективных сборниках. Живет и работает в Тольятти.

Мартышина Анна. Поэт. Живет в Пензе. Публиковалась в альманахе «Графит» и других изданиях.

Мурашова Анна. Поэт, прозаик. Учится на факультете журналистики ТГУ. Живет в Тольятти.

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, график, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пермяков Андрей. Родился в 1972 году в Кунгуре Пермской области. Окончил Пермскую государственную медицинскую академию. Кандидат медицинских наук. Работает в фармацевтической промышленности. С 2007 года публикует стихи, прозу, критические статьи в журналах «Арион», «Воздух», «Волга», «Дети Ра», «Знамя», «Новый мир» и др. Лауреат Григорьевской премии 2014 г.

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти. Автор книги "Прогулки по крепостной стене", 2014г.

Поспелова Алла родилась в 1971 году в Свердловске. Поэт, культуролог, бизнес-тренер. Один из основателей российского поэтического товарищества «Сибирский тракт». Главный редактор издательства «СТиХИ». Стихи публиковались в журналах «Урал», «Волга», в газете «Труд» и др. изданиях.

Сорокин Игорь. Родился в 1965 году. Закончил филологический факультет СГУ в 1988 году. В 1986—1991 состоял членом объединения «Контрапункт». Стихи и проза публиковались в журналах «Волга», «Знамя», «АБГ» (Тбилиси), «Черновик» (Нью-Йорк), «reflection» (Чикаго), «Дирижабль» (Нижний Новгород), «Василиск» (Саратов). Живет в Саратове.

Смирнов Роман. Родился в 1979 году в Электростали, где и проживаю. Публикации в журналах и сетевых изданиях "Homo legens", "Топос", "Казань", "Графит", "Formasloff"

Тененбаум Александр. Родился в 1981 году. Учился в ТГУ. Пишет рассказы, повести, либретто, стихи. Живет в Тольятти.

Тенятников Сергей, 1981 г., Красноярск – поэт, переводчик, видеопоэт. Пишет на русском и немецком языках. Победитель фестиваля «Эмигрантская лира» 2014 г. Лауреат литературной премии Фонда им. В. П. Астафьева 2015 г. Живет в Испании на о. Майорка.

Трошин Слава. Поэт. Художник. Родился во второй половине XX века в Поволжье СССР. Получил высшее образование экономиста в Самаре. Большую часть года проводит в сельской местности. Живет в Тольятти.

Ченцова Мария. Родилась в 1977 году в Тольятти. Училась в МГУ, училась в литературном институте. Живет в Тольятти и в Москве.

Шатовкин Виталий. Родился в 1982 году. Поэт. Стихи публиковались в альманахе сибирской поэзии «Между», журналах «Реч#порт», «Везалий». Работает в жанре метареализма. Живет в Новосибирске.
.